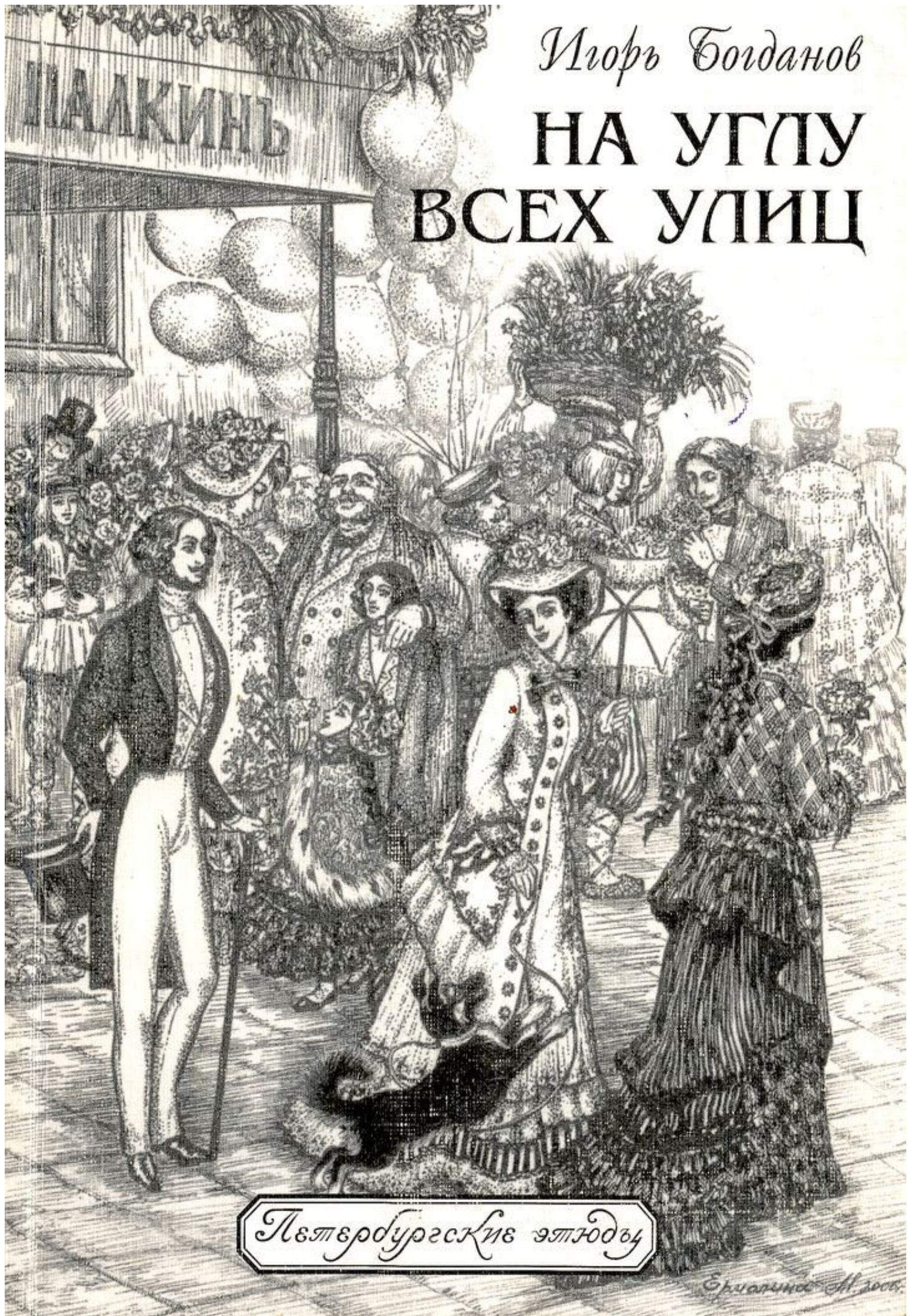


Игорь Богданов
НА УГЛУ
ВСЕХ УЛИЦ



Петербургские этюды

Бриллиант М. 2005

ИГОРЬ БОГДАНОВ

*НА УЛИЦЕ
ВСЕХ НАМИ*



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОСТРОВ

2005

ББК 26.89 (2-2 Санкт-Петербург)
УДК 913 (470.23-25)
Б73

Серия «Петербургские этюды». Основана в 2001 году.

Богданов И.А. На углу всех улиц. — СПб.: «Издательство ОСТРОВ». 2005. — 136 с., ил.

Книга известного петербургского историка И.А. Богданова рассказывает о двух домах на пересечении Невского и Владимирского проспектов. В одном из них находилось известное в свое время кафе «Сайгон», а сам дом располагался, как говорили тогда, на углу всех улиц.

ISBN 5-94500-040-X

© И.А. Богданов. 2005 г.
© Издательство ОСТРОВ. 2005 г.
© М.Г. Ермолина. Обложка.

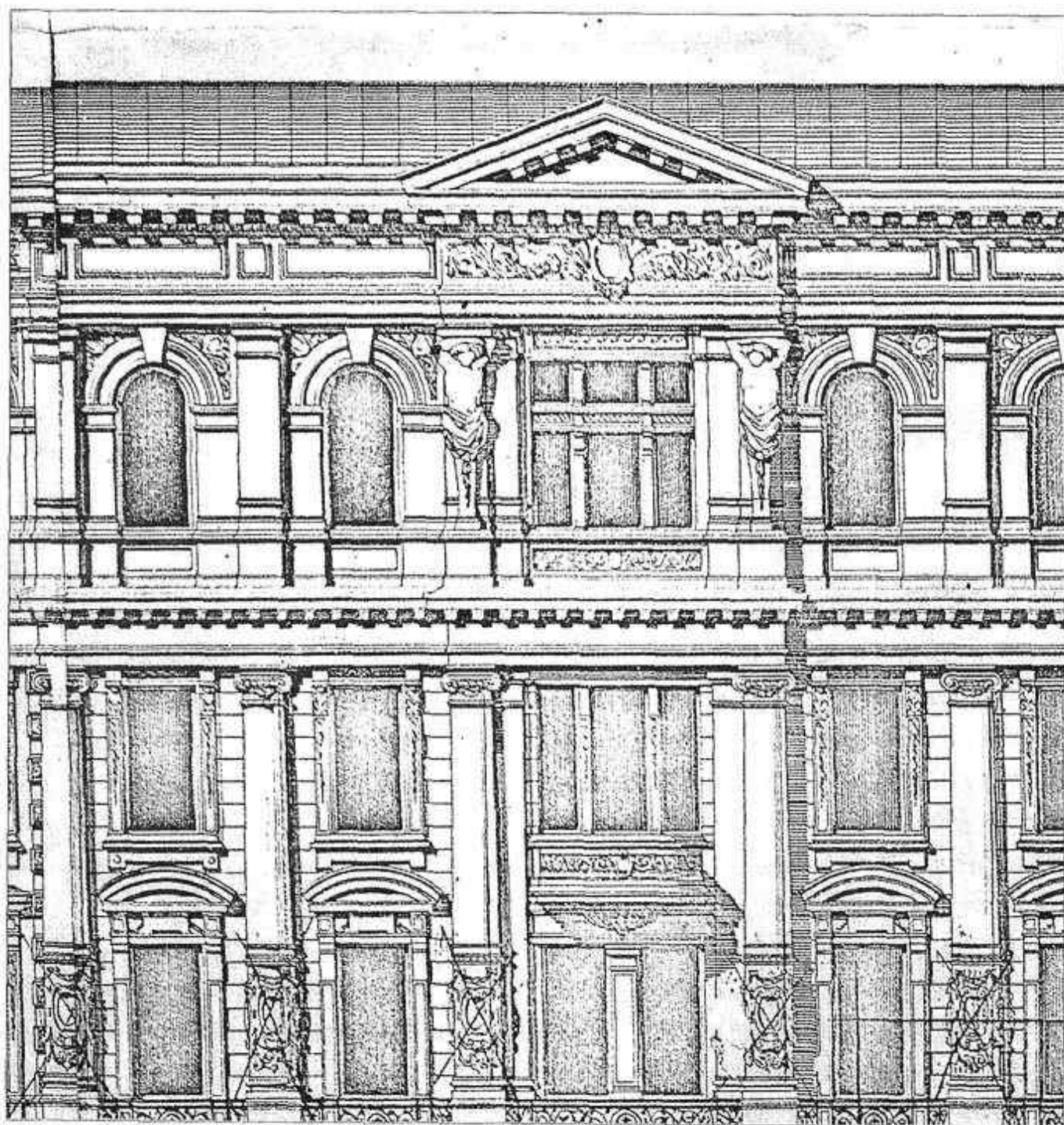
1.

Большинство ныне живущих петербуржцев даже не подозревают, что участок на углу Невского и Владимирского проспектов с XVIII века и, наверное, до 1830-х годов назывался Вшивой биржей. Когда-то это было захолустное место, и здесь, прямо на улице, под открытым небом, располагались цирюльники и предлагали прохожим, главным образом приезжим крестьянам, свои услуги за незначительную плату. «Обряд пострижения» свершался обыкновенно на тумбе тротуара.

По воспоминаниям современника, «была (...) цирюльня и на углу Владимирского и Невского проспекта, где трактир Палкина. Местность эта называлась Вшивой биржей. Нижний этаж дома был под аркадами, в нем помещались лавки, и около них всегда толпились носильщики-поденщики с веревками за поясами, а также была стоянка ломовых извозчиков и легковых лихачей, где зачастую можно было видеть сцены искания друг у друга в головах насекомых. Тут же шныряли разносчики, продававшие рubeц и печенку, сайки, сбитень, пироги, гречневики, пряники, и происходили игры сшибания гречневиков и ломания пряников, составлявшие забаву этих носильщиков и извозчиков. Игра происходила на медные деньги, и выигравший, кроме того, пользовался пряниками и гречневиками».¹

Старожилы продолжали называть это место Вшивой бир-

жей (хотя парикмахеров и их клиентов давно и след простыл) до советского времени. Думаю, я не сильно погрешу против истины, если распространю это неблагозвучное название на обе стороны Владимирского проспекта, да и мемуаристы называли Вшивую биржу «местностью», что позволяет нам раздвинуть ее рамки за пределы одного дома Палкина. А примерно в 1970-е годы, на которые приходится расцвет некогда знаменитого кафе «Сайгон», перекресток на углу Невского и Владимирского на студенческом сленге по-



Фрагмент фасада дома 49 по Невскому пр.
План. 1820-е годы.

лучил название «На углу всех улиц». Так, по предложению историка Петербурга Н. А. Синдаловского, я решил назвать эту книгу.

А начнем рассказ с XVIII века, когда этот участок еще только застраивался.

В первые десятилетия после основания Петербурга будущий Невский проспект назывался Большой перспективной дорогой (или Большой перспективой). Эту дорогу проложили от Адмиралтейства до Александро-Невского монастыря (поначалу она так и называлась — Дорога к Невскому монастырю). Между нынешней площадью Восстания и Адмиралтейством в 1721—1724 годах она была обсажена березами. С 1738 года называлась Невской перспективой (или Перспективной улицей).

За Аничковым мостом (если идти от Адмиралтейства) была некогда «смиренная слобода, в которой имел квартиры баталион Астраханского пехотного полка под начальством полковника Аничкова».² Квартал вдоль Невского проспекта, ограниченный нынешними улицами Марата, Стремянной и Владимирским проспектом, — одно из старых поселений за Фонтанкой. Вокруг были леса и болота, а этот прямоугольник быстро застроился деревянными домами.

Участок за Фонтанкой не принадлежал к городской территории, и селились здесь по иному принципу, нежели в городе, а именно слободами, по профессиональной или национальной принадлежности, а также в связи с расквартированием воинской части (Артиллерийская, Итальянская, Рыбацкая слободы). К 1730-м годам на Московской стороне существовали Литейная, Московская Ямская (при подъезде со стороны Москвы, по берегам Лиговского канала, где селились московские ямщики), Каретная (место обитания каретников и извозчиков, в районе Александро-Невской лавры) слободы. Вдоль вновь проложенной Стремянной улицы образовалась Стременная (или Стремянная) слобода. «Первыми ее поселенцами были служащие придворной конюшенной конторы, которых в народе по-старинному еще называли стременными (...) Комиссия о Санкт-Петербургском строении при отводе участков потребовала от начальника Конюшенной конторы А. Б. Куракина, чтобы он дал письменную гарантию в том,

что застройка будет производиться строго по предложенному ею плану, причем типовыми домами, разработанными этой же комиссией».³

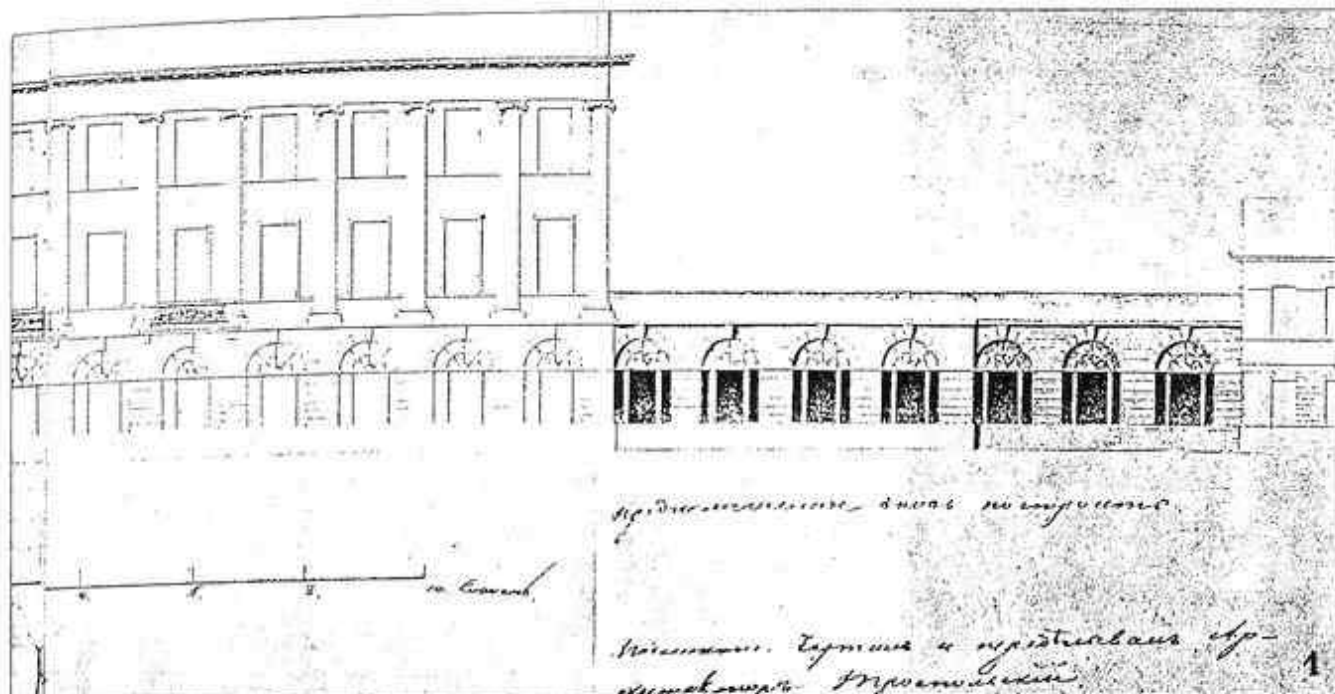
Дорога от Литейного двора, близ которого расположилась Литейная «слободка», к Большой перспективе первое время называлась Литейной просекой (с 1739 года — улицей, с 1789-го — проспектом). В 1733 году ее продлили к югу — в сторону Владимирской слободы, где селились каменщики и плотники, выходцы из Владимирской губернии. Название «Владимирский проспект» появилось в 1860 году. До этого Владимирская улица (шла от построенной в 1747 году деревянной церкви Владимирской богородицы) и Литейный проспект составляли одну магистраль (до 1806 года Владимирская улица была частью Литейного проспекта, да и сегодня это одна магистраль, только разделена на две Невским проспектом и имеет разные названия).

Первый деревянный мост через Фонтанку, как переправа на Московскую сторону, был построен еще в 1715 году под руководством командовавшего строительным батальоном М. О. Аничкова, а потом перестраивался еще четыре раза, но название свое — в честь командира «стройбата» — сохранил до сих пор.

Перестраивались, и не раз, и многие дома в этом квартале.

Деревянный одноэтажный дом (на месте которого ныне стоит гостиница Radisson SAS), был поставлен на углу будущих Невского и Владимирского проспектов, вероятно, в конце 1730-х годов, когда участки в этом районе были розданы служащим придворного ведомства. Возможно, этот угловой дом (а он интересует нас больше других) был одним из первых в квартале, хотя нельзя не упомянуть о том, что участки, выходящие на будущий Невский проспект, достались людям более состоятельным, тогда как земли, расположенные ближе к нынешней Стремянной улице, получили служители конюшенного двора.

Дома, выходявшие на Невский проспект, надлежало строить по образцовым проектам и с соблюдением особых правил. Вот что говорится на этот счет в старинном документе: «У тех вышепоказанных всех домов погреба строить, чтоб у



План участка на углу Невского проспекта и
Владимирской улицы.

оных окна были по ватерпасу на один грунт выше большой полой воды, и оных домов одного с другим не смыкать, но у каждого дома оставлять проезжее место на ворота, от 4 до 5 сажень (...), чтобы двое ворот вместе не пришли, разве кто похочет взять большое место, и дом построить в середине, а по обеим сторонам того дома лучшей ради удобства делать двои ворот и в том бы позволить, только б было все построено регулярно».⁴

Еще со времени Петра I улицы в Петербурге запрещалось застраивать заборами и конюшнями, а только жилыми зданиями. Первые дома строились по чертежам архитектора Трезини (для «подлых», «зажиточных и «именитых»). По своей планировке Петербург с течением времени приближался к тому регулярному городу, каким его представлял себе основатель.

Примерно к 1753 году в этом квартале в сторону Невского проспекта расположились 12 участков с одинаковыми размерами и планировкой: на красную линию проспекта выходит жилой дом, прямоугольный в плане, на задней стороне двора — хозяйственная постройка Г-образной формы, а за ней — прямоугольный огород. Лицевые дома, как велено, были построены по образцовому проекту. Они не примыкали вплотную друг к другу, между ними находились ворота, которые вели во двор.

Впервые угловой дом «Московской части, 1-го участка, под № 20» упоминается в архивном деле в связи с тем, что жена отставного полковника Николая Васильевича Соковнина Марфа Игнатьевна Соковнина приобрела 20 июля 1765 года это строение у коллежского прокурора Александра Даниловича Янкова «по купчей»; речь в документе идет о деревянном доме, со «своим» двором, на «каменном жилом фундаменте (...) с метал[лическою] дв[ерью] по одну сторону фабриканта вдовы Марьи Францевны Дериаторши, а по друг[ую] Литейная улица». Из этого же документа следует, что по площади участка дом приблизительно совпадает с сегодняшними размерами.⁵

Соковнина владела участком четверть века и за это время сумела выстроить на нем каменный дом. В 1782 году она заложила дом за 3000 рублей Наталье Моисеевне, жене петербургского купца Николая Кувшинникова. В 1790 году дом упоминается в архивном документе без указания, сколько имел этажей. По-видимому, здание было одноэтажным, на каменном фундаменте; поблизости не было других каменных домов, кроме дома № 59 (по современной нумерации), — они появятся только в 1830—1860-х годах (в 1840 году запретили возводить деревянные постройки в районе Литейного проспекта⁶). Автор проекта дома Соковниной не установлен, но именно он заложил пропорциональную основу фасада. Все дальнейшие изменения строились на этой основе. Каждый из последующих мастеров, «приложивших руку» к данному фасаду, не перечеркивал работу предшественников.

В том же 1790 году дом был продан купцу 1-й гильдии и фабриканту Амвросию Кузьмичу Барбазану (1751—1821; похоронен в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище вместе с женой Ф. А. Барбазан, сыновьями Францом (1800—1832), чиновником 12-го класса, т.е. губернским секретарем, Андреем (умер в 1867 году 64-х лет и Александром (умер в 1874 году 82 лет) Амвросиевичами; этот последний в 1860-е годы жил на Итальянской улице, в доме № 23, квартире 17, — больше о Барбазанах ничего узнать пока не удалось). Барбазан принялся перестраивать дом. В описи строений Московской части, составленной в 1796 году, указан «каменный неотстроенный трехэтажный дом купца Барбазана с деревянным одноэтажным флигелем», а в оценочной

табели за 1806 год дом значится трехэтажным.⁸

Барбазан не без оснований рассчитывал на то, что его дом станет вполне демократическим пристанищем, исходя из особенностей оживленного перекрестка, на котором он расположился. Здесь селились, бывали, проезжали, торговали, трапезничали представители самых разных сословий — как и столетие назад, и «подлые», и «зажиточные», и «именитые». В бельэтаже со стороны Невского жил сам хозяин с семьей. Первый этаж, представлявший собою сплошную аркаду, сдавался внаем содержателям лавок, харчевен и питейных заведений. В подвалах они хранили съестные и прочие припасы. Во дворе размещались стойла для лошадей и сараи для экипажей; остальные помещения второго и третьего этажей сдавались внаем жильцам. Наиболее состоятельные имели апартаменты с видом на Невский проспект и Владимирскую улицу, а кто победнее — ютились в комнатках дворовых флигелей с видом на конюшни и выгребные ямы. Постояльцы не имели дел с хозяином дома, а общались с управляющим и «квартирными хозяйками».⁹

В начале XIX века Литейная часть, где находился этот дом, была отнюдь не аристократическим районом. Невский проспект за Фонтанкой (бывшей до 1760-х годов границей города) терял свой торжественный вид; это была плохо замощенная улица, в то время как парадный Невский к 1832 году имел торцовую мостовую, выложенную шестигранными шашками, и освещался масляными фонарями. Петербург вообще первый из русских городов, где было заведено уличное освещение фонарями. А мощение улиц камнем доставляло немало хлопот всем извозчикам, въезжавшим в город: по воле Петра каждый обязан был доставить на возу по три камня.

В 1828 году трехэтажный дом перешел в собственность княгини Зинаиды Петровны Шаховской¹⁰ (хотя и в имени, и в отчестве ее, возможно, есть ошибка). Именно она впервые подала на согласование в Комитет для строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге подробные чертежи своего дома, которые позволяют нам сегодня полнее представить, каким было здание в конце 1820-х годов.

Г-образный в плане дом (имевший 10 осей по Невскому проспекту и 17 — по Владимирскому) занимал участок, пол-

ностью соответствующий современному. Флигель по Владимирской улице доходил до того места, где сейчас находится въездная арка. Узкий продольный дворовый флигель, равный ему по длине, тянулся вдоль восточной границы участка. Этот флигель также был трехэтажным, каменным, крыт тесом, тогда как лицевой дом — железом. Участок имел два двора. В первый, длинный и узкий, вела въездная арка, находившаяся в центре фасада по Невскому проспекту (существовала с конца XVIII века); другая арка была в конце заднего хозяйственного двора, на месте которого в XVIII веке был огород. Этот двор почти по всему периметру был обстроен одноэтажными сараями, но со стороны Владимирской улицы построек не было.

Дом, построенный в классическом стиле, имел гладкий цоколь, первый этаж прорезан рядом арочных окон, над третьим этажом — фриз*, опоясывающий все здание. Над фризом тянулся сплошной карниз с модульонами**. В центре фасада, выходящего на Невский проспект — шестиколонный ризалит***, на высоте второго и третьего этажей расположились ионические колонны****. Такие же 15 колонн украсили фасад по Владимирской улице. В угловой части дома, над кровлей, изображен круглый бельведер*****, перекрытый пологим куполом.

Лицевой трехэтажный дом занимал не всю длину участка. Со стороны Владимирской площади здание имело глухой торец, к которому в соответствии с проектом и предполагалось пристроить одноэтажный каменный нежилой флигель для конюшен. Проект этого флигеля, подписанный архитектором Троепольским, заключался в том, чтобы продлить ряд арок на семь осей в сторону Владимирской площади.

Проект Троепольского случилось рассматривать знаменитому архитектору В. П. Стасову, начертавшему следующую

* Вытянутая по горизонтали композиция над карнизом.

** То же, что модульон — архитектурная деталь типа кронштейна, поддерживающая выносную плиту венчающего карниза.

*** Выступающая часть здания, тянущаяся во всю его высоту.

**** Ионический ордер (то есть тип архитектурной композиции) — один из трех главных греческих архитектурных ордеров. Отличается легкостью пропорций и более богатым декором всех частей.

***** Надстройка над зданием (чаще — круглая в плане).

резолуцию:

«...Построение... каменного нежилого строения одобрено по сделанной перемерке в чертежах, согласно наклейкам на фасадах, с тем, чтобы стены предполагаемого на улицу строения имели такую же толщину, по которой бы на них можно было надстроить по времени еще два этажа, в согласности с общим фасадом дома...

За отсутствием Исправляющего должность Председателя: Подписал Статский Советник Стасов».¹¹

Но пора бы уже назвать и имя первого знаменитого постояльца, почтившего этот дом своим пребыванием в нем.

12 мая 1828 года в доме Барбазана (хотя, возможно, его владелицей к тому времени уже была Шаховская) поселился М. И. Глинка. Михаил Иванович отмечал в своих «Записках»: «По приезде в Петербург (из Москвы в мае 1828 года. — И. Б.) я поселился на углу Невского проспекта и Владимирской (теперь Жукова, если не ошибаюсь), на квартире пансионского товарища Чиркова».¹²

В сентябре 1829 года по советам врачей Глинка покинул Петербург.¹³ Спустя много лет он поселится в этом доме еще раз, но об этом (как и о других именитых постояльцах) чуть дальше.

Княгиня Шаховская владела домом недолго и в 1834 году продала его полковнику лейб-гвардии Конного полка Ассоргину (Осоргину), который в 1837—1838 годах надстроил здание (тогда оно значилось под № 48/20 по Невскому проспекту) четвертым этажом и частично перестроил дворовые флигели, увеличив их до пяти этажей (до 1910 года в Петербурге было запрещено строить здания выше пяти этажей). Таким образом, с улицы здание стало выглядеть 4-этажным, а со стороны двора — 5-этажным. По фасаду по Владимирской улице протянулся один большой ризалит из 18 ионических колонн. Выносной карниз с модульонами опоясал все здание, отделяя третий этаж от четвертого. Над карнизами обоих ризалитов (по Невскому проспекту и Владимирской улице) разместились сплошные балконы с металлическим ограждением. Навесные балконы на чугунных кронштейнах появились также в центре фасада по Невскому проспекту (на третьем этаже) в наугольной части — на втором, третьем

и четвертом этажах.

Были также устроены склады в подвалах, проложена «подземная труба», устроены «сходы» в подвалы «с чугунными лесенками», а проект «(...) на пристройку внутри двора каменного строения в равную высоту с уличным строением вместо существующего одноэтажного» был одобрен Комитетом для строений и гидравлических работ. Чертежи были выполнены «архитекторским учеником» Константином Лазаревым, помощником В. П. Стасова. Василий Петрович осуществлял наблюдение за ходом работ.¹⁴

В конце октября 1843 года в этом увеличившемся в размерах доме открылся «Кабинет восковых фигур» Жана Шульта. Вот что писала по этому поводу «Северная пчела»: «На днях открыт, на углу Владимирской улицы и Невского проспекта, в доме Осоргина, кабинет восковых фигур; до сих пор видели мы издали только огромные красные фонари, вывешенные на балконе для привлечения взоров проходящих и проезжающих».¹⁵

По просьбе Шульта Н. А. Некрасов сочинил большую стихотворную рекламу с указанием в конце адреса этой выставки «восковых персон»: «На Невском проспекте, на углу Владимирской, в доме генерал-майора Осоргина, вход с проспекта».

Как видим, Осоргин существенно повысился в чине за

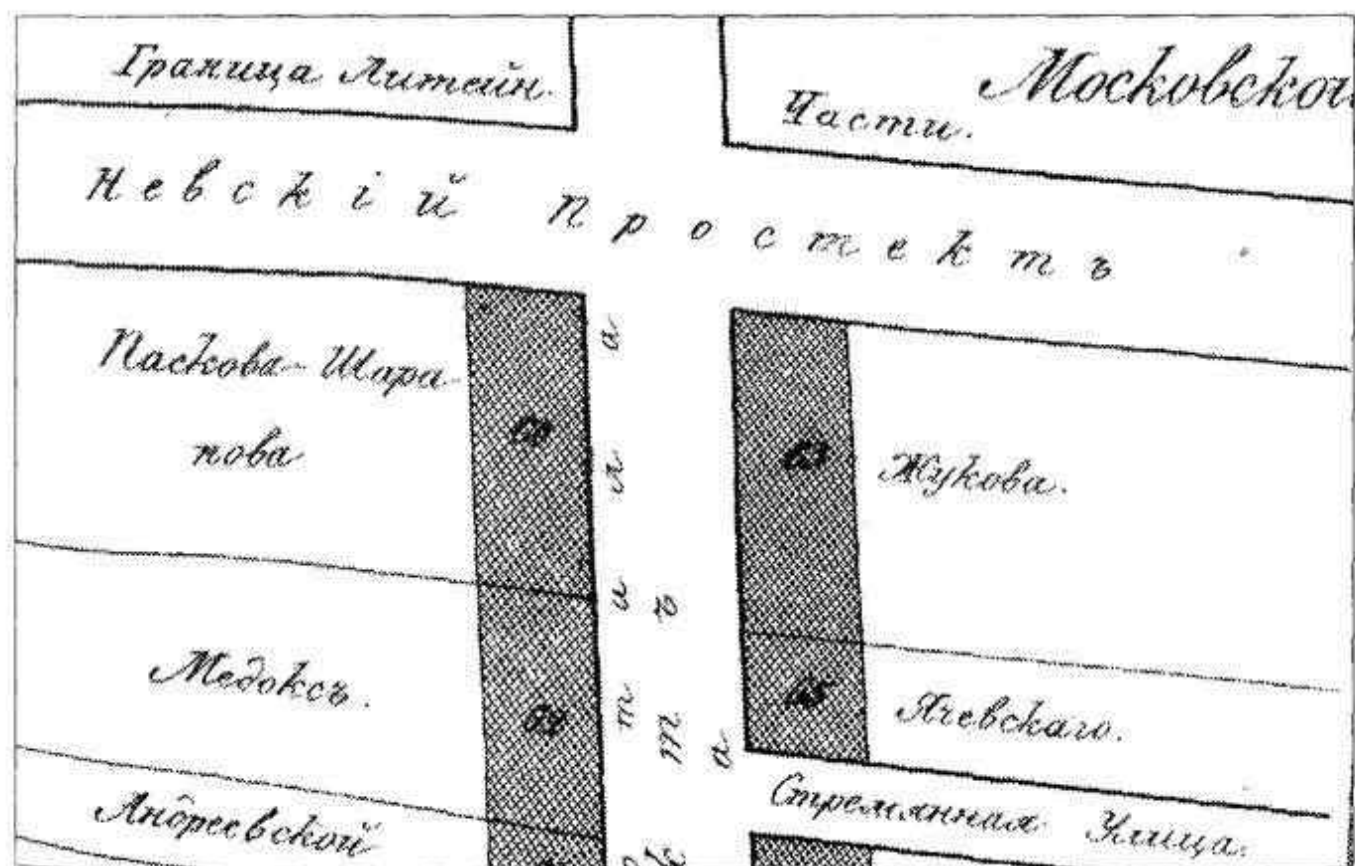


А. Ф. Кони.

пару лет, но петербуржцы ходили в его дом прежде всего к Шульту, который демонстрировал привлекавшие множество любопытных восковые группы, — Наполеона на смертном одре, кончину генерала Морала в 1813 году, Марию Стюарт, а также, как выразился современник, «живые, но неподвижные фигуры, то есть, просто сказать, восковые» Вольтера, Канта, Франклина, Карла X, и еще девицы с усами и бородой, «жидов, разбойников и много в таком роде занимательного».¹⁶

Здание продолжало оставаться доходным домом, в котором могли найти пристанище и богатые, и бедные. Здесь обитали актеры Александринского театра. С. С. Глинка (однофамилец композитора) вместе с Н. А. Некрасовым жили с начала 1841 года на третьем этаже этого дома (в те времена квартиры на первом этаже считались самыми престижными, в отличие от нашего времени). Весной 1841 года Некрасов уехал из Петербурга и оставил свои вещи на попечение С. С. Глинке, но тот распорядился ими весьма беспардонно. 25 ноября 1841 года Некрасов писал А. Ф. Кони (в то время Анатолий Федорович был редактором журнала «Пантеон», для которого писал и Некрасов): «На Глинку, как на порядочного человека, положился я и оставил на его попечение мебель и разные вещи, по крайности на 150 р., а он, говорят, все заложил... Приеду в Петербург — ни кола, ни двора, ни пристанища». Когда в конце 1841 года Некрасов возвратился в Петербург, он поселился уже на Разъезжей улице.¹⁷

С годами Невский проспект благоустраивался, обрастал красивыми домами, которые освещались фонарями, вот только Литейная и Владимирская улицы, бывшие до середины 1840-х годов городской окраиной, долгое время не получали



План участка. 1840-е гг.



В. Г. Жуков.

освещения, в том числе и газового, что дало повод современнику пожаловаться: «Когда проезжаешь вечером по Морской и Невскому проспекту, освещенным газом, душе как-то весело! Лишь только миновал перекресток, где начинается Литейная и Владимирская, как будто свалился в яму — фонари, кажется, показывают только то место, где должно быть освещение». Зато в 1847 году на Литейном про-

спекте появились первые омнибусы.¹⁸

Дом на углу Владимирской и Невского внешне оставался прежним, хотя менялись его постояльцы и владельцы. К середине XIX века он в очередной раз сменил хозяина и перешел во владение надворного советника, потомственного почетного гражданина, городской головы, известного табачного фабриканта Василия Григорьевича Жукова (1795—1882; в известном «Атласе» Н. Цылова 1849 года этот дом числится под номером 63 по Литейному проспекту¹⁹). Помимо этого строения, Жуков держал также несколько других домов, в частности, дом № 4 на Михайловской площади («дом Виельгорских», названный так по фамилии следующих, после Жукова, владельцев), табачную фабрику на набережной Фонтанки, 74, крестьянский банк в Порхове, роскошную дачу в Екатерингофе, где бывал Николай I, и скромную богадельню в Псковской губернии. А. С. Пушкин прославил Жукова в следующих строках:

*...Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести...
И снискивать в труде себе барыш и честь...²⁰*



М. И. Глинка с сестрой.

Еще Жуков состоял первым церковным старостой уничтоженного в 1930-е годы коммунистами Митрофаниевского кладбища (на котором и похоронен). На свои средства он проложил к кладбищу дорогу, обсадил ее ветлами и выстроил ограду.²¹

Вернувшись в 1851 году в Петербург из Варшавы, М. И. Глинка снова (хотя и не сразу) поселился в доме на углу Невского и Владимирской. По-видимому, от пребывания в доме Барбазана в 1828—1829 годах у него остались неплохие воспоминания, поэтому переехал он в этот дом охотно. Да и сняла эту квартиру любимая сестра Глинки Людмила

Ивановна Шестакова (1816—1906), известная в свое время музыкальная и общественная деятельница: «Квартира была найдена на углу Невского и Владимирской, дом Жукова, и 17-го ноября, в день моего рождения, когда брат принес мне подарок, я объявила брату, что квартира уже нанята и что завтра же мы туда переезжаем с тем, что я пробуду с ним всю зиму (...) Немедленно мы переехали на новую квартиру и нам жилось хорошо».²²

Квартира, которую занял 1 декабря 1851 года Михаил Иванович с Людмилой Ивановной, была удобной и имела такой большой зал, что поставили три рояля — два Михаил Иванович взял напрокат в конторе Мелцля, а третий (свой собственный) перевез сюда Василий Павлович Энгельгардт, почитатель таланта Глинки (и, между прочим, один из создателей музея А. В. Суворова в нашем городе, а также ученый-астроном). Квартира Глинки стала на время одним из музыкальных центров столицы. Здесь музицировали композитор Александр Николаевич Серов (по словам Глинки, «очень хороший музыкант (...) бойко играл с листа»²³), музыкальный деятель Дмитрий Васильевич Стасов, дирижер и композитор Карл Богданович Шуберт, дирижер и композитор Константин Петрович Вильбоа и «очень милый человек по имени De Santis»²⁴ (композитор Михаил Людвигович Сантис). Играли в четыре, в восемь, а то и в двенадцать рук. Энгельгардт и Серов делали переложения западноевропейской музыки и сочинений Глинки.²⁵

Когда весной 1852 года Глинка написал фортепианную миниатюру под названием «Первоначальная полька», на ее рукописи он сделал шутливую надпись: «Кончена 14 марта 52 года. С[анкт] П[етер] Б[ург], на Невском в доме Жукова на квартире Порутчицы Люд. Ив. Шестаковой, в каморке, отведенной в вышеозначенной квартире для М. И. Глинки» («порутчицей» Шестакова названа по чину ее мужа).²⁶ По воспоминаниям Шестаковой, ее брат, когда они жили в доме Жукова, «всякое утро вписывал мне в альбом разные мотивы. Этот альбом отдан мною в Публичную библиотеку».²⁷

Побывавшая однажды у Глинки оперная певица Д. М. Леонова (1835—1896) стала свидетельницей одной из причуд великого композитора: «(...) прихожу и вижу изменение в

квартире. Надо заметить, что Михаил Иванович Глинка жил с сестрой своей Людмилой Ивановной Шестаковой. Они занимали целый этаж, вход направо — к ней, налево к нему, а квартира была общая. Так, в этот раз я пришла, вижу, что от передней отгорожена половина и устроена кухня, в которой готовит новая кухарка. Дверь же к сестре заперта. Когда я спросила М. И., что это значит, он объяснил мне, что пожелал пожить своим хозяйством, потому что нашел прекрасную кухарку. Он пригласил меня обедать. Кухарка была шведка и действительно очень искусна. Обед был превосходный, приготовлен лучше всякого повара. Конечно, через неделю или полторы все это уничтожилось и жизнь потекла по-прежнему».²⁸

Глинка жил в этом доме до 23 мая 1852 года. И в тот день снова уехал в Варшаву. Больше он в дом Жукова не возвращался.

В год пребывания Глинки в доме Жукова в Петербурге произошло крупное событие — открылась Николаевская железная дорога.²⁹ Это имело огромное значение для ускорения ритма жизни всей России. Знаменская площадь стала главными воротами Петербурга. «Загородная» часть Невского быстро менялась в лучшую сторону. Дом на углу Владимирской улицы сделался выгодным местом для устройства гостиницы. К 1850-м годам эта часть Невского проспекта отнюдь не была петербургской окраиной.

2.

— Айда к Палкину! — скомандовал Прокоп извозчику, — я, брат, нынче все у Доминика да у Палкина развлекаюсь...

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Дневник провинциала в Петербурге»

А теперь перейдем на другую сторону Владимирского проспекта и поговорим об истории дома (ныне Невский проспект, 47), который прославил купец Палкин.

Эта простая, легко запоминающаяся и, как это ни удивительно, отнюдь не распространенная фамилия была известна не одному поколению петербуржцев. Да и как ее не знать, ведь она столько лет красовалась на вывесках лучших трактиров и ресторанов нашего города, и не где-нибудь, а на Невском проспекте (пусть и на месте бывшей Вшивой биржи, заметим в скобках).

Четыре поколения рода Палкиных держали трактиры и рестораны на Невском проспекте или близ него. В продолжение почти полутора столетий фамилия Палкин свидетельствовала о солидности предприятия и прочности финансового успеха его владельцев. Наслышаны о Палкиных были и за пределами столицы. Отобедать «у Палкина» считалось таким же долгом для приезжего, как и осмотр достопримечательностей Петербурга. Эту фамилию прославили многие известные петербургские писатели, актеры и композиторы, бывавшие в ресторанах Палкина и сохранившие ее в своих мемуарах.

Начало делу положил выходец из Ярославля Анисим Степанович Палкин, державший в Петербурге в 1785 году трактир, местонахождение и дату открытия которого точно установить не удалось. Зато известно, что 1 февраля 1808 года открылся трактир Палкина на Невском проспекте (на месте нынешнего дома 7), на углу Малой Морской улицы. Недели за полторы до этого в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было предусмотрительно помещено следующее объявление: «Содержатель трактира Палкин честь имеет известить почтенную публику, что с 1 числа февраля открыт будет трактир 1-го номера, состоящий в 1-й Адмиралтейской части во 2 квартале под № 92, в доме г-на Берникова (последующими владельцами дома были Губкин, затем Пасенкова. — И. Б.), на Невском проспекте близ Полицейского моста. Желаящие могут получать в оном и из оною в дома лучшее кушанье и разные напитки по сходным ценам».¹

Тремя годами ранее на этом месте недолгое время существовал «Полуденный трактир», приказчиком в котором был некий Карелин. Успехом заведение не пользовалось, несмотря даже на то, что для привлечения публики в нем днем и ночью распевали «курские соловьи», притом, разумеется, «лучшие», а один из них пел «разными куликами, пеночкой». Увы! в роли «зазывал» соловьи успеха не имели. Палкин решил попытать счастья и открыл трактир в этом же доме, но и ему не повезло — история, во всяком случае, не сохранила нам каких бы то ни было свидетельств в пользу того, что его заведение числилось в ряду наиболее посещаемых в Петербурге. Известно, впрочем, что Палкин, находясь в центре города в окружении рестораторов, предлагавших петербуржцам отведать то, что едят и пьют в Лондоне, Берлине или Париже, с самого начала заявил о себе как о настойчивом и последовательном пропагандисте русской кухни. На масленой неделе у него вдоволь было блинов, в летнюю пору готовили ботвинью с малосольной севрюжиной, а во всякое другое время здесь имелось все, чем богата русская кухня, не исключая гурьевской каши, поросенка под хреном и, наверное, таких гастрономических забав, как говяжьих глаза в соусе, телячьи уши крошеные, гусь в обуви или крем девичий.

Когда к 1830-м годам Палкин перебрался-таки на новое место и обосновался на углу Невского и Садовой, против

Гостиного двора (дом Рихтера, затем Шредера — Невский пр., 52), к нему пришла удача. Вывеска с фамилией Палкин увековечена на известной «Панораме Невского проспекта» В. С. Садовникова (исполнена в 1830 году), а это реклама на все времена.²

Современники отмечали, что у Палкина «кухня недурна, особенно если заранее предупредить о своем обеде». Обозреватель газеты «Северная пчела» писал: «Коренными Русскими блюдами не накормит никто лучше Палкина, это давно (выделено мною. — И. Б.) известно», правда, «нецеремонность прислужников этого трактира в обращении с посетителями весьма странна, чтобы не сказать более. Один наш приятель недавно там обедал по карте, и по окончании обеда потребовал счета, а лакей вместо счета принес ему деревянные, засаленные счеты, и, объявив общий итог, сказал, что буфетчику некогда писать счета, и чтоб барин сам, если ему угодно, проверил на счетах итог!..».³

Но к Палкину шли и в 1847 году, потому что «постные заказные обеды в старейшем и лучшем Русском трактире Петербурга, носящем прозвание Палкина трактира, вошли в моду, и хозяин, чтоб поддержать славу своего заведения, выписывает рыбу из всех мест». А еще и потому, что «тут можно видеть гигантов-осетров и лососей, и живых стерлядей, которых привозят с Волги, с величайшим о них попечением. Палкинский обед — это настоящая Русская гастрономия, и для этого есть особые повара, с которыми в этом отношении не сравнится ни один Французский метр-дотель. Говорим об этом потому, что недавно общество, состоявшее из богатых иностранцев, заказывало Русский обед в этом трактире, и не может нахвалиться Русским кушаньем. Русские приправы, как, например, огуречный рассол, показались им удивительными. От нас Париж и Германия переняли дрожки, горы для катанья, бани и, быть может, переймут уху и кулебяки».⁴

Трактир на углу Невского и Садовой принадлежал первоначально почетному гражданину, действительному старейшине при Демидовском доме призрения трудящихся Павлу Васильевичу Палкину* (1792—1855), петербургскому

* В 1847 он внес на содержание пансионеров Демидовского дома трудящихся 171 рубль 42 копейки — немалые по тем временам деньги («Северная пчела». 1847. 1 апреля).

2-й гильдии купцу (похоронен на Волковском православном кладбище; как значилось на несохранившейся до нашего времени надгробной плите, «в супружестве жил 42 года»⁵). Его заведение, относившееся (впрочем, не единодушно, ибо у рестораторов всегда немало недоброжелателей) к числу образцовых, было закрыто в 1882 году, когда в нем разместился склад музыкальных инструментов.⁶

Палкины держали трактиры и в других частях города: на углу Разъезжей и Николаевской улиц, возле Николаевского (ныне Московского) вокзала, на углу Невского и Екатерининского (ныне Грибоедова) канала (в доме, который тогда занимал Петербургский учетный и ссудный банк, более известном в истории Петербурга как «дом Энгельгардта» — Невский пр., 30; ныне здесь расположен Малый зал Филармонии им. М. И. Глинки, а в угловой части здания — наземный вестибюль станции метро «Гостиный двор»), на Фурштатской улице. Купец 2-й гильдии Яков Васильевич Палкин (надо полагать, брат Павла Васильевича) в 1850-е годы был владельцем гостиницы в Литейной части. Купчиха 2-й гильдии Анна Андреевна Палкина жила в собственном доме в Московской части, правда, торговлю «не производила», да и зачем ей было что-то «производить», когда успешнее делами занимались мужские представители фамилии.⁷

Жили Палкины также близ Невского проспекта. В 1860-е годы они были хозяевами домов на Загородном, 27, на улице Карташихина, 22 (эта улица, названная так по фамилии домовладельца, с 1796 года не меняла своего названия), на Николаевской улице (ныне Марата), 51 (в 1849 году здесь жил Павел Васильевич Палкин, затем Константин Павлович, а потом — до 1917 года — Елизавета Константиновна), и на Разъезжей, 44 и 46.⁸

Для губернского секретаря Павла Константиновича Палкина (в 1899 году служил в Комитете для призрения нищих, в 1915-м возведен в дворянское достоинство) знаменитый архитектор Александр Сергеевич Хренов (в Петербурге по его проектам построено около сорока зданий, которые в народе называли «хреновы дома») в 1903—1904 годах выстроил доходный дом под № 4 по улице Рубинштейна, а дом на углу Невского и Владимирского проспектов (именно о нем и о его посетителях дальше главным образом и пойдет речь) в

1904—1906 годах надстроил. В этом доме с 1850-х годов жил отец Павла Константиновича, Константин Павлович.⁹

Купец 2-й гильдии Константин Павлович Палкин родился в 1820 году в деревне Юрино Новосильцевской вотчины Любимского уезда, в Ярославской губернии; в купечестве состоял с 1855 года. Держал гостиницу в Московской части Петербурга, на Николаевской (ныне Марата) улице, в собственном доме с необычным номером 265/48,* а жительствовавал в доме № 59 («дом Таубе») по Литейному проспекту, занимая в нем квартиры 1—4. Но не владение гостиницей сделало его знаменитым. И даже не служба сотрудником Комитета для разбора и призрения нищих, в котором он состоял с 1856 года, и не должность казначея Распорядительной думы, которую он занимал им с 1860-го.¹⁰

Начиная с середины XIX века в продолжение нескольких десятилетий популярностью у петербуржцев пользовался ресторан в Литейной части, 2-го квартала, в доме Алексеева (Невский проспект, 76; по Литейному проспекту он числится под № 63), открывшийся в 1850 году и просуществовавший на этом месте 24 года. Заведение принадлежало К. П. Палкину. Но прежде чем открыть его, Константин Павлович женился. 27 мая 1849 года «санкт-петербургский купец Павла Васильева сына Палкина сын Константин Павлов Палкин, православного исповедания (...) повенчался первым браком с девицею Ольгою Алексеевной Калугиною, дочерью санкт-петербургского купца и почетного гражданина Алексея Федоровича Калугина». Обряд происходил в церкви Владимирской Божией Матери, а «поручителями при сем были: по женихе: родной отец его, санкт-петербургский 2-й гильдии купец Павел Васильевич Палкин и санкт-петербургский 2-й гильдии купец Василий Афанасьевич Колобов. По невесте: родной брат ее почетный гражданин Федор Алексеев Калугин и почетный гражданин родной брат ее Александр Алексеев Калугин».¹¹

Благодаря известному юристу, литератору и ценителю хорошей кухни А. Ф. Кони мы можем узнать кое-какие подроб-

* В 1791 году в Петербурге была осуществлена так называемая «общая» нумерация домов (с 1-го по 4554-й), а в 1836 году — «поуличная». Таким образом, дом 48 числился по «новой» нумерации, а под № 265 — по «старой».

ности о ресторане Палкина: «На углу Невского и Литейной, в угловом доме, помещается известный и много посещаемый трактир-ресторан «Палкин», где в буфетной комнате, с нижним ярусом оконных стекол, в прозрачных красках изображающих сцены из «Собора Парижской Богоматери» Гюго, любят собираться одинокие писатели, к беседе которых прислушиваются любознательные посетители «Палкина». Здесь бывали нередко поэт Мей (Л. А. Мей, 1822—1862. — И. Б.) и писатель Строев (Н. В. Строев, 1812—1862, журналист, переводчик. — И. Б.) и, с начала шестидесятых годов, заседает Н. Ф. Щербина, остроумная и подчас ядовитая беседа которого составляет один из привлекательных соблазнов этого заведения».¹²

Упомянутый Щербина увековечил Палкина в своем экспромте, сочиненном 28 октября 1867 года:

*Ну что за гнусная скотина!
Им каждый гость всегда надут,
И все ругают Константина, —
А к Константину все идут.*¹³

Неспроста Николаю Федоровичу пришли на ум столь нелестные для ресторатора строки. Современник поэта пояснил, в чем дело: «Бывают личности, к которым всю жизнь судьба несправедлива: к таким принадлежал Щербина, и не мудрено, что он сделался мизантропом. Натешивши общество в продолжение целого вечера, вылив в душу нового негодования, он отправлялся в трактир Палкина и там, одинокий и угрюмый, просиживал до утра; там он работал и читал, а чаще думал свои мрачные думы».¹⁴

Внутри помещения ресторана был устроен фонтан, стояли кадки с экзотическими растениями, в центре главного зала — основная достопримечательность: бассейн с живыми стерлядями (и тогдашние, и нынешние официанты ласково и уважительно называли и называют их «стерляточками»). Многие ради них сюда и ходили. У Палкина часто бывал М. Е. Салтыков-Щедрин, оставивший такие воспоминания: «Я принимал все меры, чтобы избежать одиночества. С утра уходил к Палкину, слушал музыку, любовался на стерлядей, плавающих в бассейне, и расспрашивал: сколько вот та стоит

и сколько вот эта».¹⁵

Но Михаил Евграфович не только на стерлядей любовался, а, сидя у Палкина, очевидно, обдумывал иногда сюжеты своих будущих сочинений. Устами героя одного из рассказов («Вяленая вобла») он говорит: «Прежде у чиновника-то чугунная поясница была: как сел на место в десять часов утра, так и не встает до четырех — все служит! А нынче придет он в час, уж позавтракавши; час папироску курит, час куплеты напевает, а остальное время — так около столов колобродит. И тайны канцелярской совсем не держит. Начнет одно дело перелистывать: «Посмотрите, какой курьез!» — за другое возьмется: «Глядите! ведь это — отдай все, да и мало!» Наберет курьезов с три короба да к Палкину обедать. А как ты удержишься, чтобы курьезом стен Палкина не огласить!».¹⁶

Салтыков-Щедрин в «Дневнике провинциала в Петербурге» не раз упоминал ресторан Палкина для иллюстрации жизни петербургского чиновничества, провинциальных мотов, которые, «выцвев, перестают гарцевать и ходят обедать уже не к Дюссо, а к Палкину и Доминику».¹⁷

Многие петербуржцы по дороге в Александринский театр заглядывали к Палкину. Лучше, чем Аполлон Григорьев — современник описываемых событий, да еще и знаменитый поэт, — об этом не скажешь (речь идет о 1850-х годах):

«Новая пиеса и новая артистка (...) — эти две причины, вероятно, содействовали к особенному оживлению Александрийского сквера и к видимому благоденствию тощих ванек, впрочем, (...) только потому, что извозчики-лихачи были большею частию нанимаемы только от дверей Палкина, куда, для передышки от дальнего пути, заходили офицеры, с различными нашивками и петлицами, и молодые чиновники, с завитыми в трубочки волосами и в различных цветов жилетах, чтобы собраться с силами перед будущим эстетическим наслаждением и чтобы осмотреть состояние вязанного обыкновенно из бисера какими-нибудь нежными ручками барышни с Петербургской стороны кошелька и расчесть: достаточно ли будет содержащегося, чтобы на лихаче поравняться с известным патриархальным возком у колонн театра».¹⁸

Историк Петербурга П. Н. Столпянский полагал, что многих привлекало в этом русском трактире прежде всего то, что гостя «встречал не прилизанный или завитый в куд-

ряшки француз», который и лишним словом не перемолвится, а «расторопный», стриженный «под горшок» малый в кумачовой рубашке, в переднике сомнительной чистоты. За буфетной стойкой восседал грузный буфетчик, который, несмотря на кажущуюся неповоротливость, «все видел, всюду поспевал».

Усевшись за столик, гость брал у лакея (он же — половой, но еще не официант) засаленную бумажку, на которой каракулями было выведено то, что призвано вызвать аппетит, а отнюдь не недоумение, попади это меню в руки нашему современнику:

«Обет в 1 р. 43 коп. серебром.

1. Суп: мипотаж натюрен.
2. Пироги: Делиодовские коки.
3. Холодное: розбив с циндроном.
4. Соус: соте из ряпчиков туртюшо.
5. Зелень: раки.
6. Разное: телятина.
7. Пирожное: крем бруле».¹⁹

Удивляться смеси французского с нижегородским не стоит. Появившись на берегах Невы в середине 1810-х годов, первые рестораны стали называться «ресторасьонами» (на французский манер) или ресторациями, поскольку владельцами их поначалу были преимущественно французы, «задержавшиеся» в России после поражения наполеоновской армии — Андрие, Дюме, Талон и другие, совсем нам неизвестные. Прав был Ф. В. Булгарин, признавшийся как-то в редкую для него минуту творческого бессилия: «Русская ресторация — предмет безначальный и бесконечный для плодovitого пера, особый мир, который едва ли можно изобразить в десяти томах такого объема и содержания, как поэма “Мертвые души”».²⁰

Располагались их заведения, называвшиеся по фамилиям хозяев, на «бойком», многолюдном месте, окнами на оживленную улицу, были уставлены мягкой мебелью. Среди завсегдаев этих ресторанов встречались знаменитости, которые невольно «позаботились» о том, чтобы фамилии некоторых французов сохранились в истории. Талона, например, кото-

рого прославил А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»:

*К Talon помчался: он уверен
Что там уж ждет его Каверин.*

Русских рестораторов литераторы прославлять не спешили: должно было пройти время, прежде чем те сумеют перенять у французов то, что нужно было перенять. Палкины, наверное, одними из первых сообразили, что истинный петербуржец — человек в общем-то русский, и потому все равно закажет щи с грибами и сметками, расстегаи по-московски да велит выудить из «бассейна» стерлядку пожирнее... Все это поглощается под водочку и непременно под «Лучинушку», исполняемую на «машине», а если при этом гость неотрывно глядит на мутные воды Екатерининского канала, более известного под названием Кривуша, значит, он чувствует себя как дома. Что же до французской обходительности, то вовсе не грех ее заимствовать, равно как и меню, в котором знакомые на слух французские слова перемежаются с русскими.²¹

У Палкина, будь то на углу Невского и Екатерининского канала или на углу Невского и Большой Садовой («Старопалкин» или «Палкин Старый») или Невского и Литейного («Новопалкин» или «Палкин Новый»), многие петербуржцы чувствовали себя как дома (к числу таковых — не зная, правда, их мнения на этот счет — отнесем бывавших в «Новопалкине» Н. В. Гоголя, И. И. Панаева, других, менее известных литераторов, а также знаменитейших актеров В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова).

Когда у знаменитого заводчика Франца Карловича Сан-Галли дела шли не очень хорошо (например, в 1856 году), он заглядывал в заведение на Невском, 47, о чем вспоминал впоследствии так: «Не имея средств и живя экономно, мне часто приходилось обедать в ресторане Палкина, причем мой обед состоял из тарелки щей с куском мяса и обходился всего в 20 копеек».²²

У Палкина по воле Гоголя бывал капитан Копейкин: «В духе, можете вообразить, таком, подпрыгивает по тротуару, зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал...»²³

В путеводителе середины 1860-х годов говорится о палкинских заведениях следующее: «"Старопалкин". На углу Нев[ского проспекта] и Б. Садовой. Славится хорошим чаем и столом в русском вкусе. Бильярды составляют чуть ли не единственную приманку молодежи». «"Новопалкин". На углу Нев[ского проспекта] и Литейной. Славится недорогим вкусным столом, хорошими винами и бильярдами. Здесь постоянно собирается молодежь для обеда и препровождения времени игрою на бильярде. Есть номера, орган великолепный».²⁴

Под «органом» имелась в виду механическая музыкальная «машина» (о ней дальше) с весьма обширным репертуаром — непрменный атрибут второразрядных ресторанов и трактиров второй половины XIX века. В лучших заведениях звучала «живая» музыка — это и в наши дни знак хорошего вкуса. Современник весьма остроумно подметил: «В некоторых местах, именно в так называемых съестных заведениях, господствует даже тон (...) музыкально-машинальный, издающийся из более или менее беспокойных органов или машин, как их величают туземцы. Из этих съестных консерваторий более других посещаются: (...) Палкин (...)».

Путеводитель по Петербургу 1875 года сообщал, что «Палкин имеет два трактира, один на углу Невского и Садовой, а другой угол Невского проспекта и Владимирской, славятся органами и русскими кушаньями»²⁶, откуда следует, что орган был примечательностью палкинских заведений.

В 1870 году К. П. Палкин решил стать потомственным почетным гражданином вместе с семейством. Основания у него для этого были — 2 января ему был Всемилостивейше пожалован орден Св. Станислава 3-й степени, дававший (с 1832 года) его обладателю право на получение этой привилегии. Вернее, потомственным почетным гражданином он задумал стать еще в 1868 году, когда 21 сентября написал доверенность на имя губернского секретаря Михаила Никитича Корытникова с просьбой собрать необходимые бумаги (дело происходило в конторе Палкина, по Невскому, 51, в присутствии известного петербургского нотариуса Михаила Ивановича Успенского). Михаилу Никитичу потребовалось два года, чтобы выполнить поручение своего доверителя; да он и не торопился очень — без Станислава, Владимира или Анны

на шее купцу стать почетным гражданином было невозможно, но Палкин наверняка знал, что орден от него не уйдет. 21 октября 1870 года дело было слушано в Сенате, в результате Константину Павловичу была вручена грамота о присвоении желанного звания, «с художественною отделкою».²⁷

Грамота, грея душу ее обладателя, глядела на него со стены квартиры, а со стороны Невского съестное заведение Палкина украшала вывеска. О вывеске «Новопалкина» — отдельный рассказ.

В 1871 году петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов издал постановление о том, чтобы рестораны, гостиницы и трактиры имели вывески на красном или синем фоне, поскольку пестрота вывесок, на его взгляд, не соответствовала строгому классическому облику столицы. Все владельцы заведений «трактирного промысла» вынуждены были подчиниться распоряжению, кроме Палкина: Константин Павлович не без оснований считал, что белая вывеска на фасаде ресторана на углу Невского и Литейного с его фамилией служит украшением Петербурга, своего рода достопримечательностью. К нему зачастил участковый пристав, напоминая о приказе градоначальника, но Палкин никаких шагов к замене вывески не предпринимал. О его упрямстве было доложено Трепову, и тот приказал взять с трактирщика подписку об исполнении распоряжения. Палкин расписался, что предписание читал и на том успокоился: не было закона, согласно которому трактирщик мог быть оштрафован за неповиновение.

Однажды, проезжая по Невскому, Трепов увидел идущего Палкина. Градоначальник остановился, подозвал ресторатора к себе и попросил его сменить вывеску, в противном случае пригрозил закрыть ресторан.

— Эх, ваше превосходительство, — отвечал купец, — бросьте Вы это дело, не все ли Вам равно, какая у меня висит дощечка... а впрочем, как знаете... не забудьте только, что у меня вот здесь, — и трактирщик указал рукой на оттопырившийся на грудном кармане сюртука бумажник, — лежит миллион.

Трепов будто бы рассмеялся, махнул рукой и поехал дальше. Белая вывеска продолжала висеть над входом в ресторан Палкина, пока Константин Павлович не перебрался на другое



Ф. Ф. Тренев.

место, где и открыл новое заведение, еще и лучше прежнего, ибо почивать на лаврах было не в семейных традициях.²⁸

3.

Гостиница «Москва» и ресторан при ней открылись, вероятно, в 1852 году,* после открытия годом раньше Николаевского (ныне Московского) вокзала на Знаменской (ныне Восстания) площади. С началом функционирования дороги Москва стала ближе, и назвать гостиницу, в которой останавливались приезжающие оттуда, в честь древней русской столицы вполне логично.

В доме Жукова на Невском проспекте, 49, к тому времени оставалась «Виноторговля Фохта» — одна из семи по всему Невскому проспекту. Всего же в Петербурге в середине XIX века было три фирмы, владельцы которых носили фамилию Фохт (или Фохтс): Я. Фохт, А. И. Фохт, И. Я. Фохт. По этому поводу петербуржцы шутили: «Я фохт, и я фохт, а «и» фохт или нет?».¹ Фохта, торговавшего в доме Жукова, звали Яков Август, хотя близко знавшие его наверняка величали виноторговца, купца 1-й гильдии по имени-отчеству на русский манер, скажем, Яковом Ивановичем.

По сути дела дом уже полвека выполнял гостиничную функцию. 30 ноября 1865 года его приобрел отставной поручик Семен Петрович Петров и занял в нем квартиру № 2

* Автор книги «Увеселительные заведения старого Петербурга» (СПб. 1996) Ю. Алянский полагает, что гостиница «Москва» существовала с 1820-х годов (с. 157), но в этой книге столько необоснованных домыслов и неточностей, что верить и этому утверждению не приходится.

(умер он в 1872 году и похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. На несохранившемся надгробном памятнике была выбита лаконичная надпись: «Жена — мужу»² — вот и все, что мы знаем о чете Петровых). В 1867 году (возможно, годом ранее) в этом доме проводились работы по приведению в порядок водопровода и канализации (во дворе был построен новый водоочистительный колодец), а также по «устройству ретирадных мест (то есть туалетов. — И. Б.) во флигеле». Работы проводились под наблюдением архитектора Василия Федоровича фон Геккера (кстати, по проектам этого давно забытого зодчего в нашем городе построено более 50 зданий).

Кто жил в доме на углу Невского и Владимирского проспектов в 1850-е годы, мы не знаем, известно лишь, что в июле 1858 года в «Москве» останавливался Ф. С. Политковский, прибывший из Вологды вместе с будущим издателем и мемуаристом Л. Ф. Пантелеевым, приятелем своего сына. В 1858 году Пантелеев поступал в Петербургский университет.³

В 1869 году в Петербург для поступления в Академию художеств приехал из Сибири Василий Иванович Суриков, тогда — начинающий, безвестный художник. Тотчас по приезде, 23 февраля, он писал матери и брату: «Мы остановились с А. Ф. Хейном (красноярский архитектор. — И. Б.) на Невском проспекте, в гостинице «Москва». Из окон ее видно все. Народ и в будни и в праздники одинаково движется».⁴

В путеводителе по Петербургу 1875 года о гостинице говорится: «"Москва", угол Невского и Владимирской, дом 2/47, имеет 60 номеров от 50 копеек до 5 рублей. Кроме того при ней находится ванна, буфет, столовая, общее зало и биллиардная». А в 1876 году, в другом путеводителе, гостиница «Москва» упомянута среди лучших; помещалась она в «доме Петровой» (то есть, вдовы С. П. Петрова, владелицей дома она стала по завещанию от 26 мая 1873 года), а содержанием отеля был П. И. Ротин. В доме помимо гостиничных номеров имелись также меблированные комнаты⁵.

Многие знаменитости, как состоявшиеся, так и будущие, селились в этой гостинице, потому что она находилась в деловом центре Петербурга, поблизости от театров, редакций журналов и газет, популярных ресторанов, бывших тогда

местом встреч литераторов, композиторов, журналистов. На углу Невского проспекта, по другую сторону Владимирского, находился знаменитый ресторан Палкина, где во всякое время можно было встретить какого-нибудь известного человека.

В декабре 1887 года в гостинице «Москва» остановился А. П. Чехов. Писатель И. Л. Леонтьев-Щеглов сделал в своем дневнике следующую запись: «Путаюсь с Антоном Чеховым. В среду 9 декабря познакомился с ним в гостинице “Москва” и проговорили до 1 часу ночи — и с тех пор пошло». ⁶



А. П. Чехов.

Вот что, по словам того же Леонтьева-Щеглова, случилось в тот вечер.

«Знакомство произошло в большой зале ресторана гостиницы “Москва”; помню даже такую мелочь — и именно за последним столом у окна, что против входа в залу, — тем более что за этим самым столом, по странной случайности, не раз приходилось скромно пировать со свежее испеченным офицериком Каспийского полка Семеном Надсоном (поэт С. Я. Надсон, 1862—1887. — И.Б.)...

Не застав А[нтон] П[авлович] в номере гостиницы, я оставил ему записку и сошел вниз, в зал ресторана».

Там спустя какое-то время к Леонтьеву-Щеглову подошел Чехов и «затем, когда в третьем часу пополуночи мы с ним прощались на подъезде палкинского ресторана⁷ (куда мы перекочевали из «Москвы»), он звал меня по-приятельски “Жаном”, а я его “Антуаном”.⁸ К этому надобно добавить, что и «Палкин», и «Москва», как и некоторые другие рестораны центральной части города, в то время, то есть в конце XIX века, были открыты до двух часов ночи.

В гостинице «Москва» Чехов в тот свой приезд в Петербург прожил две недели — с 30 ноября по 14 декабря 1887 года. Леонтьев-Щеглов вспоминал: «А кого только не перебывало тогда в его узеньком полутемном номерке гостиницы “Москва”, начиная с маститых литературных знаменитостей и кончая неведомыми юными дебютантами? Этот месяц его пребывания в Петербурге (неточность мемуариста. — И. Б.) вышел словно «медовый месяц» чеховской славы, и сам Чехов заметно был захвачен искренним радушием, теснившим его со всех сторон».⁹

На углу Невского и Владимирского проспектов в позапрошлом веке извозчики любили подбирать выходящую из ресторанов публику, правда, это не всем дозволялось. Вот как об этом вспоминает бытописатель XIX века Н. Живо-тов:

«Я причалил было к Палкину, но не успел еще остановиться, как дворник бросился на меня:

— Пошел прочь!! Отъезжай, тебе говорят!!..

Извозчики смеются. Их дворник не гонит... Почему? Это им принадлежащие места, они постоянно здесь стоят, по особому соглашению с господином швейцаром Палкина и гос-

подами дежурными дворниками. Вероятно, город, отдающий в некоторых местах стоянки для извозчичьих лошадей, не получает и десятой доли того, что платим мы, извозчики, такому господину швейцару. И расчет прямой. Выйдет “парочка” из кабинетов, понятно, позовет извозчика, а тут все “свои,” меньше “бумажки” ни с места. Швейцар подсаживает, дворник без шапки стоит, извозчик “сиятельством” величает, и берут с “парочки” что хотят; ведь не торговаться же кавалеру, заставляя даму ждать, тем более что все извозчики здесь “без конкуренции” и не уступают. Знай кавалер о заговоре, знай он, как грозно гоняют здесь с угла чужих извозчиков, он прошел бы несколько шагов и вместо рубля заплатил бы двугривенный; но кто ж это знает? И я теперь только познал эту “тайну”.

Потерпев фиаско у Палкина, я причалил было к гостинице Ротина (*vis-a-vis*), но и там та же история с дворниками. “Прочь!” — и никаких разговоров. Места порожные есть, и право стоять здесь есть, а все-таки “пошел прочь”...

— Господин дворник, да ведь место есть, почему же мне нельзя здесь постоять! — взмолился я...

— Рылом не вышел, — хладнокровно отвечал он и сделал угрожающий жест рукой...

...Эти углы имеют свою историю... Городское управление не сдает здесь никому мест для стоянки, но лихачи на резине, по особым соглашениям с господами городскими и дворниками, устроили монополию и завладели местами. Стоянки тут бойкие. Напротив Палкин и две гостиницы с номерами для проходящих или приезжающих с островов; кругом богатые фирмы и квартиры. Есть и постоянные пижоны, феи и дамы сердца... Сначала пообедают у Палкина, после покатаются на лихаче и... тихая пристань к “Славянке” или “Москве”! Или так: выйдет парочка из гостиницы, потом на острова, ужинать к Палкину, и под утро лихач развезет по домам... Во всяком случае, лихач так же необходим, как кабинет Палкина и номер в “Москве” или “Славянке”». ¹⁰

1 мая 1879 года здание, где размещалась гостиница «Москва», приобрел купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин, представитель знаменитой купеческой династии Абрам (Аврамий) Михайлович Ушаков (1825—1917), выхо-



А. М. Ушаков.

В 1850-е годы Ушаковы освоили новую отрасль, становившуюся модной и прибыльной — цветоводство. В собственных оранжереях они круглый год выращивали цветы и декоративные растения, которые в больших количествах покупали для украшения дворцов, гостиниц, ресторанов, клубов и т. д. В 1863 году из четырех петербургских цветочных магазинов и двенадцати лавок один магазин и одна лавка принадлежали Ушаковым; один из самых известных в Петербурге магазинов находился у Казанского собора, на Екатерининском канале.

Прибыль отец, а затем и сын вкладывали в недвижимость. На одном из самых приметных домов Абрама Михайловича на Невском проспекте, 54/Малая Садовая, 3, сохранился вензель Ушакова.

За Нарвской заставой начиналась и благотворительная деятельность Ушакова. В районе Петергофского шоссе на его средства были построены церковь Всех святых (разобрана в 1936 году на дрова), Ушаковское земское училище для всех желающих на триста человек (бесплатное). В 1875 году Ушаков построил на своей земле в Школьном переулке (упразднен) бесплатную больницу для крестьян Петербургского уезда на сто мест, которую так и называли — Ушаковская (пр. Стачек, 34; ныне 21-я детская поликлиника), а также приют для малолетних девочек-сирот (Огородный пер., 4, корп. 2) и церковь при Алафузовской больнице на Ушаковской улице.



Угол дома на Невском пр., 54

По количеству петербургских домовладений к 1906 году Ушаков занимал почетное пятое место, пропустив вперед графиню Марию Дмитриевну Апраксину и несколько «юридических лиц» (Министерство путей сообщения, Министерство финансов, ведомство

императрицы Марии Федоровны). Ему принадлежали 24 доходных дома общей стоимостью около трех миллионов рублей.

Гостиница «Москва» (Невский пр., 49) — наверное, самое известное домовладение Ушакова. Сам он не жил в этом доме — у него и без того было где жить (к 1906 году он владел не только многими каменными домами в Петербурге, но и усадьбами в Териоках (ныне Зеленогорск), в Гудауте и прочих местах; в 1860-е годы, например, жил в «доме Лесникова», под № 4, по Зимину переулку, который с 1952 года носит имя Сергея Тюленина, ни разу здесь не бывавшего, тогда как купец Зимин имел тут свой дом).

31 января 1908 года дом на правах наследства перешел к сыну Ушакова Владимиру Абрамовичу. Третью дома (а в дальнейшем половину) арендовали купцы Ротины, содержавшие гостиницу «Москва» в этом здании, меблированные комнаты и ресторан «Москва». Одно время в этом доме, в одной из шести его квартир, жил главноуправляющий домами Ушакова в Петербурге Константин Семенович Богданов. В истории Петербурга этот дом по-прежнему называется «домом Ушакова».

Заканчивая короткий рассказ об Ушакове, упомяну, что в 1913 году 1-й гильдии купцу А. М. Ушакову был пожалован чин действительного статского советника. Умер он на 92-м году «от слабости сердца» и был похоронен на Митрофаньевском кладбище (там же, где и В. Г. Жуков, предыдущий владелец дома на углу Невского и Владимирского проспектов). Могила его не сохранилась (по кладбищу проложены подъездные пути Балтийского вокзала¹²), однако у нас нашелся повод вспомнить о нем и перечислить некоторые деяния этого поистине замечательного человека (см. Приложение 1).

Делами управления гостиницей «Москва», как уже сказано выше, Ушаковы не занимались — для этого был арендатор, купец 3-й гильдии Иван Иванович Ротин (1814—1867), называвший себя, и по праву, «хозяином гостиницы», да и ресторана.

После смерти отца хозяином ресторана стал купец 3-й гильдии Петр Иванович Ротин (1837—1897), а потом — его брат, потомственный почетный гражданин Федор Иванович (1840—1904; все похоронены на Никольском кладбище

Александро-Невской лавры).¹³ О Ф. И. Ротине нужно еще сказать, что он был владельцем доходных домов, в одном из которых, на углу Гороховой улицы, 8, и Малой Морской, 13, помещался известный ресторан «Вена», открытый Ротиным в 1870-е годы и долгое время принадлежавший ему. В доме на Невском, 47, он жил в квартире № 3.

Если Ротины ведали делами гостиницы и ресторана, то владельца дома занимали куда более масштабные планы.

В конце 1870-х годов А. М. Ушаков задумал перестроить здание на углу Невского и Владимирского проспектов «в новом вкусе» (хотя его фасад имел вполне гармоничный, законченный вид), тем самым оправдывая присказку о том, что «Москва» не сразу строилась. Для выполнения этой непростой задачи Ушаков пригласил знаменитого архитектора графа Павла Юльевича Сюзора. Проектные материалы были выполнены Сюзором весной 1880-го и летом 1881 года. Он же сделал обмерные чертежи лицевых фасадов «в существующем виде».

Вот какие лица занимали помещения дома на углу Невского и Владимирского в канун его переустройства: в подвальном этаже по Невскому проспекту разместились Ермаков (погреб) и Никифоров (держал лавку). В первом этаже по Владимирскому проспекту разместились Карандин (контора по перевозке мебели), парикмахерская (в трех комнатах), Глюк (галантерейный магазин), Меншуткин (табачный магазин), Байковы (булочная-кондитерская), Каплун, Лазутин и Кузнецов (последний держал мясной и зеленой магазин); Фохт занимал четырехкомнатную квартиру с кухней, а на углу Невского владел магазином колониальных товаров в четыре окна; по Невскому магазину Ротин имел магазин в четыре комнаты, занятый «ресторацией», а на втором и третьем этажах — гостиницы. На четвертом этаже разместились татарская молельня (в пяти комнатах), там также проживали Фон Лейн (7 комнат), Бауман (6 комнат), Миссуро (8 комнат), а пять комнат занимали домовладельцы. В надворных постройках находились 26 квартир в 1—4 комнаты.¹⁴

10 марта 1880 года проект фасадов (а также генплан, планы всех этажей) был представлен на рассмотрение в Городскую управу и 28 апреля был рассмотрен и одобрен Техническо-строительным комитетом. Однако это еще не было

разрешением на перестройку, требовалось согласование с царем. Вскоре на проекте появилась последняя, самая важная резолюция: «Высочайшее соизволение последовало, с тем, чтобы лепную отделку на колоннах, зачеркнутую карандашом, уничтожить. Санкт-Петербург, 2-го Мая 1880 года».¹⁵ Александр II, таким образом, стал соавтором Сюзора, хотя правильнее будет сказать — августейшим критиком, тактично пожурившим своего подданного за некоторые излишества, но в целом принявшим проект перестройки здания на главной улице столицы.

Перестройка здания продолжалась почти год. Фасад по Невскому проспекту Сюзор оставил без существенных изменений, однако ризалит со стороны Владимирского проспекта он разбил на пять крупных членений: вместо одного, 18-колонного, появилось три новых портика. Изменилась планировка дворового участка; появилась система из трех дворов, для чего были заново выстроены два поперечных флигеля. Был пробит арочный проезд на средний двор с Владимирского проспекта (чтобы лошади и экипажи не скапливались внутри дворов), построены новые дворовые флигели в пять этажей с мансардами (старые были предварительно разрушены), перестроены три лестницы и воротный проезд. Сюзор изменил также наружную отделку фасадов, щедро украсив их лепным декором и шестью терракотовыми кариатидами на пьедесталах, поддерживающими карниз (всего на здании появилось 16 фигур), но сохранив при этом основные членения фасадов (скульптор — Д. И. Иенсен). Терракота определила и цвет окраски фасадов всего здания.

Полезная площадь здания после перестройки не увеличилась, однако по удобству планировки, освещенности новая гостиница стала намного лучше прежней (Сюзору удалось даже выкроить маленький двор-колодец, осветивший ванны, ватерклозеты и служебные помещения). В перестроенном здании ресторанные залы, кабинеты и кухня заняли три этажа (собственно ресторан разместился в трех залах второго этажа), выше находились гостиничные номера (коридоры, вдоль которых они располагались, тянулись параллельно обоим проспектам). В гостиничных номерах было по одному-два окна, более дорогие номера имели вид на улицу. В санитарно-гигиеническом отношении также были осуществлены

заметные перемены. В 1864 году в этом доме насчитывалось двадцать отхожих мест самого примитивного устройства. В 1887 году в переоборудованной по последнему слову тогдашней техники гостинице появились 36 ватерклозетов, 8 мочевинок, 32 раковины и две ванны. Всего в гостинице было сто номеров. «Удобства» были сгруппированы в трех местах, и идти к ним приходилось по коридору.

Подвалы заняли под склады арендаторы торговых заведений, располагавшихся на первом этаже лицевого корпуса. Со стороны двора все помещения первого этажа предназначались для содержания лошадей и экипажей. Всего во дворе были предусмотрены стойла для тридцати лошадей.

Претерпела изменения в лучшую сторону и отопительная система. В доме появились 22 голландские печи, 152 железные, одна русская, шесть каминов, 26 кухонных очагов.

Со стороны Владимирского проспекта появилось семь торговых заведений, каждое — с отдельным входом с улицы и выходом во двор. Возможно, некоторые из них были трактирами. На первом этаже вновь построенного продольного дворового флигеля размещался также ледник на 12 отделений, самое большое из которых предназначалось для хранения продуктов гостиничного ресторана.

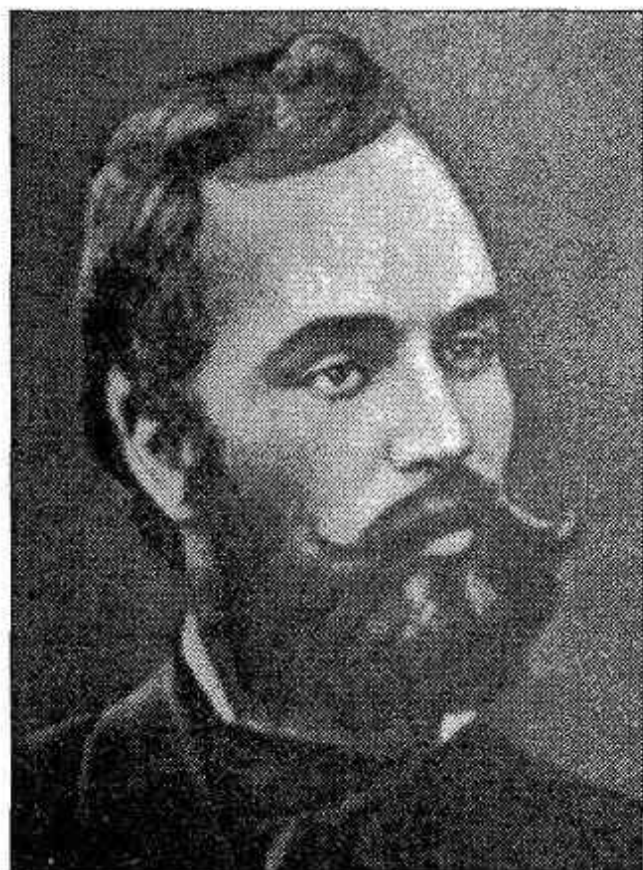
В 1881 году вместо въездной арки со стороны Невского проспекта появился парадный вход в вестибюль гостиницы.¹⁶

В перестройке дома принимали также участие архитекторы Р. Б. Бернгард, В. П. Львов, А. К. Серебряков, В. А. Шретер, Н. И. Богданов, однако степень участия каждого из них определить пока не удалось. Все это видные мастера, оставившие заметный след в архитектуре Петербурга.

После реконструкции, которая проходила без прекращения работы гостиницы, последняя тотчас попала в разряд модных и комфортабельных заведений столицы. Лучшие номера стоили в ней очень дорого, а публика, селившаяся в них, принадлежала к обеспеченным слоям общества. Здесь же неоднократно находили убежище и народовольцы, народ тоже отнюдь не бедный (квартиру на два-три дня, как и сегодня, снять было практически невозможно, к тому же при размещении в гостинице, в отличие от частной квартиры, можно было обойтись и без прописки в полиции). Так, в начале 1880 года в гостинице «Москва» (по тогдашней ну-

мерации — дом № 47 по Невскому проспекту, ныне 49) жили деятель крупнейшей террористической организации России XIX века «Народная воля» Александр Дмитриевич Михайлов по кличке Дворник (прозван так за бдительный надзор за всеми и за составление «Свода проходных дворов Санкт-Петербурга») и другие тогдашние возмутители общественного спокойствия.¹⁷

Во время допроса А. Д. Михайлов дал следующие показания: «Под именем Поливанова я жил, как удостоверено взятым у меня документом на это имя, с февраля 1880 года (...) в гостинице “Москва”, на углу Невского и Владимирского проспектов (...) В гостинице “Москва” у меня никто не бывал».¹⁸ Тремя годами ранее, 14 января 1877 года, в этой же гостинице проживал Антон Токсиль, который принимал участие в покупке лошади для устройства побега из тюрьмы князя П. А. Кропоткина. 24 сентября 1879 года в отеле скрывался народоволец Сергей Иванович Мартыновский, а в начале 1881-го в этом отеле по подложным паспортам разместились гомельский мещанин Айзик Борисович Арончик и Фесенко-Навроцкий. Под этой последней фамилией скрывался некий Николай Саблин.¹⁹



А. Д. Михайлов.

Перелистывая страницы журналов и газет начала XX века, убеждаешься, что гостиница «Москва» и ее ресторан были в числе лучших петербургских заведений трактирного промысла, а их содержатели пользовались в кругах трактиропромышленников авторитетом. Они не раз избирались в состав правления Петербургского союза владельцев ресторанов и гостиниц.

Между тем путеводитель по Петербургу 1902 года отнес гостиницу «Москва» к числу «второстепенных»,



П. Ф. Морозов.



В. Е. Пестриков.

где «при сравнительной дешевизне» приезжому полагались «известные удобства». Номера здесь стоили от 75 копеек до пяти рублей. Отобедать можно было за 60 копеек, а можно и за рубль.²⁰

В 1902 году по проекту техника Городской управы Александра Александровича Всеславина (автора постройки часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище) в доме была устроена металлическая лестница с первого на второй этаж. В 1903 году в угловой части дома по проекту гражданского инженера Владимира Викторовича Чаплина был пробит дверной проем, а также переделаны оконные проемы подвала и первого этажа (разрешение на эти работы было получено 29 марта).²¹ Над дверным проемом была устроена изогнутая перемычка, опиравшаяся на круглые чугунные колонны. В соответствии с проектом Чаплина были полностью снесены две поперечные несущие стены и получился единый торговый зал в три окна по Невскому проспекту и в пять — по Владимирскому (по окончании работ здесь разместился магазин, а спустя много десятков лет появится знаменитый «Сайгон»).²²

В конце XIX — в первые годы XX века в этом доме раз-



Гостиница «Москва». 1900 г.

мещались музыкальный магазин А. Ф. Хвановой «Северная лира», книжный склад Н. Игнатова, контора железнодорожных объявлений, магазин белья Ю. Готлиб, банкирская контора Ф. А. Викторова.

С 1907 года гостиницей «Москва» владели купцы Василий Евгеньевич Пестриков (держал также гостиницу «Метрополь» на Лиговском проспекте, 43—45) и Петр Федорович Морозов (совладелец ресторанов «Европа» и «Дунай»), которые выкупили ее за сто тысяч рублей. Последний, потомственный почетный гражданин, в начале Первой мировой войны в мае 1914 года был награжден орденом Св. Станислава за благотворительность — он устраивал бесплатные обеды и жертвовал на госпитали для раненых (еще он имел орден Св. Анны 3-й степени), тогда как первый тоже был потомственным почетным гражданином, но имел только один орден — Св. Анны 3-й степени.²³

Новые хозяева успели до октябрьского переворота 1917 года существенно улучшить и ресторан, и гостиницу, увеличив количество номеров до ста и повысив ее класс до второго. (В то время в Петербурге были еще два ресторана с названием «Москва» — на углу Екатерингофского проспекта и Большой Подьяческой улицы, на Боровой улице, 18, и



Гостиница «Москва». 1908 г.

трактир с таким же названием на Среднем проспекте Васильевского острова, 73.) В ресторане на углу Невского и Владимирского было два зала — большой, с лепным потолком, ковром на все помещение и тропическими растениями, и малый, а также шесть кабинетов. Было проведено электрическое освещение «с великолепной художественной работы арматурой». На переоборудование и обстановку ресторана новые хозяева потратили около сорока тысяч рублей, не считая затрат на невидимые глазу работы. Так, в 1910 году по проекту техника Городской управы Михаила Ивановича Серова были заменены перекрытия в пятиэтажном флигеле (он же проводил внутренние работы в здании в 1911-м, 1914-м и 1915 годах).

В 1910-е годы гостей (одновременно их собиралось до двухсот) обслуживал штат официантов из сорока человек, тридцать пять человек работали на кухне. При гостинице и ресторане было десять швейцаров и еще около семидесяти служащих.

Работники гостиницы и ресторана в «Москве» задержи-



П. С. Зудин.



Н. Ф. Дубровин.

вались надолго — на десятилетия! Старший повар Петр Семенович Зудин прослужил в «Москве» целых сорок лет! Родился он в Ярославской губернии в 1858 году, в 12-летнем возрасте перебрался в Петербург и вскоре поступил на службу в «Москву», где и работал беспрерывно четыре десятилетия. В январе 1911 года в ресторане было устроено торжество по случаю этого события. От хозяев гостиницы юбиляр получил осыпанный бриллиантами золотой жетон, от сослуживцев — две драгоценные иконы, святителя Петра и Марии Египетской.*

Ответственный швейцар Л. Д. Жерихин, названный в журнальной статье «безусловной достопримечательностью в петербургском трактирном промысле», стоял у дверей ресторана с 1865 года (а в общем служил в трактирах с 1844 года, то есть почти 70 лет!). К 1911 году ему было за 80 лет, но он продолжал ревностно исполнять свое дело, имея десять помощников.

Около тридцати лет прослужил в «Москве» Н. Ф. Дубровин, пройдя путь от «мальчика» и официанта до управляющего гостиницей. 30 июля 1912 года Дубровин скончался в

* Мария Египетская — одна из самых почитаемых святых. Ее житие полностью (!) прочитывается за одним из великопостных богослужений. Стяжала святость благодаря искреннему многолетнему покаянию (до своего обращения была известной в Египте блудницей). Подвизалась в пустыне, причем прожила там свыше двадцати лет, ходила абсолютно нагой (одежда на ней просто истлела). Поэтому и на иконе изображается именно так (нагота прикрыта длинными волосами).



Л. Д. Жерихин.



А. А. Власов.

возрасте 47 лет, оставив сиротами пятерых детей (его жена умерла раньше). Владельцы гостиницы предоставили квартиру, которую занимал их бывший служащий, в безвозмездное пользование его детям, а также приняли на собственный счет его похороны на Смоленском кладбище.²⁴

После того как Зудин оставил свою службу и переселился на родину, в Ярославль, где открыл гостиницу, на его место в «Москве» заступил повар А. А. Власов, работавший ранее в увеселительном заведении «Эдем» и на железных дорогах, а также — какое-то время — и в «Москве» в качестве «ответственного плитника». Власов был учеником маститого Пьера Кюба, в ресторане которого (он так и назывался — «Subat») бывали М. Ф. Кшесинская, С. П. Дягилев, В. Ф. Нижинский, Ф. И. Шаляпин, другие знаменитости (а на крыше здания ресторана Кюба была установлена одна из первых в Петербурге электрических реклам — «Subat», вызвавшая к жизни популярный среди петербуржцев каламбур: «Да свѣтитса имя твое»).

«Москва» не могла похвастаться таким набором знаменитых посетителей, какие бывали у Кюба, но тоже никогда не пустовала. Здесь давались банкеты, однако многие интересные события из жизни этого заведения не стали, к сожалению,



«Чудовище» в гостинице «Москва».

нию, достоянием мемуаристов.

В 1911 году при ресторане выступали два концертных оркестра. Один из них, под управлением А. Зимина, играл в «Москве» с 1907 года и пользовался большой популярностью у петербуржцев, многие из которых специально приходили в этот ресторан на его выступления.

А выбирать в «Москве» можно было не только то, что услаждает слух, но и то, ради чего, собственно, и ходят в рестораны. Обед из пяти блюд на выбор из двадцати блюд русской кухни и кофе стоил рубль; завтрак из двух блюд, ужин из трех или четырех блюд с кофе обходились в 75 копеек 25.

В 1913 году шеф-повару «Москвы» Власову прислали из Владивостока двух огромных крабов, которых по получении назвали морскими пауками и употреблять в пищу не решились. У каждого из морских чудовищ, по описанию очевидца, «было по восемь ног и по две клешни, в которых помещаются большие белые зубы с заострением в конце». Власов и управляющий гостиницей В. И. Фадеев отправили «пауков» не на кухню ресторана, а в музей Академии наук.²⁶

Помимо ресторана и гостиницы в доме на углу Невского и Владимирского в 1910-е годы помещались мастерские, врачебные кабинеты, конторы обществ и организаций, музы-

Телеф.
10-85.

Ресторанъ-гостинница

Телеф.
10-85.

„МОСКВА“

Невскій пр., уг. Владимірскаго.

Завтраки: изъ 20 блюдъ на выборъ: 2 бл. и кофе—75 коп.

Обѣды: „ „ „ 5 бл. и кофе—1 руб.

„ „ „ 4 бл. и кофе—75 коп.

Ужины: „ „ „ 3 бл. и кофе—75 коп.

Лучшая кухня подъ наблюденіемъ вновь приглашеннаго извѣстнаго повара А. А. Власова.
2 концертныхъ оркестра музыки.

Владѣльцы { В. Е. Пестриковъ.
П. Ф. Морозовъ.

Управляющіе { А. Ф. Четыринъ.
Н. Ф. Дубровинъ.

кальный магазин, аптека, банк, торговля изделиями из золота и серебра И. А. Кононова, корсетная мастерская Б. А. Розен, магазин галантерейных товаров В. В. Капустина, счетоводный кабинет «Сотрудник» потомственного почетного гражданина Наума Константиновича Когэна, магазин П. А. Гольштейна, представлявший торговый дом КЕФ; во флигеле на Владимирском проспекте помещалась лечебница Общества практических врачей.

В 1914 году владельцы «Москвы» Пестриков и Морозов побывали в гостинице «Астория», которая была выставлена на торги. Их посещение закончилось, однако, лишь тем, что первому не понравилось, что из многочисленных метрдотелей «Астории» ни один не говорит по-русски, а второй после осмотра роскошных помещений гостиницы произнес, тяжело вздохнув: «Денег мало». По возвращении домой Морозов огорчился еще больше, узнав, что за время его отсутствия злоумышленники среди бела дня вынесли из его квартиры две шубы — его собственную, из собольих лапок, и жены, из выхуоля.²⁷

Но тогда ни Морозов, ни его компаньон еще не знали, что скоро им предстоят гораздо более крупные потери...

В 1915 году, когда в Петрограде в связи с Первой мировой войной начались затруднения с поставками продуктов, затем стал действовать запрет на продажу вина, возник вопрос — потребляется ли конское мясо в ресторанах? Вот как отве-

тил на него тогда шеф ресторана «Москва» Д. М. Луговкин: «Что касается таких ресторанов, как «Москва» и др. этой же категории, то могу с полной уверенностью сказать, что конским мясом они не пользуются, да никогда и не пользовались. Да для них и нет в этом надобности. Недавний кризис с мясом, может быть, несколько давший себя почувствовать мелким предприятиям трактирного промысла, нас совершенно не затронул. И вот почему. То мясо, которое мы берем, в силу его дороговизны в публику никогда не поступает, и мы всегда, даже и в пережитые недавно дни, когда широким массам петроградского населения не хватало мяса, имели его в том количестве, которое нам нужно».²⁸

Пройдет еще год-другой, и со всей остротой встанет другой, более капитальный вопрос — выживет ли в Петербурге трактирный промысел, на становление и совершенствование которого ушло два столетия?

Уже вскоре после большевистского переворота 1917 года стало ясно: петербургские рестораны, бывшие долгие годы средоточием деловой и культурной жизни города, прекратили свое существование. Ушли в прошлое времена, когда в ресторанах собирались деловые люди, художники, артисты, когда в них проходили заседания-обеда сотрудников «Отечественных записок», когда писатели собирались на «дононовские субботы» в ресторане старого Донона у Певческого моста, а у Кюба и в «Медведе» петербуржцы проводили полжизни. Многие всерьез утверждали, что дела в России можно делать только в ресторане.

Ресторан гостиницы «Москва» по чьей-то воле был не закрыт, а превращен в рабочую столовую с распределением продуктов по карточной системе. 29-я столовая Петроградской трудовой коммуны — так она называлась в 1919 году. В этой столовой в 1920-е годы выступали цыганский хор и джаз-банд — один из парадоксов советского времени.

В 1918 году гостиница, числившаяся среди перворазрядных заведений, была занята матросами, разместившимися в ее номерах на дармовой «постой», а заодно и служащими, возомнившими себя новыми хозяевами жизни. Владельцы «Москвы» Пестриков и Морозов обратились в правление Петроградского союза владельцев ресторанов и гостиниц с

заявлением о «содействии к освобождению предприятия от захвата служащих». Однако, читаем в журнале того времени, «служащие (...) владея гостиницей, не допускают туда хозяев и не дают им никаких отчетов в своих действиях». Вернее — не давали какое-то время, но наконец объяснились: «Гостиница “Москва” не взята захватным путем, а реквизирована Морской Коллегией и передана коллективу. Такое постановление было утвержденным Комиссаром Труда Шляпниковым (в 1918 году А. Г. Шляпников был наркомом труда, а затем, в том же году, стал еще и наркомом торговли и промышленности. — И. Б.) и акционировано Правлением Союза». Это уже звучало как приговор. В результате бесцеремонной «реквизиции» и пересмотра прошедшей испытание столетиями системы общественного питания в рестораны, как места «хлебные», пришли самозванцы. Были введены «тарифные сетки», в соответствии с которыми жалованье выдавалось по половым и возрастным признакам: «подростки — 200 руб. (в месяц), кухонные мужики — 175 руб., кухонные женщины — 150 руб., мальчики — 100 руб.». ²⁹

Гостиницу «Москва» закрыли в конце 1920-х годов (хотя еще в 1924 году некоторые номера были отремонтированы), а ресторан уцелел и даже расширился и со временем полностью занял здание. Трудности советского времени, безусловно, отражались в судьбе ресторана. Лучшим рестораном Ленинграда «Москва» так и не стала (как и не был он лучшим рестораном старого Петербурга), но удобное расположение, хорошая кухня и доступные цены по-прежнему привлекали сюда горожан. В 1924 году ресторан рекламировал «грандиозное кабаре», а в 1928-м был превращен в столовую кооператива «Пролетарий».

Большинство частных предпринимателей оставили свои помещения в доме на углу Невского (с октября 1918-го по январь 1944 года назывался Проспектом 25-го Октября) и Владимирского проспектов (с октября 1918-го по январь 1944 года носил имя комиссара латышских стрелков С. М. Нахимсона*), однако в годы нэпа там вновь ненадол-

* Большевики переименовали и Владимирскую площадь в площадь Нахимсона, а ленинградцы прозвали находящийся там храм то ли в шутку, то ли от отчаяния церковью Нахимсона. С. М. Нахимсон (1885—1918) — комиссар латышских стрелков.

го открылись парфюмерные магазины Федора Федоровича Бюллера и Губмедснабторгпрома, продовольственный магазин Михаила Абдуловича Алескерова, кондитерская хлебозавода «Красный Пекарь», а в 1927 году — издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК (северо-западное областное генеральное представительство), магазин электротоваров Иосифа Филипповича Першина.

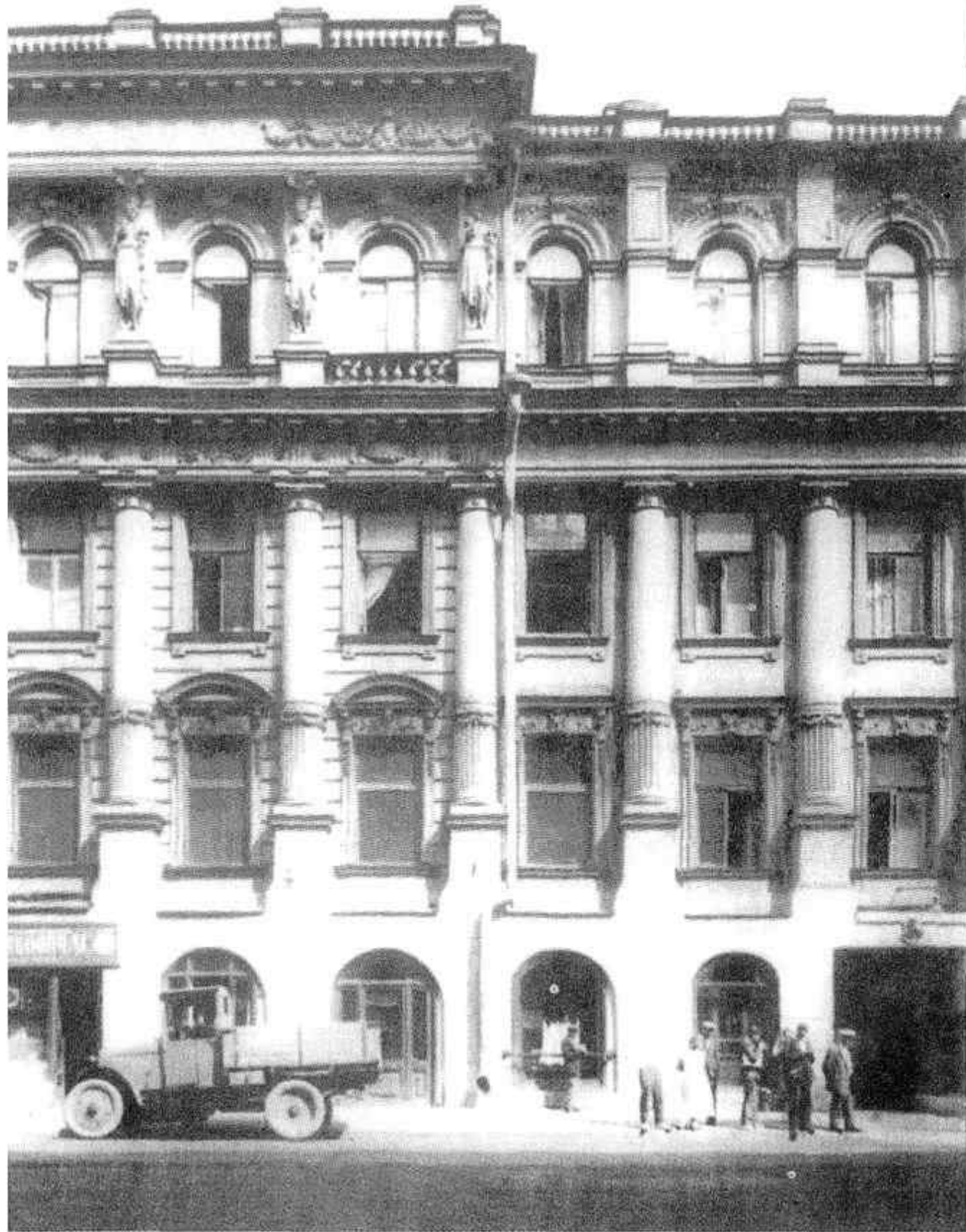
В середине 1920-х годов в ресторане «Москва» — «не исключая вторников, выступление небывалого в Ленинграде 1-го Кавказско-восточного ансамбля. Исполнители народных танцев. Все виды лезгинок и танцев Кавказа. Хор цыган. Джаз-банд. Ежедневно усиленная программа кабаре. Торговля до 3-х часов ночи».

В 1935 году в доме на углу Невского и Владимирского опять стала работать столовая (на этот раз — Треста столовых Центрального района Ленинграда), а примерно в 1940 году возобновил работу ресторан «Москва».

В 1940 году в этом ресторане встретились Г. С. Уланова и С. С. Прокофьев. Композитор тогда рассказывал великой балерине о своем новом замысле — балете «Золушка». Спектакль был вдохновлен Улановой и написан для нее. Но осуществлению задуманного помешала война, и закончил Прокофьев эту работу в 1943 году в эвакуации, в Перми, где находились и артисты балета Кировского театра.³⁰

В начале 1950-х годов, насколько можно судить по газетным публикациям, в помещении бывшего ресторана «Москва» действовала заурядная советская забегаловка, где, как писала «Ленинградская правда», «чуть ли не по целым дням, а особенно по вечерам фланируют какие-то “сверхмодные” молодые люди в длиннополых пиджаках и с “тарзаньими” прическами. Большинство из них в нетрезвом виде».³¹ Призыв газеты был услышан, и летом 1955 года в доме на Владимирском проспекте, 2, была открыта «мороженица», о чем ленинградцев оповестила газета: «Мороженое и пломбиры сливочные, сливочно-фруктовые и ягодные разных наименований, торты из пломбира, эскимо и др. всегда в широком ассортименте во вновь открытом специализированном магазине “Мороженое”».³²

В 1962—1964 годах была произведена реконструкция



Невский пр., 49. 1936 г.



Г. С. Уланова.

здания на углу Невского и Владимирского проспектов с приспособлением большей его части под ресторан-гигант. Обеденные залы заняли все этажи лицевой части здания, расширилось число складских, подсобных и производственных помещений. Работы осуществлял Художественно-оформительский комбинат Ленинградского отделения Худфонда РСФСР. Вот состав авторского коллектива: архитекторы



Невский пр., 49. 1949 г.



Невский пр., 49. 1939 г.

Е. И. Кршижановский, Ю. И. Эйленкри, А. Г. Скрыгин, художники Т. С. Воронецкая, Е. Г. Михнов, Я. Блюмин. Открытие ресторана состоялось 4 сентября 1964 года. Вот каким предстал перед первыми посетителями первый этаж заново отделанного ресторана: «Широкие зеркальные окна. За ними — большой зал, одну стену которого занимает красочное керамическое панно. Здесь установлены современные аппараты для варки кофе».³³ Этому помещению суждено будет стать одним из самых известных мест ленинградского общепита, но тогда, в 64-м, его будущие завсегдатаи еще только присматривались к «современным аппаратам для варки кофе». Другого места, где можно было бы выпить кофе, во всем Ленинграде не было еще года два. Впрочем, ни память, ни газетные и журнальные статьи того времени не подсказывают мне, где можно вообще было выпить черного кофе в городе Ленинграде.

В восьми ресторанных залах (из них только два большие), рассчитанных на 450 посетителей, появились расписные ткани, которыми были завешены все стены и даже окна. Украшенная стеклянными витражами лестница вела на третий этаж, где в отделке помещений было использовано дерево (в здании были устроены и лифты). Обновленный ресторан принимала государственная комиссия. Надо полагать, обед, предложенный в заключение «приема», пришелся им по вкусу, но газеты об этом умалчивают. Первым директором ресторана стал Н. В. Сукач.

Эта самая комиссия, вероятно, согласилась с тем, что старая отделка помещений была уничтожена, подвалы засыпаны. Полукруглую парадную лестницу облицевали пилеными плитами мрамора, а окна, выходящие во двор, стали более узкими. Во дворе появились пристройки.

Южная, жилая часть здания (там долгие десятилетия существовали коммунальные квартиры) осталась без изменений.

15 июня 1965 года «помолодевший» ресторан (как называли его в газетах) посетил исследователь Петербурга С. Я. Вяземский. Среди его бумаг, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, сохранился счет, который ему тогда подали в «Москве»: «Солянка мясная — 1.00. Эскалоп — 0.95.

Хлеб — 0.05. Пиво «Ленинградское» — 0.57 / 2.57». ³⁴ По тем временам это действительно недорого, однако ресторанов в Ленинграде в 1965 году было менее тридцати (включая вокзальные), по вечерам в них с улицы стояли очереди, вызывавшие изумление редких иностранцев, да и посещать эти заведения в общественном мнении было то же, что носить «тарзанью прическу»; человека, замеченного в ресторане, нередко потом прилюдно журили на собраниях или «пропесочивали» в газете. (В скобках замечу, что в справочнике «Список абонентов Ленинградской городской телефонной сети за 1965 год», откуда мной почерпнуты сведения о количестве ресторанов, есть телефоны директора ресторана «Москва», зам. директора, бухгалтерии, производства, кладовой и даже... химико-пищевой лаборатории! Здесь же замечу, что мне в жизни приходилось встречать немало ленинградцев, которые ни разу в жизни не были в ресторанах, несмотря на их относительную дешевизну и возможность предварительно позвонить в химико-пищевую лабораторию.)

В 1965 году в ресторане «Москва» служил официантом Павел Иванович Сысоев. Как писали в газете того времени, «ему, энергичному, крепкому, проворному, пошел 87-й год... Его весь город знает» (вернее, узнал после газетной публикации). Сысоев, трудовой стаж которого к тому времени насчитывал 70 лет, никогда не записывал заказы, все запоминал, и не было случая, чтобы ошибся. ³⁵ Жаль, корреспондент не порасспросил старого официанта поподробнее; тот наверняка мог бы рассказать много чего интересного, но советская пресса не баловала читателей рассказами из дореволюционного прошлого.

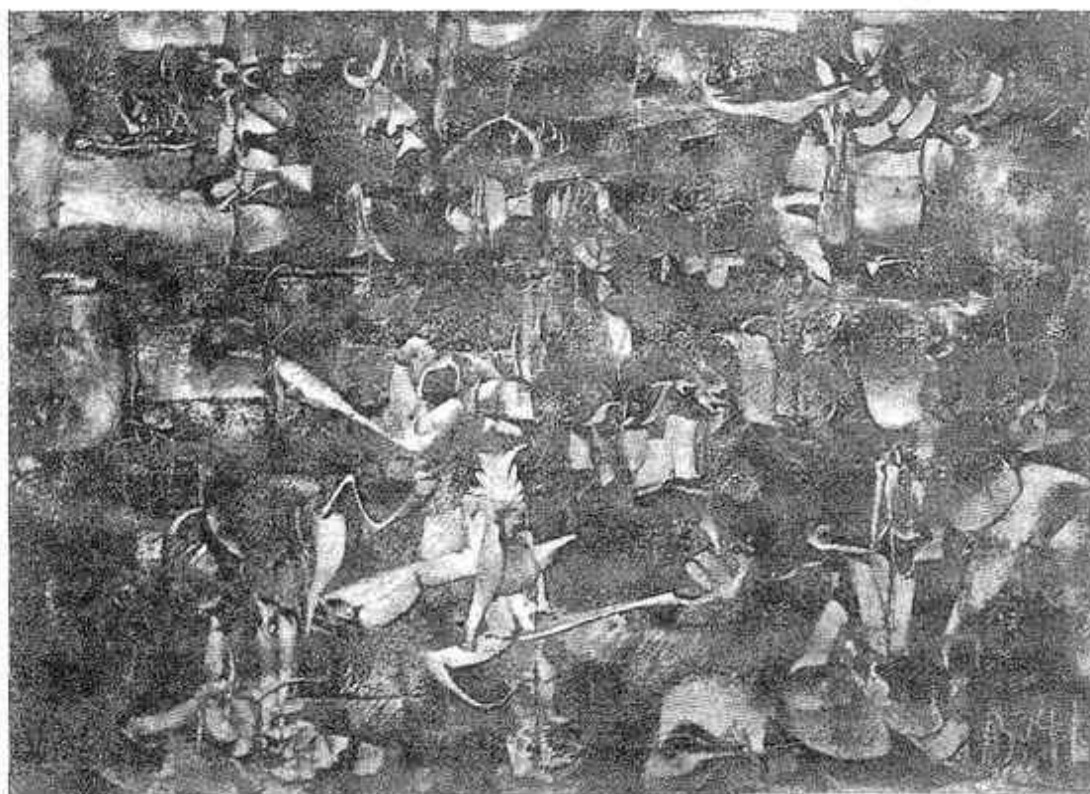
Другая газетная публикация напоминает нам сегодня о том, что оформление ресторана «Москва» в те годы призвано было напомнить посетителям о городе, в честь которого он назван: «Только вздохи ветра и мелкая дробь по стеклу напоминают о непогоде. Золотисто-красный занавес, скрывающий окна, создает в зале атмосферу уюта и торжественности.

— Декоративную ткань для банкетного зала ресторана «Москва» я расписывал вместе с художником Курисом, — рассказывает Михаил Звягин. — Хотелось, чтобы роспись привлекала не только теплым колоритом, но и всем строем

композиций, связанных с памятными местами столицы: Московским Кремлем, памятником Юрию Долгорукому, архитектурными сооружениями».³⁶

Кафетерий в первом этаже (вход с угла) поначалу не имел никакого названия (открылось это заведение на три дня раньше ресторана — 1 сентября 1964 года, а еще летом в газете «Вечерний Ленинград» было напечатано объявление: «В открывающийся ресторан “Москва” приглашаются повара всех категорий, кондитеры, официанты, буфетчики, калькуляторы, марочницы, электрики-механики, кочегары-газовщики, посудомойки, уборщицы, рабочие»). Ленинградцы называли заведение «Подмосковьем». Иногда его называли по имени то ли официантки, то ли продавщицы: «У Веры» (или «У Верочки» — все зависело от того, насколько коротко посетитель был с ней знаком). Художник Е. Г. Михнов-Войтенко* расписал кафельные стены кафе абстрактными сюжетами, потом их замазали, на стенах появились петухи, и завсегда так прозвали заведение по-новому: «Петушки».³⁸

Исключительную популярность кафе приобрело в 1960-е



Е. Г. Михнов-Войтенко. Посвящение Босху.

* По воспоминаниям поэта Г. Горбовского, Войтенко, «одинокий, гордый, талантливый, никому в своей стране не нужный», жил поблизости, на улице Рубинштейна, а умер, забытый всеми.³⁷ (Как это сегодня ни покажется странным, многие специально переселялись поближе к «Сайгону», чтобы бывать здесь чаще.)

годы, когда оно, уже под неофициальным названием «Сайгон», стало местом встреч и общения ленинградских «неформалов», которые с удовольствием смаковали (часами! стоя!) «маленький двойной и воды поменьше». Здесь сложились свои, неформальные обычаи, традиции, сленг, правила поведения и особая атмосфера раскованности, нетипичная для советского времени. Возникло неформальное, неофициальное, спонтанное братство «семидесятников». Только Невский проспект в сочетании с Владимирским мог породить такое уникальное для истории нашего города явление, каким в продолжение, наверное, двух десятков лет был «Сайгон».

Вывески у кафе не было, но название «Сайгон» знали, наверное, все ленинградцы, даже те, кто никогда здесь не бывал. Здесь предпочитали собираться те, кто не видел себя в рамках убогих комсомольско-молодежных программ отдыха и развлечений. Здесь же с утра до вечера толкались непризнанные или еще не состоявшиеся гении, вся так называемая творческая интеллигенция, пишущая словом и красками и не пишущая вовсе, а именно: стукачи, студенты, разного рода бездельники, временные рабочие, спекулянты, операторы газовых котельных, книжные жучки, алкаши, «волосатики», сутенеры, хиппи, фарцовщики, кочегары, паломники, бродячие проповедники и прочая публика. И тут же протискивается старушка: «А этот пирожок никто уже не ест? Возьму тогда птичкам — они любят...»

Помещение было неуютное, с длинными прилавками (за ними — зеркальная стена) и маленькими круглыми столиками, вокруг которых посетители и стояли. Тот, кто успевал захватить место на подоконнике (со стороны Владимирского проспекта), чувствовал себя более комфортно и, похоже, уходить вообще не собирался, поэтому от него этого и не ждали и в очередь на подоконник не выстраивались (для многих выражение «Мы с ним на одном подоконнике в “Сайге” сидели» и сегодня имеет смысл). Иногда на подоконниках играли в шахматы. Спустя какое-то время подоконники забрали решетками, исходя из непререкаемого правила советского этикета, гласящего, что на них сидеть «не положено».

Ходили небезосновательные слухи, будто власти специально решили собрать антисоциальные элементы в одном месте, дабы не гоняться за ними по всему городу. За зеркальными



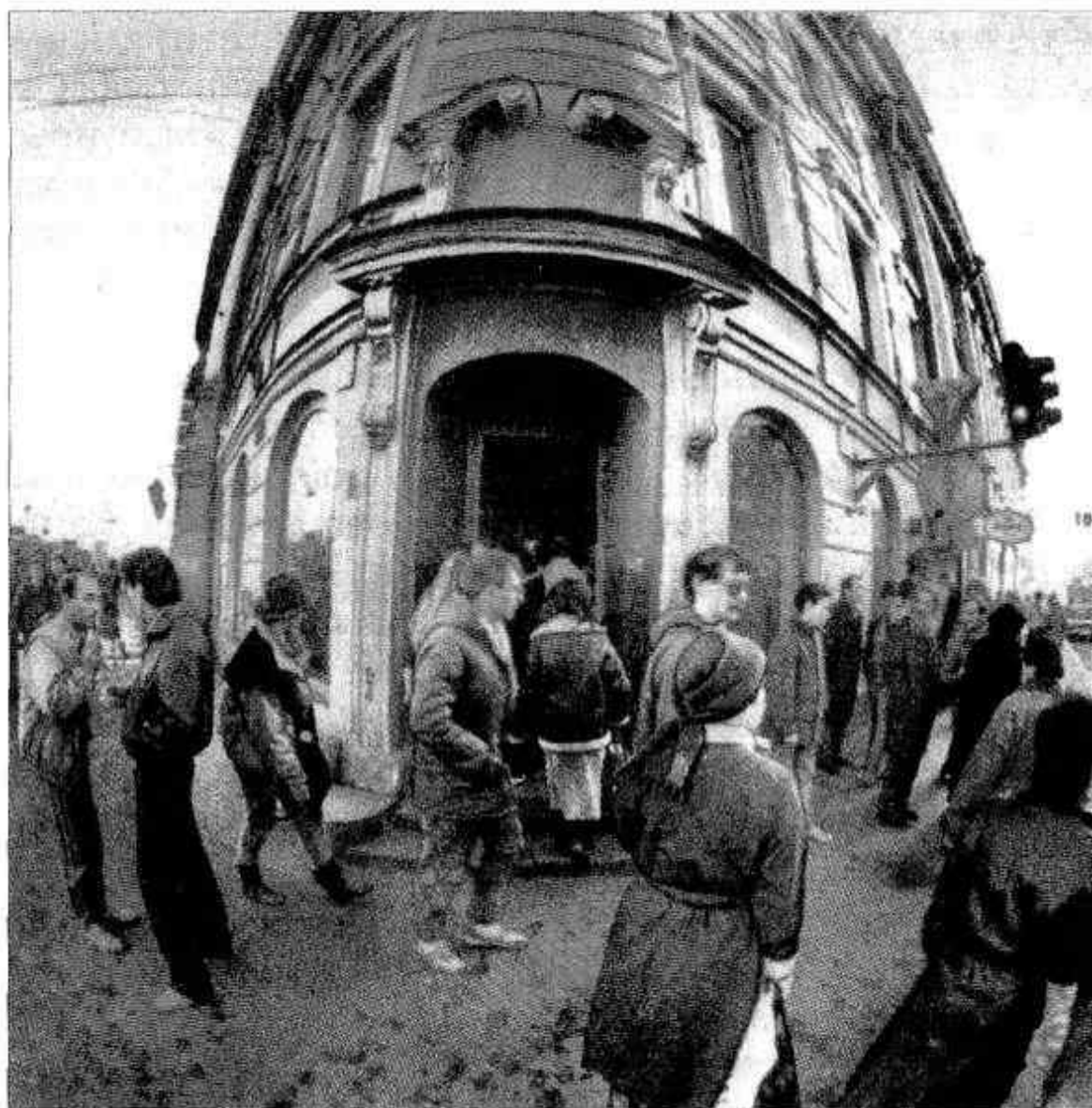
Невский пр., 49. 1977 г.



Невский пр., 49. 1980-е гг.

стенами якобы была вмонтирована аппаратура КГБ. Да и американец (все знали, что это американец), щелкавший фотоаппаратом, не внушал доверия: говорит, изучает «Сайгон», пишет что-то о нем.

В названии «Сайгон» зафиксировалась одна из тогдашних горячих точек планеты (шла американо-вьетнамская война). Между тем в городском фольклоре сохранилась легенда, которую с удовольствием вспоминают бывшие «сайгонщики». Порядки, установленные тогда администрацией кафе (а скорее милицией, КГБ или городскими властями), отличались полной неопределенностью и непредсказуемостью. Курить здесь то разрешали, то запрещали, столики были то высокими, за которыми стояли, то низкими, и тогда к ним приставлялись стулья. Как-то посетители, попивая кофе, закурили. К ним подошел милиционер и сделал замечание: «Что



«Сайгон». 1980-е годы.

вы тут курите? Безобразия! Какой-то Сайгон развели!» (По другой версии: «Курят... Пьют... Девки... Сайгон устроили!»). Именно тогда будто бы и появилось название «Сайгон». Перекресток Невского и Владимирского проспектов тогдашние студенты называли так: «На углу всех улиц». ³⁹ Для многих ленинградцев этот перекресток был если не центром мироздания, то едва ли не единственным местом в городе, где можно было почувствовать себя среди единомышленников по образу жизни, «по интересам». «Культурно-исторической легендой» назвал «Сайгон» один из его тогдашних завсегдаев В. Л. Топоров, захаживавший сюда в течение двенадцати лет после открытия если не ежедневно, то по крайней мере пять раз в неделю. Интересующихся «Сайгоном» и его посетителями отсылаю к занимательным воспоминаниям Виктора Леонидовича, ⁴⁰ которые покажутся особенно интересными тем, кто и сам здесь бывал.

Как очевидец, могу подтвердить такой, например, факт: туалета в «Сайгоне» не было, и те, кто испытывал нужду в его посещении, отправлялся либо на Литейный проспект, во двор, за домом, где и сегодня находится Академкнига, либо на Московский вокзал, либо (об этом мне рассказывал Е. П. Вензель) — в ресторан «Москва», но посещение тамошнего туалета обходилось в двадцать копеек, которые незаметно вручались швейцару. Кстати, именно Вензель вместе с Топоровым ввели в сайгонский обиход понятие «чипа», минимальной суммы, располагая которой любой человек, зашедший в «Сайгон», мог стать на вечер членом компании, поучаствовать в разговорах. ⁴¹

Того «Сайгона» давно нет, но кое-кто из его завсегдатаев до сих пор повторяет: «Вышли мы все из Сайгона». В числе его постоянных посетителей был И. А. Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе. Регулярно (по слухам) заходили сюда будущие знаменитости — рок-музыканты Б. Б. Гребенщиков, Ю. Ю. Шевчук, С. А. Курехин, а также литераторы С. Д. Довлатов, Е. А. Рейн, актеры И. М. Смоктуновский, М. С. Боярский, художник М. М. Шемякин и, замечу в конце столь впечатляющего списка знаменитостей, автор этих строк, тогда, в 1970-е, студент Ленинградского университета, отнюдь не помышлявший о том, что когда-то будет писать историю этого дома.

«Сайгон» закрылся в марте 1989 года, просуществовав ровно четверть века, после чего наступил новый, весьма короткий период в жизни здания на углу Невского и Владимирского, совсем неинтересный.

В 1989 году после ремонта в переоборудованном помещении «Сайгона» открылся магазин итальянской сантехники, затем магазин видео- и аудиокассет. Ни о хозяевах этих магазинов, ни о его посетителях сказать нечего.

В 1990 году Шемякиным и Рейном была предпринята попытка создать в бывшем «Сайгоне» мемориальный центр, но должной поддержки эта идея не получила. Наконец, в 1998 году в старинном доме Барбазана-Жукова-Ушакова начался капитальный ремонт. Ничего более капитального здесь до того времени не происходило.

4.

...Сейчас обедал у Палкина с Репиным и шампанским...

М. Горький. Из письма Е. П. Пешковой 5 октября 1899 года.

Однако пора вернуться к Палкиным, присмотревшим новое место для своего очередного ресторана.

Коммерции советник Константин Павлович Палкин (внук основателя фирмы), конечно же, не мог не знать, что местность на углу Невского и Владимирского проспектов называлась Вшивой биржей. Палкин решил все же приобрести стоявший тут дом в свою собственность и открыть в нем съестное заведение — разумеется, под своим «фирменным» именем. Чутье потомственного дельца не должно было обмануть его.

Этот участок был застроен к 1798 году, когда на Невском проспекте появился дом, отмеченный на планах того времени. В 1861 году дом был перестроен и соединился одноэтажной пристройкой с домом по Владимирскому проспекту, а западная часть флигеля была достроена до соединения с лицевым домом по Троицкому переулку (с 1929 года улица Рубинштейна). Все объединившиеся дома и флигели были двухэтажными. В западном флигеле на первом этаже располагались сараи и конюшня, на втором — жилые и служебные помещения.

Прежде чем Константин Павлович приобрел этот дом,



У входа в ресторан Палкина. XIX в.

он находился во владении наследников покойного купца 3-й гильдии Николая Степановича Паскова¹; помимо его вдовы купчихи 2-й гильдии Анны Павловны в число владельцев входили их дети Мария Николаевна (была замужем за губернским секретарем Гуслистым и носила фамилию Гуслистая), Александра Николаевна, Екатерина Николаевна, Лидия Николаевна, Антонина Николаевна (в замужестве Ратькова-Рожнова), Иван Николаевич и семнадцатилетний Федор Николаевич, имущественные интересы которого представлял попечитель. В «Атласе» Цылова этот дом числится под № 60 по Литейному проспекту как принадлежащий Пасковой-Шараповой. Речь, очевидно, идет об одной из дочерей Николая Степановича и Анны Павловны.

Жизнь в доме была ключом; хотя и был он невысок, но место занимал выгодное, выходил на три улицы, и в нем охотно арендовали помещения разные торговцы, составлявшие мирно сосуществовавшее под одной крышей интернациональное сообщество. В угловой части крестьяне Бещев и Дмитриев держали цветочный магазин (состоял из «темного покоя, кухни и жилого покоя»), купец 2-й гильдии Федор Арсентьевич Круглов нанимал помещение для меняльной лавки, а Василий Васильевич Набилков — под винный и фруктовый магазин. На средства купцов Набилковых была построена церковь Пресвятой Троицы на Киновиевском кладбище в Александро-Невской лавре. Их фруктовый магазин на Невском был известен тем, что здесь, как писал современник, «любили (...) собираться пишущие люди (...) При фруктовой лавке был погребок, и там пили холодный и горячий пунш. Там за стойкой стоял приказчик, который тоже кропал стихи и давал их всем для прочтения и исправления, но стихи были так плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправлению. Ко всем пишущим чувствовал он какое-то рабское почтение. Собирались в очень грязной каморке, даже и днем освещаемой свечами, сидели на ящиках из-под бутылок вина, но Эдельсон (Евгений Николаевич, 1824—1868, критик. — И. Б.), особенно часто посещавший эту каморку, имел там свой собственный стул, им самим привезенный, и назывался он троном Эдельсона.

Здесь, под веселую руку, поэты хвастались друг перед другом рифмами и каламбурами, и писали их карандашом на столе, а приказчик благоговейно старался сохранить эти автографы.

Помню, на столе крупно было написано Жулевым (Гавриил Николаевич, поэт-юморист. — И. Б.) такое четырехстишие, написанное ради рифмы и каламбура:

*Я одену, если голы вы,
Всем дам по рублю.
А хочу, так даже головы
Всем вам порублю».²*

В 1860-е годы французский подданный Жюль (Этьен Юлий) Вернье держал в том же доме на углу Невского и Вла-

димирского перчаточный магазин. Приписанный к городу Ревелю ваятель (или «монументщик») и купец 2-й гильдии Константин Карлович Томсон имел в этом доме «монументный» магазин, датский подданный, «мясных дел мастер» Карл Зеренсен держал в трех комнатах колбасную лавку, купчиха 2-й гильдии Марья Тимофеевна Серебрякова — магазин «красного» товара (в Апраксином дворе она торговала нитками), Семен Якимович Климов — пивной и водочный магазин («винный погреб»), «цирюльного дела мастер» Федор Власов — парикмахерскую, Фридрих Людвигович Бем — магазин серебряных изделий, купчиха 2-й гильдии Анна Ивановна Немирова — магазин швейных товаров и ниток. В антресольном этаже четыре комнаты занимал надворный советник Аскалон Николаевич Труворов под принадлежавшую ему компанию под названием «Перевозчик для транспортирования кладей». Капитан 2-го ранга в отставке нотариус Алексей Александрович Ратьков-Рожнов (1829—1909), будучи женат на дочери покойного хозяина дома Антонине Николаевне, здесь же и проживал, занимая шесть комнат (вдова Анна Павловна ютилась в пяти). В надворном флигеле обитал прусский подданный Роберт Фридрихович Дюнтц, державший газо- и водопроводные мастерские, а в поперечном флигеле — домовый приказчик Кондратий Никитич Захарченко, лицо немаловажное в жилищной иерархии. Со стороны Троицкого переулка (дом 4) находились водочный магазин и склад самого Александра Федоровича Штритера³, продукция которого почиталась (и не только в Петербурге) как наилучшая («Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили (...)» — читаем у Ф. М. Достоевского⁴).

Осмотревший в 1871 году здание архитектор И. И. Климов отметил в своем отчете: «Дом старый, прочной постройки, находится в благонадежном состоянии, содержится в надлежащей исправности».⁵ Владельцы дома обратились в 1871 году в Санкт-Петербургское городское кредитное общество о выдаче ссуды под залог дома, каковая, в сумме 100 тысяч рублей, и была назначена на 25-летний срок, но 15 января 1874 года в то же общество обратился — уже как хозяин этого дома — К. П. Палкин и просил сделать переоценку всему имуществу. Архитектор Климов в очередной раз про-

извел опись строению, отметив, в частности, «ресторан по Невскому проспекту, 3 комнаты, 13 окон, по Владимирскому 5 комнат, 14 окон, по двору 12 комнат, 18 окон — всего 20 комнат, 57 окон». ⁶ Очевидно, здесь перечислены и служебные помещения.

Новый владелец поручил архитектору Андрею Карловичу Кейзеру перестроить здание для нужд ресторана, что и было сделано в 1873—1874 годах ⁷ после получения дозволения на перестройку, выданного Городской управой, которая, рассмотрев представленные чертежи, разрешила произвести необходимые работы, с тем «1) чтобы отхожие места были устроены с надлежащею вентиляциею и наружными выгребами согласно детальным чертежам, 2) чтобы основные части зимнего сада были устроены из негорючего материала (...) 3) чтобы пред дверьми и другими входными отверстиями, выходящими на Владимирский и Невский проспекты, не было выпускаемо наружу более как по одной ступени, а колонки металлических зонтиков, показанных на фасаде, были установлены на одной линии тротуара (...) и чтобы техник, который (...) примет на себя надзор за работами по настоящему плану, до настройки этажей, убедился под свою личную ответственность в благонадежности существующих стен и фундаментов посредством их разборки местами (...), 5) чтобы стены 2-го этажа надворного флигеля (...) были утолщены». ⁸

Перечисленные работы были одобрены Техническо-строительным комитетом Городской управы 3 августа 1873 года. ⁹ Спустя год здание выросло на два этажа, по-новому были оформлены фасады, во всех помещениях, включая зимний сад и квартиру домовладельца, было устроено водяное отопление. Над двумя арочными проемами парадного входа в ресторан был сооружен большой балкон на чугунных колоннах. Балкон перекрывал тротуар на всю ширину и какое-то время считался самым большим металлическим сооружением на Невском проспекте. Из залов ресторана, расположенных на втором этаже, посетители выходили на балкон, над которым впоследствии был устроен шатер. На этом балконе любил посидеть Н. С. Лесков в компании актера И. Ф. Горбунова. ¹⁰ На заре своей юности, как вспоминал Лесков, он часто заглядывал к Палкину «в дни особых получений». ¹¹



Ф. М. Достоевский.



Н. С. Лесков

В доме после переделок разместились банкирская контора и меняльная лавка с покупкой и продажей процентных бумаг купца 1-й гильдии Архипа Степановича Полуэктова, а также книжный магазин и рейнские погреба будущего владельца дома и ресторана В. И. Соловьева. Была на доме — на верхнем этаже — и белая вывеска, извещавшая о том, что здесь находится зубоврачебный кабинет Софьи Ефимовны Маньковской (в начале XX века в этом доме разместится контора ее мужа, присяжного поверенного и стряпчего Семена Наумовича Маньковского, но уже без вывески). В угловой части дома разместился обувной магазин Ивана Ивановича Гозе, который также обзавелся вывеской со своей фамилией. Палкин, похоже, в наружной рекламе уже не нуждался.

Магазин Набилкова к середине 1870-х годов перешел во владение купца Воронина, однако петербуржцы по традиции продолжали называть его «лавкой Набилкова», которая по-прежнему считалась одной из лучших в городе.¹²

В антресольном этаже здания, со двора, с конца 1860-х годов помещалась типография саксонского подданного Генриха Траншеля (в Петербурге его звали Андреем Ивановичем), занимавшая 16 комнат; по тогдашней нумерации она (как и ресторан Палкина) числилась по адресу — Невский



В. С. Курочкин.

проспект, 45 (ныне — 47). Здесь печатался журнал «Гражданин», который в 1873—1874 годах редактировал Ф. М. Достоевский, а также, по заказу книгопродавца П. Е. Кехрибарджи, — роман «Подросток».¹³

В течение года в этой типографии служила корректором юная особа, которую звали Варвара Васильевна Тимофеева. В то время дом, где находилась типография, перестраивался, и лестницы разобрали. Рабочие поднимали Достоевского и его молодую помощницу в типографию и спускали обратно на руках. Однажды, засидевшись допоздна, писатель появился на руках рабочих перед взором

изумленных прохожих. «Не похищение ли это?» — с тревогой спросил кто-то. Но рабочие успокоили собравшихся.¹⁴

Официальное открытие ресторана Палкина на углу Владимирского и Невского проспектов состоялось 8 сентября 1874 года. Тотчас было видно, что дело поставлено на широкую ногу. Ресторан расположился на двух этажах. Парадная лестница в бельэтаж поражала гостей роскошью убранства. В центре главного зала стоял бассейн, еще более обширный, чем в прежнем ресторане Палкина, и в нем тоже плавали стерляди. Можно было по желанию выбрать любую, и ее тотчас отправляли в последний путь на кухню, откуда она возвращалась украшенная искусственными цветами и свежими овощами. Имелся прекрасный зимний сад. Поначалу было 12 помещений для гостей (в 1881-м — 25); число служащих (метрдотели, официанты, швейцары и прочие) превышало сто человек.

В ресторане выступали многие знаменитые артисты, играл духовой оркестр лейб-гвардии Кавалергардского

полка. Здесь бывали Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, П. И. Чайковский, поэт В. С. Курочкин (когда жена чересчур гостеприимного Василия Степановича «отказывалась дать вина ему и гостям... он, возмущенный, уезжал с гостями из дома и кончал с ними вечер где-нибудь в трактире, по большей части в Палкином»¹⁵), а позднее — А. П. Чехов, А. А. Блок, В. Я. Брюсов. По инициативе Д. И. Менделеева в ресторане устраивались литературные обеды, во время которых за одним большим столом собирались литераторы, в иной обстановке не подававшие друг другу руки.

После перечисления этих имен стоит ли удивляться тому, что ресторан был местом действия многих литературных произведений. М. Е. Салтыков-Щедрин, например, поместил сюда героев своего произведения «Господа ташкентцы». Ресторан Палкина, как одно из «питательных заведений» столицы, упоминает и В. В. Крестовский в своем романе «Петербургские трущобы»¹⁶.

Палкину всегда везло на рекламу, создаваемую литераторами разных поколений. Как одно из наиболее приметных мест Петербурга назвал этот ресторан А. В. Дружинин в фельетоне, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях». 18 ноября 1885 года в «Петербургской газете» был опубликован рассказ «Без места», подписанный псевдонимом А. Чехонте. «Вы где обедаете? — спрашивает, между прочим, герой рассказа у своего собеседника. — Ежели для вас безразлично, где ни обедать, так поедемте к Палкину». «Палкинский счет» составил 76 рублей, «которые (...) съел и выпил твой друг (...) оказавшийся большим гастрономом». А. П. Чехов наверняка знал, что у Палкина запросто можно оставить большие деньги, особенно увлекающемуся «гастроному». В письме к брату Михаилу Павловичу из Петербурга от 15 марта 1888 года он сообщал, что обедает у Палкина, а вот ужинать «к Палкину идти лень».¹⁷ Хотя и ужинал, бывало, у него же.

«...Засиживаюсь за поздним ужином у Палкина», — писал в воспоминаниях писатель И. Л. Леонтьев-Щеглов, имея в виду, что засиживался он вместе с Чеховым. Другой писатель, И. Н. Потапенко, вспоминал: «Накануне представления мы с Антоном Павловичем обедали у Палкина». А 10 февраля 1895 года Чехов обещал писательнице Л. А. Авиловой по-



Г. А. Лопатин.

бывать у нее. Та ждала его с девяти вечера, приготовив холодный ужин, водку, вино, пиво, фрукты и уложив спать детей (муж был на Кавказе), однако Антон Павлович припозднился, так как был с компанией писателей у Палкина, и задуманный Авиловой уютный вечер в кабинете ее мужа не удался.¹⁸

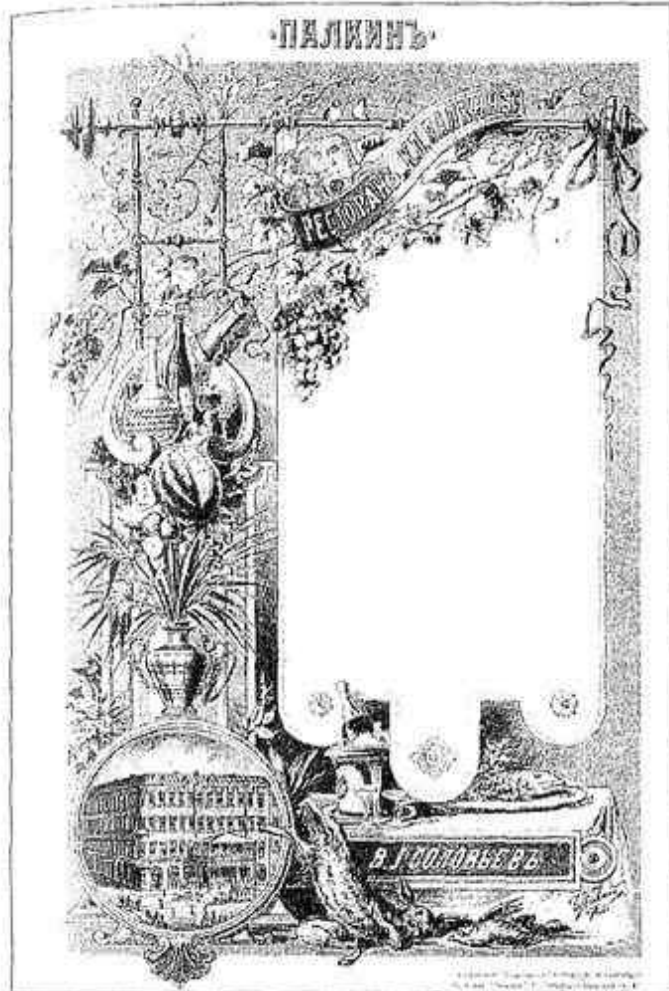
В отдельных кабинетах палкинского ресторана весьма комфортно чувствовали себя заговорщики и «нигилисты». Осенью 1883 года в одном из них встретились члены террористической организации «Народная

воля» артиллерийский штабс-капитан С. П. Дегаев (он же Петр Алексеевич, он же Яблонский) и знаменитый подпольщик Г. А. Лопатин (он же — первый переводчик «Капитала» К. Маркса и, между прочим, друг последнего).

Им было о чем поговорить с глазу на глаз: народовольцы подозревали, что среди них действует информатор. Лопатину удалось уличить Дегаева во лжи, хотя и сам он был хорош: по Петербургу Герман Александрович (он же Ф. Норрис) расхаживал со списком соратников, с каковым и был схвачен полицейскими.¹⁹

Литераторы же, которым прятаться не было надобности, обыкновенно собирались в специально отведенной для них хозяином комнате, за большим круглым столом.

Об одном из собраний, состоявшемся 13 декабря 1877 года, вспоминает историк и романист Д. Л. Мордовцев. В тот день на устроенном у Палкина литературном обеде присутствовали историк М. М. Стасюлевич, юрист И. Е. Андреевский, поэт и переводчик П. И. Вейнберг, химик А. М. Бутлеров. Был там и Ф. М. Достоевский, часто посещавший такие вечера. По воспоминаниям жены писателя, А. Г. Достоевской,



он «всегда возвращался с них очень возбужденный и с интересом рассказывал мне о своих неожиданных встречах и знакомствах». ²⁰

Среди завсегдатаев можно было встретить и знаменитых петербургских «аматоров» бильярдной игры. (Странным образом в этом слове слышится определение «матерый», но в действительности оно французского происхождения и означает «любитель».) Ресторан был настолько популярен среди петербургских чиновников, что здесь часто устраивались банкеты по случаю юбилеев, обеды

выпускников высших учебных заведений. В одном из номеров еженедельника «Неделя строителя» находим следующую заметку в разделе «Слухи и вести»: «В среду 17-го декабря в ресторане Палкин состоится обычный обед бывших воспитанников Строительного училища и Института гражданских инженеров». ²¹

Гости подкатывали к ресторану на извозчиках, и невдомек им было, что извозчики, как заметил наблюдательный современник, «по особому соглашению с господином швейцаром Палкина и господами дежурными дворниками» были с ними (то есть с дворниками) в сговоре. ²²

27 декабря 1885 года в ресторане торжественно, с поистине купеческим размахом отмечалось 100-летие фирмы «Палкинъ». За несколько дней до этого одна из крупнейших петербургских газет известила «почтенных посетителей», что ресторан будет закрыт 27 и 29 декабря «по случаю празднования столетнего юбилея» и «без билета вход не дозволяется». ²³ Как выяснится позже, двух дней будет мало.

27 декабря в назначенный час хозяин лично встречал гостей у входа. Во дворе безвестными архитекторами были

устроены мостки, обитые серым и красным сукном; приглашенные, уповая на солидность сооружения, уверенно шествовали по этому своеобразному помосту. В переднем углу столовой поставили два стола; около них должен был находиться «юбиляр» после молебна. На столах лежали футляры с памятными жетонами.

Началось с того, что служащие поднесли К. П. Палкину хлеб-соль с серебряной солонкой на расписанном русскими мотивами полотенце (на нем золотом были вышиты милые сердцу юбиляра цифры «1785—1885» и буква «П») и большой образ святых Василия, Павла и Константина — в память трех поколений династии, а точнее, хозяина трактира, его отца и деда. Был отслужен молебен, по окончании которого отец Александр Соколов поздравил «юбиляра» со столетием фирмы и пожелал дальнейших успехов в избранном Палкиными вообще и Константином Павловичем Палкиным, в частности, промысле.

Затем приглашенные перешли в зал, где были накрыты столы. Возле них в два ряда выстроились «человеки» — официанты, повара и швейцары во главе с ветераном палкинского предприятия, вечным стариком Груздевым, который прослужил в ресторане не поддающееся счету число лет (но все-таки, наверное, меньше, чем швейцар ресторана «Москва» Л. Д. Жерихин). На груди бывшего буфетчика Александра Ивановича Бузаратова (который и сам, уйдя от Палкина, сделался трактирщиком) красовалась золотая памятная медаль (видимо, награда от Константина Павловича; возможно, и в самом деле золотая).

На торжественном обеде присутствовали петербургский гражданский губернатор И. В. Лутковский, городской голова В. И. Лихачев, писатели Н. С. Лесков и А. А. Потехин, «фруктовщик и виноторговец» действительный статский советник Григорий Петрович Елисеев во главе делегации «поставщиков съестных продуктов», представители духовенства, генералы, статские чины, редакторы и репортеры столичных газет. Трактирщики Бочагов, упомянутый Бузаратов, а также Михаил Митрофанович Банухин, Михаил Игнатьевич Игнатьев и Константин Кононович Париков преподнесли Палкину хлеб-соль на огромном серебряном блюде. Купцы Орлов, Любимов, булочник Фишер (то ли Карл Михайло-



вич, то ли его брат Людвиг Михайлович, о том история не ведает, но оба — люди в городе известные и уважаемые) также поднес юбиляру хлеб-соль и два больших серебряных канделябра в придачу. Елисеев вручил герою дня серебряную вазу, полную свежайших фруктов с ананасом наверху (дело, напомним, было в конце декабря). Братья Корниловы — Петр Савинович и Василий Савинович, — имевшие фарфоровый завод на Шлиссельбургском тракте (среди петербуржцев долгое время бытовало выражение «корниловские чашки»), посудные лавки в Гостином дворе и на Невском проспекте, 64, подарили Константину

Павловичу две большие фарфоровые вазы с искусственными цветами. «Лично от себя» презентовал Палкину стакан в роскошном серебряном позолоченном подстаканнике купец Лихачев, — по-видимому, тоже приятель Палкина.

Не имевшие возможности присутствовать на торжестве (и наверняка впоследствии пожалевшие об этом) прислали герою дня приветственные адреса. Палкин, во фраке и с Владимирским крестом на шее, окруженный членами семьи, восседал во главе уставленного экзотическими яствами стола и, украдкой смахивая слезу, с трепетом внимал здравицам в свою честь, коим, казалось, не будет конца. Внешним видом он напоминал скорее чиновника, чем трактирщика. Торжества продолжались три дня. Большой зал ресторана утопал в цветах, среди которых возвышались бюсты Екатерины II и Александра II — в годы правления императрицы фирма образовалась, а на время царствования императора пришелся ее расцвет (вот жаль было Палкину, что до высокоторжественного дня не дожил царь, почивший в 1881 году).

В зимнем саду слух собравшихся услаждал оркестр кавалергардского полка под руководством капельмейстера А. Гюбнера, который сочинил специально к этому случаю «палкинский» марш (вот бы послушать!). В нотах, розданных присутствовавшим, было отмечено, что звуки марша подражают хлопкам вылетающих пробок и звону стаканов.

«Во славу российского желудка отпраздновано было вчера столетие трактира Палкина!» — подвела итог праздничному мероприятию, вылившемуся в событие городского масштаба, «Петербургская газета». Конечно, любопытно было бы узнать меню юбилейного обеда, но корреспондент этой газеты решил поначалу воздержаться от этих подробностей: «Но что говорить об обеде? Каков должен быть обед в русском трактире, при известном русском хлебосольстве в такой торжественный день, как столетний юбилей заведения?» При этом корреспондент не преминул заметить, что на меню были изображены младенцы, а сие, очевидно, призвано было означать, что «в наш век и младенцы познали уже сладость трактиров». Впрочем, удержаться от того, чтобы не привести названия некоторых блюд, ему все-таки не удалось: «Суп пюре из перепелок Виктория... консоме Режанс... стерлядь империял... английское баранье седло а-ля-Варен... молодые цыплята а-ля-Шувалов... жаркое — фазаны, дупеля... спаржа, два соуса... пудинг из фруктов глянсе а-ля-Палкин». Неудивительно, что такой обед «говорил гораздо больше в честь почтенного юбиляра, чем все утренние речи и вечерние тосты вместе взятые!»²⁴

В том же номере газеты упомянуто, что голубая столовая «была очень изящно» декорирована Шрейбером: «Перед каждым прибором лежало большое меню, художественно исполненное г. Шрейбером, программа музыкальных нумеров; вино, до последней бутылки, превосходнейшее, старое, иностранного розлива; все — от тарелок до рюмки и салфетки, подавалось впервые, для сегодняшнего дня специально заготовленное, на всем видны были выгравированные, вышитые или эмалированные цифры “1785—1885”!».

Возьму на себя смелость предположить, что речь в газете шла о В. А. Шрейбере, академике архитектуры. Он, правда, больше известен как архитектор надгробного памятника Н. А. Некрасову на Новодевичьем кладбище и работами

Новый Концертный Залъ

Т-ва В. И. СОЛОВЬЕВЪ.

Владимірскій, 1.

Телефонъ 233—91.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ ИТАЛЬЯНСКІЕ КОНЦЕРТЫ

подъ упр. маэстро М. Баваньоли.

Въ Среду, 31-го Октября 1907 года.

Съ участ. извѣстнаго тенора ПІЕТРО ГУБЕЛИНИ.

Для 1-го дебюта Г-жи МАРІА КВАИНИ.

Программа.

Отдѣленіе I.

1. Увертюра къ оп. «Севильскій цирюльникъ» . . . Россини.
 2. Шепотъ цвѣтовъ Блонни.
 3. Фантазія изъ оп. «Паяцы» Леонкавалло.
- Исп. оркестръ подъ упр. В. Казабланка.

Отдѣленіе II.

1. Венец, спены Массене.
- Исп. оркестръ подъ упр. М. Баваньоли.
2. Арія изъ оп. «Донъ-Пасквале» Доницетти.
- Исп. г. Лео Аццола.
3. Дуэтъ изъ оп. «Аида» Верди.
- Исп. г-жа Эмма Тозей и г. Джіовани Бальдини.
4. Арія изъ оп. «Фаворитка» Доницетти.
- Исп. г-жа МАРІА КВАИНИ.
5. Тріо изъ оп. «Фаустъ» Гуно.
- Исп. г-жа Сальвестра Сальвестри и гг. ПІЕТРО ГУБЕЛИНИ и Винченцо Віола.

Отдѣленіе III.

6. Танцы изъ оп. «Лакмэ» Делибъ.
- Исп. оркестръ подъ упр. М. Баваньоли.
7. Дуэтъ изъ оп. «Трубадуръ» Верди.
- Исп. г-жа МАРІА КВАИНИ и г. ПІЕТРО ГУБЕЛИНИ.
8. Дуэтъ изъ оп. «Пуритане» Беллини.
- Исп. гг. Джіовани Бальдини и Винченцо Віола.
9. Арія изъ оп. «Жидовка» Галлеи.
- Исп. г. ПІЕТРО ГУБЕЛИНИ.
10. Серенада Тости.
- Исп. г-жи Эмма Тозей и Сальвестра Сальвестри и гг. Лео Аццола, Джакомо Дамико и Джіовани Бальдини.

Начало въ 11¹/₂ час. вечера.

Во время обѣдовъ и по окончаніи концертовъ играетъ румынскій оркестръ КЕВЕШИ.

Во время дѣія артистовъ покорнѣйше просятъ публику соблюдать тишину.

Чет. разр. 30 Октября 1907 г., за СПб. Градоп., помощникъ
его, Камергеръ Сосновскій. т.п. шп. т.

в Исаакиевском соборе, но Владимир Андреевич был еще и акварелистом.²⁵ Скорее всего, именно он и «праздник декорировал».

Известный в свое время (но давно уже, к сожалению, забытый) юморист Н. А. Лейкин выпустил — все-таки, наверное, не специально к юбилею, но весьма кстати — сборник рассказов, действие в котором происходит у Палкина (см. Приложение 2).

Увы! Вечно праздник продолжаться не может. Константин Павлович Палкин умер спустя полгода после шумных торжеств в свою честь — 29 июля 1886 года — и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Ресторан и все недвижимое имущество (на счет движимого нам ничего не известно) покойного перешли по наследству к его сыну, Павлу Константиновичу (1864—?), женатому на некоей Ольге Алексеевне. У К. П. Палкина (его жену тоже звали Ольгой Алексеевной, 1831—1902; похоронена рядом с мужем; как значилось на надгробном памятнике — «жена надворного советника»²⁶; могилы не сохранились) было еще две дочери — Варвара, 1861 года рождения, и Елизавета, родившаяся в 1869-м (обе были крещены в церкви на Моховой улице), но о судьбе их ничего не могу сообщить.

Купец 1-й гильдии, владелец бакалейных магазинов, ресторанов и гостиниц Василий Ионович Соловьев (вскользь упомянутый выше) взял ресторан в аренду у П. К. и О. А. Палкиных и сумел приумножить его славу (новый хозяин благоразумно сохранил историческое название — честь ему и хвала за это).

О Соловьеве известно, что он родился в 1839 году в деревне Уварово Коломенского уезда; когда ему было шесть лет, его отправили в Питер к отцу, который держал фруктовую и винную торговлю в доме против Технологического института. В столице Соловьев закончил приходское училище, и в 1863 году затеял собственное дело — завел фруктово-бакалейную лавку на Николаевской улице. В 1864 году он открыл фруктовый магазин на Невском проспекте, дом № 71, в 1870-м — гастрономический магазин в доме на углу Литейного и Невского проспектов, а в 1874-м — еще один, на углу Невского и Владимирского проспектов (петербуржцы-ленинградцы не одно десятилетие называли эти магазины

«соловьевскими», хотя многие уже и не помнили почему).

В 1890 году Соловьев арендовал ресторан «К. П. Палкинъ», в 1893-м купил «Большую Северную гостиницу» (ныне «Октябрьская»), которая приносила ему сто тысяч рублей чистого дохода в год. Соловьев ввел в моду в принадлежавших ему заведениях на «ужины после театров» и «воскресные обеды с музыкой». В 1890-е годы, зимой, ужины в сопровождении струнного или духового оркестра по воскресеньям проводились в ресторане «К. П. Палкинъ», по средам — в ресторане «Большой Северной гостиницы» (в рекламе подчеркивалось, что оркестры состояли «исключительно из мужского персонала»).

В путеводителе по Петербургу 1892 года ресторану «Палкинъ», отличавшемуся от других заведений еще и музыкальными вечерами, была дана самая высокая оценка: «Здесь прекрасная кухня, хорошая сервировка, роскошно отделанные отдельные кабинеты. Ресторан охотно посещается публикой, несмотря на его несколько высокие цены. В последнее время большой успех имеют устроенные новым владельцем ресторана г. Соловьевым так называемые обеды с музыкой по воскресеньям».²⁷

Вот меню воскресного обеда, который предлагал петербуржцам Соловьев в 1893 году «с водкой и закуской по 2 руб. 50 к. с персоны»:

1. Суп ОНТО консоме а-ла-жиров. Пирожки разные.
2. Котлеты из ершей а-ла финансьер.
3. Седло дикой козы а-ла гранд (веньер), соус поврат.
4. Жаркое: фазаны, цыплята и дичь, салат.
5. Спафжа с крушонами.
6. Маркиз с шампанским.
7. Кофе.

Во время обеда, названия блюд которого сами по себе звучат как музыка (пусть и не совсем понятная, но на то и классика), играл с пяти до восьми часов вечера оркестр лейб-гвардии Преображенского полка под управлением капельмейстера Б. И. Шинделара.²⁸

Поэта Н. Агнивцева даже знаменитый «соловьевский бутерброд», предшественник сегодняшнего канапе, вдохновил

на написание стихотворения, ставшего тоже своего рода классическим:

*Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...*

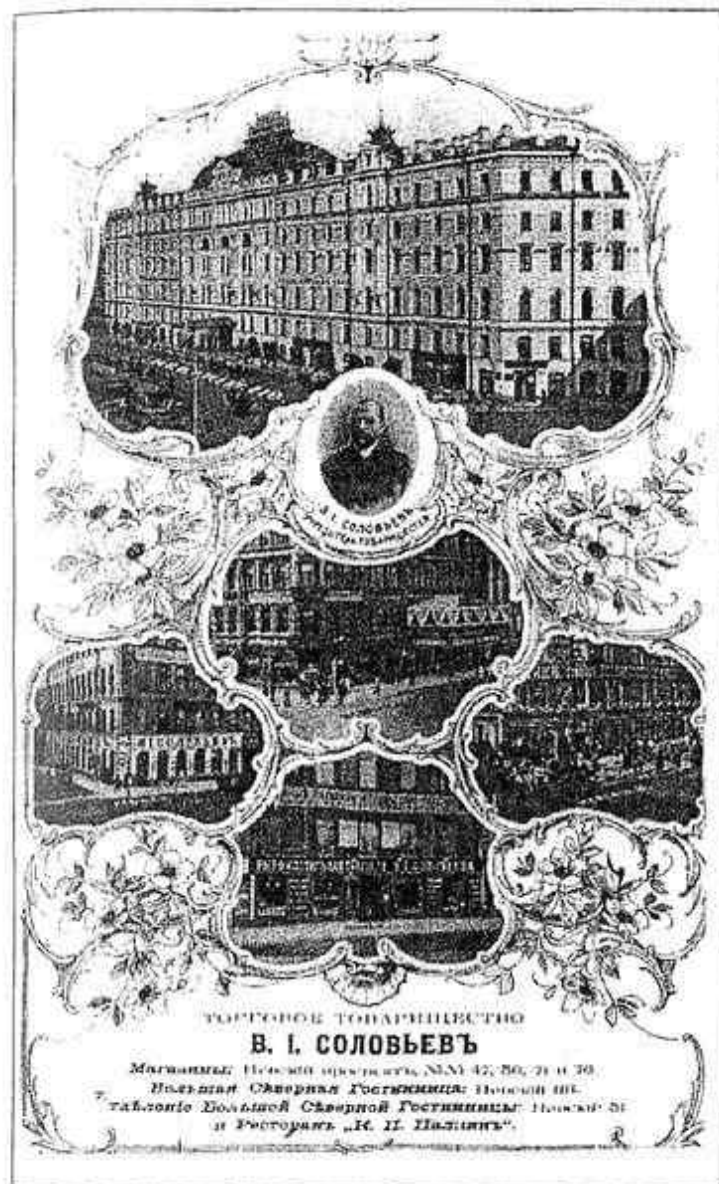
*Вот триптих немного дикий,
Вот триптих немного странный,
Так и прыгающий в рот!..²⁹*

В предпоследний год XIX века, 11 октября 1899 года, у Палкина в очередной раз обедал М. Горький; в письме к Е. П. Пешковой он отметил: «...Из трех знаменитых здешних дам — Калмыковой, Давыдовой и Поповой — только последняя действительно симпатична. Я недавно завтракал с нею у Палкина и ездил на Острова, был у нее...»³⁰

В 1901-м новый ^{*} хозяин ресторана основал паевое торговое товарищество «В. И. Соловьев» (председателем правления был он сам, в состав правления вошли его сын, Н. В. Соловьев, о котором далее расскажем подробнее, ибо он того заслуживает, и жена, потомственная почетная гражданка Екатерина Васильевна), с капиталом в 800 тысяч рублей, разделенных на 160 паев по пять тысяч рублей. Устав был Высочайше утвержден в Петергофе 15 июня.

К 1906 году Соловьеву принадлежали дома № 51 (с меблированными комнатами), 59, 61, и 118 по Невскому проспекту, а также фруктовые, винные, колониальные и гастрономические магазины в домах № 47, 59 и 76 по Невскому проспекту, «ренский погреб с распивочной продажей» на углу Гороховой и Малой Морской, рестораны на углу Невского проспекта и Малой Конюшенной улицы и в Кирпичном переулке, а также склад вин в доме № 2 по Графскому переулку. Жил он с семьей сначала в доме № 96 по Невскому проспекту, а потом в доме № 47. В церковь ходил к Знаменью (ныне на месте этого храма, известного в свое время как церковь Входа Господня в Иерусалим (Знаменская), ^{*} расположена станция метро «Пло-

^{*} Взорвана коммунистами в 1938 году.



щадь Восстания»), где в 1867 году вместе со своей первой женой Параскевой крестил старшую дочь Екатерину Васильевну. Невский проспект, Морские улицы, Знаменская площадь — вот сфера житейских и профессиональных интересов этого крупного предпринимателя, от которого старались не отставать и родственники. Зять Соловьева Чеслав Генрихович Бродович, женатый на его младшей дочери Людмиле Васильевне, владел несколькими магазинами колониальных товаров, а племянник Александр Анисимович Плаксин держал гастрономический магазин на углу Ма-

лой Морской и Гороховой улиц.³¹

Дела Соловьева шли столь успешно, что он позволял себе жертвовать крупные суммы на Красный и Синий кресты,* Михайловскому училищу для детей артиллерийских офицеров, а в ознаменование 300-летия дома Романовых (1913 год) предпринял на свои деньги постройку четырехэтажного каменного здания для Александровского женского коммерческого училища Петербургского купеческого общества, затратив около трехсот тысяч рублей. По окончании строительства, 18 сентября 1914 года, ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени. Ранее Соловьев был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени и Св. Анны 3-й

* Одно из первых в России благотворительных обществ для помощи больным и обездоленным детям (1882—начало XX века), названное так по своему цвету печати и почетных жетонов.³⁵

РЕСТОРАНЪ „НАЛИВНИКЪ“
ТОРГОВАГО ТОВАРИЩЕСТВА

В. І. СОЛОВЬЕВЪ



Фрукты.

1 шт. Груши	— р. 75 к.
1 шт. Кальвиль	1 » — »
1 шт. Яблокъ	— » 40 »
1 шт. Апельсинъ	— » 40 »
1 порц. Винограду	— » 75 »

Имѣется Старо-Польскій медъ высшій сортъ.

Водка Старка.

» Сливовица.

Старое Венгерское вино СЛАДНОЕ и ПОЛУСУХОЕ.

Свѣжія Остендскія устрицы 10 шт. . . 3 р.





Н. В. Соловьев.

степени — и тоже за благотворительную деятельность. Ведь он состоял членом Общества вспомоществования впадшим в нужду бывшим владельцам заведений трактирного промысла, торговавшим крепкими напитками, и недостаточным трактирным и ресторанным служащим, С. Петербургского комитета для разбора и призрения нищих. В 1886 году на Малой Болотной улице (с 1923-го — улица Красного Текстильщика) по проекту архитектора Владимира Федоровича Харламова в доме № 13 была проведена внутренняя реконструкция

и открыт «ночлежный приют Соловьева».³²

Отмечены были и заслуги Соловьева на ниве предпринимательства. 10 мая 1896 года за «полезную деятельность (...) на поприще отечественной торговли и промышленности» ему было пожаловано звание коммерции советника.³³

Сын В. И. Соловьева Николай Васильевич Соловьев (1877—1915), числился у отца управляющим Большой Северной гостиницей, за что получал 500 рублей в месяц. Закончив Анненшуле в Петербурге и получив высшее образование в Сорбонне и Гейдельбергском университете, он, однако, больше интересовался книгами, нежели финансовыми отчетами и состоянием гостиничных дел. Уже в 24-летнем возрасте он имел великолепную библиотеку, значительную часть которой составили приобретенные им книжные собрания И. Т. Лисенкова, М. И. Пыляева, И. В. Помяловского, А. А. Половцова, С. С. Татищева и других выдающихся деятелей русской культуры. Когда отец, мечтавший видеть в сыне продолжателя дела, лишил сына содержания, тот решил продать свою библиотеку и с этой целью в 1901 году открыл книжную лавку на Симеоновской улице (с 1931 года улица Белинского). Затем Соловьев стал издавать журналы «Антиквар» и «Русский библиофил». Отец, убедившись, что Николай Василье-

вич способен и сам зарабатывать себе на жизнь, помирился с ним, но не смог смириться с тем, что сын торгует в скромном помещении. Василий Ионович, не особенно церемонясь, взял да и выселил известного петербургского букиниста Л. Ф. Мелина из принадлежавшего тому магазина на Литейном проспекте, 51. Увеличил помещения вдвое и отделал их за свой счет в стиле ампир. Н. В. Соловьев шире повел торговлю (часть книг он продал даже в библиотеку Ватикана), но не забывал и о литературном труде. Он автор многих интересных публикаций на исторические темы (книгу о знаменитой балерине пушкинских времен Марии Тальони он написал на основании собрания книг по балету своей жены, известной балерины, солистки Мариинского театра Веры Александровны Трефиловой, 1875—1943), составитель и издатель 150 антикварных каталогов. Постепенно он отошел от книжного дела. Отец пристроил его директором банка, потом Николай Васильевич сделался гласным Городской думы, входил в состав Больничной комиссии Думы, состоял попечителем Александровской больницы в память 19 февраля 1861 года, много помогал бедным «в частном быту», а в 1915 году, 14 августа, умер от осложнения после ангины. После 1917 года вдова Соловьева уехала в Париж. Часть собрания знаменитого некогда книжника ныне хранится в Пушкинском Доме.³⁴

И в начале XX века в ресторане Палкина по-прежнему, как и в XIX веке, утоляли голод и жажду общения петербургские и иногородние писатели, стараясь не изменять традиции, когда они собирались в трактирах, кафе и прочих заведениях. Еще в 1880-е годы А. Н. Островский, приезжая в Петербург, всякий раз сетовал, что нигде не может найти своих товарищей по перу. «У нас в Москве, — говорил он, — знаешь, по крайней мере, наверняка, в каком трактире бывает тот или другой из наших, а у вас в Петербурге и того нет: разбрелись вы все по разным “палестинам”: кто у Палкина засиживается, кто в Малом Ярославце проводит время, кто в “Капернауме” пробавляется».³⁶

Наш великий драматург упомянул известные его современникам места, но они совсем неизвестны петербуржцам, живущим в XXI веке, поэтому посвятим хотя бы несколько строк этим «палестинам», ведь они, наряду с «Палкиным»,

были своего рода литературными клубами. «Капернаумом» (по слухам, с легкой руки писателя В. А. Слепцова) назывался «ресторан Давыдова» (Владимирский просп., 7), открытый в 1860-х годах предпринимателем И. Б. Давыдовым. В одном из двух залов ресторана вокруг специально отведенного длинного стола собирались газетчики, литераторы, книготорговцы. Среди постоянных посетителей можно было



*М. К. Куприна-Иорданская с дочерью Лидией.
1903—1904 гг.*

встретить Н. С. Лескова, С. Н. Терпигорева, А. Н. Майкова, А. А. Плещеева, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. А. И. Куприн описал это заведение в рассказе «Штабс-капитан Рыбников» (ныне здесь располагается кафе-бистро «Грин-крест»). Ресторан «Малый Ярославец» (или «Малоярославец», или Мало-Ярославец, на Большой Морской ул., 8) был открыт в 1870-е годы; завсегдатаем здесь был композитор М. П. Мусоргский. Основан как трактир он был предположительно в 1812 году (во время Отечественной войны русские войска добились близ города Малоярославец стратегической победы над наполеоновской армией). С 1890-х годов ресторан стал «клубом беллетристов»; здесь бывали А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. В. Григорович и другие писатели.

И. А. Бунин отдавал предпочтение ресторану Палкина, считавшемуся «шикарным» и охотно посещавшемуся литераторами (речь идет о начале XX века); бывал здесь сам и не однажды приглашал с собой А. И. Куприна. Две стены обширного зала здесь были зеркальными, и в них бесчисленно повторялись столики, накрытые белоснежными скатертями, с хрустальной посудой, снующими лакеями во фраках.³⁷

В один из зимних приездов Бунина в Петербург (это было примерно в 1902 году) Куприн, его жена М. К. Куприна-Иорданская и Иван Алексеевич зашли вечером к Палкину. Далее, по воспоминаниям Марии Карловны, произошло следующее:

«Народу в зале было много, столики все заняты, и нам пришлось сесть за столик у зеркальной стены. Справа от меня Куприн, слева — Бунин.

У противоположной зеркальной стены, напротив меня, за длинным столом ужинали восемь офицеров.

Увидев меня, они разыграли такую сцену: двое, которые сидели по краям стола и не отражались в нашем зеркале (их могла видеть только я), вставали, поднимали бокалы и пили за мое здоровье. Потом эти места занимали двое других офицеров и проделывали то же самое.

Я заволновалась. В конце концов, это могло кончиться скандалом. Куприн, опустив голову, что-то рассказывал нам. Я глазами показала Бунину на офицеров. Чтобы не поворачиваться к ним лицом, Иван Алексеевич уронил салфетку, наклонился за ней и наискось в зеркало увидел эту панто-

миму. Он тоже забеспокоился и через несколько минут сказал:

— Что-то мне сегодня не нравится у Палкина.

— А у меня голова болит. Пойдемте лучше на воздух, — предложила я.

Подходя к нашему дому, мы все-таки не выдержали и рассказали Александру Ивановичу, почему мы ушли из ресторана.

— Как?! Вы сделали это умышленно? Я сию минуту возвращаюсь обратно». ³⁸

Куприн еще не раз побывает у Палкина — как он сам говорил, ему «неоднократно приходилось слышать, как в ресторане Палкина офицеры после достаточной зарядки громко обсуждали последние военные известия и делились тем, что еще не было опубликовано и считалось тайной» (может, потому он и возвратился в тот раз?). А однажды, выйдя из ресторана около полуночи в компании художника-иллюстратора П. Н. Троянского, критика Петра Пильского и нескольких журналистов, писатель спустя короткое время очутился вместе с Троянским в участке, правда, на «дворянской» половине. ³⁹

П. И. Чайковский тоже бывал у Палкина, и не раз. 22 января 1889 года он был тут с неким Васей, а на следующий день, 23 января, говоря его собственными словами, «давал завтрак» перед отъездом за границу Н. А. Римскому-Корсакову, А. К. Глазунову и, как он сам пометил в дневнике, «т. д.». Подробностей Петр Ильич не сообщил, и нам не дано знать, кто скрывается за аббревиатурой «т. д.». ⁴⁰

В ноябре и декабре 1905 года в отдельных кабинетах ресторана Палкина на втором этаже В. И. Ленин не раз проводил конспиративные заседания сотрудников большевистской газеты «Новая жизнь» (ее редакция и контора помещались в доме № 68/40 по Невскому проспекту, на углу Фонтанки). ⁴¹

1 декабря 1905 года в ресторане встретились А. Белый и А. А. Блок, о чем Белый известил заранее Блока: «Непременно буду ждать сегодня пить чай в ресторане Палкина в 8 часов. (На Невском. Буду в главном зале)». Позднее А. Белый вспоминал: «(...) писал Блоку: жду его видеть у Палкина; (...)



П. И. Чайковский



В. А. Брюсов. Фото 1904 г.



А. А. Блок. Фото 1921 г.

долго сидел я в переосвещенном зале, среди столиков, над которыми, брэнча мандолинами, передергивала корпусами, затянутыми в атлас, капелла красных, усатых неаполитанцев; и вижу: студент с высоко закинутой головой нащупывает кого-то за столиком: Блок!». 21 августа 1906 года «. Белый вновь приглашал Блока («Жду тебя вечером у Палкина чай пить»), но эта встреча, запланированная на 23 августа, не состоялась.⁴²

4 мая 1903 года Техническо-строительный комитет Городской управы дозволил «постройку каменного пятиэтажного на подвале лицевого дома (...) каменного четырехэтажного, с мансардою, надворного флигеля (...) надстройку третьего и четвертого каменных этажей и мансарды на надворном флигеле»⁴³, каковые работы и были произведены, при этом ресторан продолжал функционировать, и гостям помех не было.

В 1904 году под руководством двадцатитрехлетнего архитектора Бориса Ивановича Конецкого, прожившего на свете всего 25 лет (1881—1906), была осуществлена отделка помещений ресторана «К. П. Палкин» и магазина Соловьева.⁴⁴

Примерно в это время появилась и вывеска: «Ресторан товарищества «В. И. Соловьев», бывший Палкин».

В том же году, 7 мая, Техническо-Строительным комитетом была разрешена надстройка пятого этажа здания со стороны Владимирского и Невского проспектов. 15 июля проект рассмотрела сама Управа, и он был «найден составленным удовлетворительным» — под этими словами подписался исправлявший должность городского головы С. Тарасов. Высочайшее

соизволение на надстройку последовало в Царском Селе 13 декабря 1904 года, в чем подписался генерал-адъютант князь Святополк-Мирский.⁴⁵

В 1905 году, по завершении строительных работ, при ресторане «К. П. Палкин» был устроен «Новый дом» с отдельным входом с Владимирского проспекта (3-й подъезд), что дало возможность регулярно проводить здесь концерты, об успехах которых ежедневно в ноябре-декабре 1906 года сообщала газета «Обозрение театров». 31 декабря 1906 года в «новом концертном зале» на торжественной встрече Нового 1907 года выступали «три оркестра музыки». В конце 1906 года каждый день во время обедов и ужинов в ресторане выступал большой струнный оркестр из 35 человек под управлением В. Казабианки, на арфе солировала «известная артистка миланских театров г-жа Мария Ла-Виа». Вход на концерты был бесплатным, оставалось лишь заплатить за ужин.⁴⁶

В перестроенном концертном зале ресторана выступали солисты миланского театра Ла Скала. Большим успехом, по отзывам прессы, пользовались в 1907—1908 годах концерты гастролировавшего в Петербурге с 1906 года итальянского



Андрей Белый. Фото 1904 г.

оперного ансамбля под управлением Манлио Баваньоли и неаполитанской труппы Д. Бальдини. Концерты большого симфонического оркестра начинались поздно вечером, в половине двенадцатого, «после театров». Вот что происходило в ресторане «К. П. Палкин» в один из сентябрьских вечеров 1907 года:

«Едва ли не исторический ресторан “Палкин” в настоящее время по вечерам превращается в концертный зал только тем, что зрители сидят в нем не уединенно в своих креслах, а группами за столиками и ужинают. В субботу, 1 сентября, состоялось открытие этого своеобразного “Нового концертного зала” тов[арищества] В. И. Соловьева. Концерты эти, судя по первому вечеру, будут иметь успех. Поют итальянцы с хорошими голосами и вполне музыкально. Строен и сыгран оркестр, руководимый очень симпатичным дирижером г. Баваньоли. Среди певцов выделяются г. Губелини — тенор, а среди певиц — г-жа Сесилия Таманти — сопрано. Программа — арии, дуэты, квартеты и ансамбли из разных опер». ⁴⁷

5 ноября 1910 года Соловьев выкупил ресторан Палкина после 20-летней аренды, но название заведения не изменилось. В сезоне 1909—1910 годов в концертном зале ресторана «К. П. Палкин» впервые в России выступал оркестр двенадцати арф под руководством солистки Эммы Консолини де-Стефано, состоявший «из лучших учениц Болонской консерватории». В их исполнении звучали номера из популярных опер и оперетт. ⁴⁸

В начале 1912 года в доме на углу Невского и Владимирского проспектов были проведены отделочно-реставрационные работы, а во дворе поставили мусоросжигательную печь и снеготаялку. ⁴⁹ С 1 мая 1912 года, как писала газета «Обозрение театров», «в роскошном заново отделанном в стиле “empire” банкетном зале ежедневно во время завтраков от 1 до 3 часов и обедов от 6 до 8 часов вечера играет знаменитый румынский оркестр под управлением Д. Ротеско». ⁵⁰

В том же 1912 году по проекту архитектора Якова Ивановича Филотея предполагалось произвести в здании работы по усилению перекрытий над фойе ресторана, но эти работы не были произведены, хотя отделка в стиле «ампир» была все же осуществлена. Тогда же инженер Леонид Васильевич Ко-

тов затеял переделки в новом каменном флигеле, но его проект по большей части остался на бумаге. Произведенная в 1904—1906 годах архитектором А. С. Хреновым надстройка западного флигеля не затрагивала конструктивного решения 1873 года. Были сохранены стены XVIII и XIX веков, хотя, возможно, они были усилены простенками. По проекту Хренова были ликвидированы зимний сад и двусветное фойе.

Во время Первой мировой войны Торговое товарищество «В. И. Соловьев» было проверено комиссией по надзору за деятельностью предприятий подданных воюющих с Россией государств. На деятельности товарищества и ресторана это никак не отразилось, поскольку среди членов правления иностранцев не оказалось, да и спиртным, кажется, здесь не торговали (в 1914 году Россия ввела «сухой закон», подтвержденный большевиками в 1919-м). Сам семидесятипятилетний В. И. Соловьев продолжал в 1915 году оставаться директором-распорядителем Товарищества (в 1914 году директором-распорядителем был его сын). В число пайщиков тогда входили В. И. Соловьева, М. Л. Кауфман, К. Н. Полосухин, Ч. Г. Бродович, Н. П. Немиров, В. М. Кузьмин и М. В. Петрова, С. А. Шишкин.⁵¹ Дополнительных сведений об этих людях найти пока не удалось.

В феврале 1917 года ресторан был закрыт. Журнал «Ресторанное дело» писал: «Навсегда закрылся один из стариннейших петроградских ресторанов, принадлежавший последнее время товариществу “И. В. Соловьев” (вероятно, другой сын В. И. Соловьева).⁵² Помещения были переданы Рижскому коммерческому банку, но тот не успел въехать в этот дом, поскольку весной 1917 года в нем содержались «арестованные, до окончания ремонта прежних мест заключения».⁵³

После 1917 года помещения третьего этажа, где некогда была квартира К. П. Палкина, перепланировали, установили перегородки, и в доме бывшего петербургского ресторатора появилось несколько коммунальных квартир, просуществовавших до начала XX века.

5 октября 1921 года в Ленинград приехал драматург Е. Л. Шварц, и вместе с ним — актеры «Театральной мастерской». Поселились они в бывших номерах палкинской гостиницы, позади бывшего ресторана Палкина. «Комнаты отличные, огромные, светлые, но холодные... По темной лес-

тнице попадаем мы в просторную кухню с соответствующей плитой. Из нее в коридор... Купили мы с помощью дворника сажень дров и свалили в чулане или бывшей ванной возле угловой... Наш палкинский дом был переполнен крысами. Ночью дрались они... на коврах, и бюро, и штучных столиках, бегали по нашим большим комнатам, стучали в коридоре». ⁵⁴

В эпоху нэпа, 25 марта 1922 года, в 6 часов вечера, ресторан, однако, был открыт вновь. В «Вестнике театра и искусства» рекламировались завтраки, обеды и ужины с вином и оркестром. ⁵⁵ Хозяином возрожденного ресторана стало Петроградское единое потребительское общество (ПЕПО), в ведении которого по распоряжению Совета народных комиссаров оказались торгово-закупочные конторы, магазины (в том числе «Пассаж»), рестораны и кафе.

В 1925 году ресторан опять был закрыт. Как тогда казалось, навсегда.

5.

В середине 1990-х годов комплекс зданий бывшей гостиницы «Москва» стал собственностью общества «Москва-Америка». В 1998 году эта компания вместе с американским инвестиционным фондом «США-Россия», турецкой строительной компанией USGEN и гостиничной корпорацией Radisson SAS учредили ЗАО «Корпорация Отель» с целью возведения на месте старой гостиницы новой с сохранением исторического фасада здания. Строительство осуществлялось за счет фонда «США-Россия» и кредита Европейского банка реконструкции и развития и обошлось в тридцать миллионов долларов.

Здание за свою долгую историю реконструировалось не раз, и с каждым новым ремонтом исчезали «архитектурные излишества» — гирлянды, лепные карнизы и наличники, волюты и каннелюры полуколонн. Терракотовые кариатиды, правда, сохранились. Декор был утрачен примерно на 80%. Особенно пострадал цокольный этаж, где изменилась даже форма оконных и арочных проемов.

Чтобы построить на Невском проспекте отель высшей категории, пришлось снести внутреннюю часть здания (перекрытия в жилой части дома были деревянными, полуогнившими, не менялись с конца XIX века) и полностью его перестроить, расселив 16 коммунальных квартир (площадь реконструируемого сооружения была увеличена вдвое), однако уникальные фасады были оставлены и отреставрирова-

ны с сохранением впечатляющей истории двух столетий.

Благодаря архитектурным изысканиям фасад здания удалось полностью восстановить в первоизданном виде по чертежам Сюзора. Были восстановлены лепные украшения и первоначальный цвет здания (что дало повод нынешним остроумцам дать зданию определение — «редиска»). Эта работа осуществлялась архитектурным бюро «Литейная часть-91» во главе с архитектором Рафаэлем Муратовичем Даяновым.

Один из двух новых дворов закрыла остекленная крыша. Новый жилой мансардный этаж не нарушил видимого с проезжей части силуэта дома — уклон кровли скрывает эту надстройку. При реконструкции здания применены разнообразные технические новшества, новое оборудование, строительные и конструкционные материалы. Здание стало семиэтажным, что не видно, если смотреть на него с улицы.

В мае 2001 года в газетах «Деловой Петербург» и «The St Petersburg Times» были помещены объявления о наборе сотрудников в новую гостиницу. Было получено более тысячи обращений на 140 рабочих мест. Резюме продолжали приходить и после того, как штат сотрудников был сформирован. Наконец, 23 июля 2001 года новая гостиница высшей категории «Radisson SAS Royal», 108-й отель международной гостиничной сети «Radisson SAS Hotels and Resorts» была открыта (сеть включает в себя 653 отеля с 120691 номером в 53 странах мира и пять теплоходов первого класса). С открытием «Radisson SAS» Петербург приобрел не только еще один отель высокого уровня, но и восстановленный памятник архитектуры.

Приглашенный «свадебным генералом» Н. С. Михалков честно признался, что в «Сайгоне» никогда не был, потому что путь сюда ему преграждала рюмочная у Московского вокзала, где уже утром можно было принять патристические сто граммов под бутерброд с «завернувшимися крыльями сыра».¹ Пребыванием в новом отеле Михалков остался доволен и оставил на этот счет запись в книге почетных гостей.

Первым генеральным менеджером гостиницы стал швейцарец Эрик Бэнзигер. До приезда в Петербург он был менеджером по ресторанному обслуживанию отеля «Radisson SAS» в Пекине. Опыт работы именно в этой сети гостиничного бизнеса обязателен не только для продолжения карье-

ры, но и для поддержания стабильно высокого уровня обслуживания клиентов, поскольку компания «Radisson SAS» разработала целый ряд уникальных концепций, целью которых является пребывание гостей в отеле как можно более комфортным. Среди них такие фирменные программы, как стопроцентная гарантия удовлетворения пожеланий клиента, «суперзавтрак», «ранний завтрак», а также «услуги 3-часовой экспресс-прачечной», «услуги оператора», «регистрация на рейсы SAS» (SAS — это материнская компания, основавшая в 1960 году гостиничный бизнес, «SAS Hotels») и «поздний и срочный выезд из отеля».

В мае 2002 года петербургский отель «Radisson SAS» получил в Берлине премию «Сделка года». В номинации «Новые строительные проекты» он состязался с отелями Манчестера, Копенгагена и Лондона и удостоился высокого признания мирового финансового сообщества. Петербургский проект был оценен в 34.5 миллиона евро. Получая премию, Курт Риттер, президент и исполнительный директор группы Rezidor SAS Hospitality, сказал: «Мы гордимся нашим флагманским отелем в этом чарующем городе. Признание, которого удостоился этот захватывающе интересный проект, еще раз подтверждает, что сделка, хотя и была трудной, но теперь приносит вознаграждение».²

Ныне в отеле 164 номера (включая 17 номеров «люкс»), оформленных в классическом стиле (в каждом — регулируемый кондиционер, спутниковое телевидение, телевизор, показывающий 34 зарубежных канала на 6 европейских языках, а также все основные российские каналы и платное телевидение, мини-бар, радио, 3 телефона, отдельная телефонная линия для подключения к Интернету, электронный сейф, будильник, пресс для брюк, в ванной комнате пол с подогревом, фен и пр.), 38 номеров «бизнес-класса», экспресс-прачечная и химчистка, бар «Каннэль» («cannelle» в переводе с французского означает «корица») с видом на Невский проспект (на месте бывшего «Сайгона») и живой музыкой (бывший директор гостиницы Оливер Штаас заметил в одном интервью, что после открытия отеля была даже идея вернуть бару название «Сайгон», но оказалось, что право на это название имеет другое кафе), ресторан «Барбазан» (назван так в честь купца, который владел домом на углу Владимирского



Королевская чета — Сильвия и Карл XVI Густав.

и Невского проспектов в начале XIX века), известный средиземноморской, русской и европейской кухней.

Каждый месяц в меню ресторана появляются блюда разных кухонь таких, например, стран, как Мексика, Таиланд, Венесуэла. На кухню «Барбазана» предпочитают брать людей, наделенных большой фантазией, стараясь при этом избегать шаблонного мышления и отношения к делу. Среди посетителей ресторана нередко можно встретить и жителей Петербурга.³

В отеле имеются три конференц-зала («Глинка», «Стасов», «Ушаков») и три комнаты для переговоров («Чехов», «Пушкин», «Суриков»). Все залы снабжены кондиционерами. Фитнес-комната для гостей оборудована тренажерами фирмы «Кэтлер». Во всех номерах и общественных местах установлены системы пожарной безопасности и пожаротушения, включая детекторы дыма. Служба портье и охрана отеля работают круглосуточно.

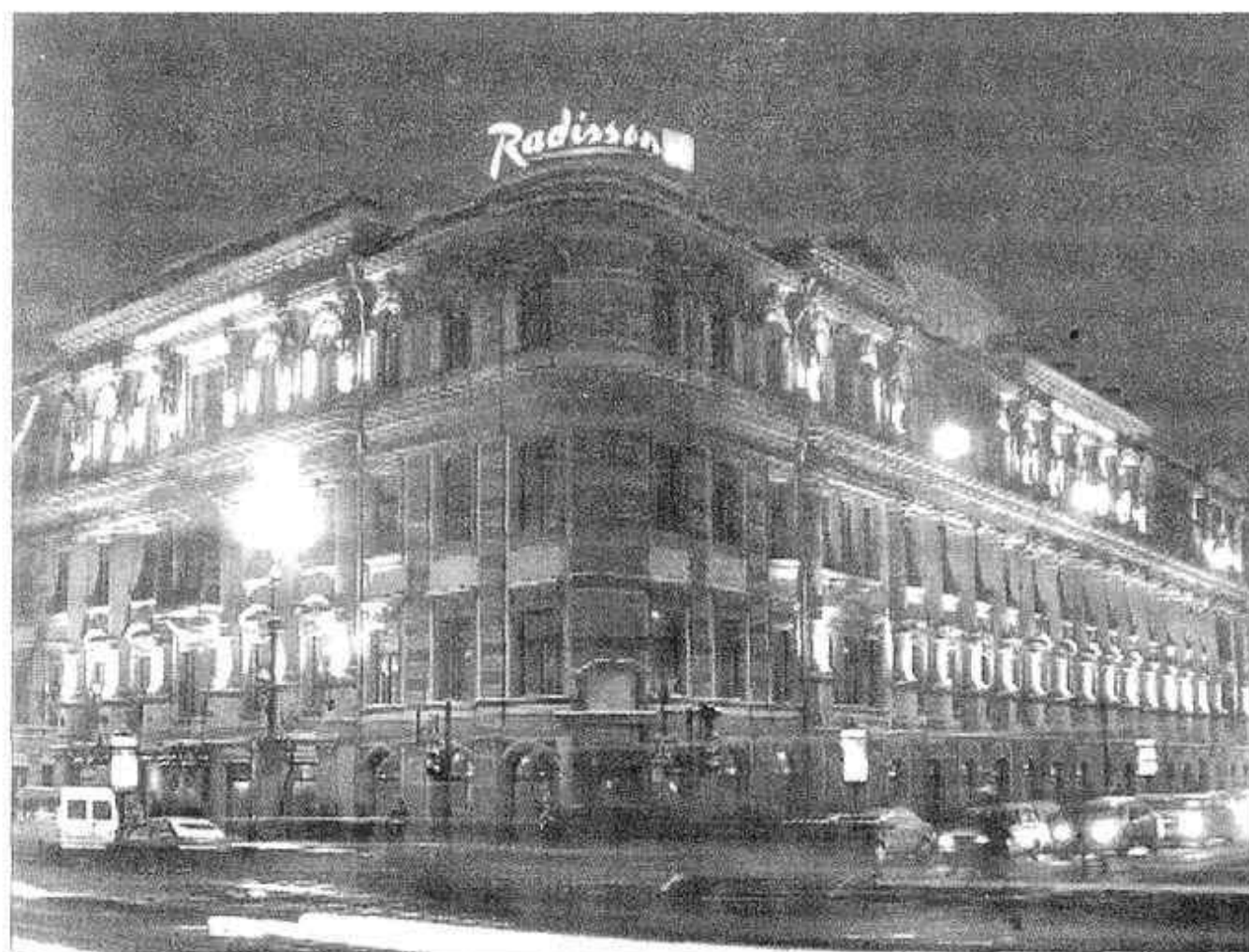
В «Radisson SAS» за два с небольшим года его существования останавливались король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия, французский актер Пьер Ришар, шахматист Г. К. Каспаров, кинорежиссер Н. С. Михалков, певица Алсу, первая леди Украины Л. Кучма, промышленник и политик А. Б. Чубайс, артисты М. Галкин, К. Райкин, М. Державин и А. Ширвиндт, популярные исполнители К. Орбакайте, И. Лагутенко, Н. Орейро, Э. Рамазотти и другие. В дни празднования 300-летия Петербурга в гостинице в полном составе расположился оркестр «Метрополитэн Опера».

Несмотря на почти полное отсутствие в интерьерах зда-

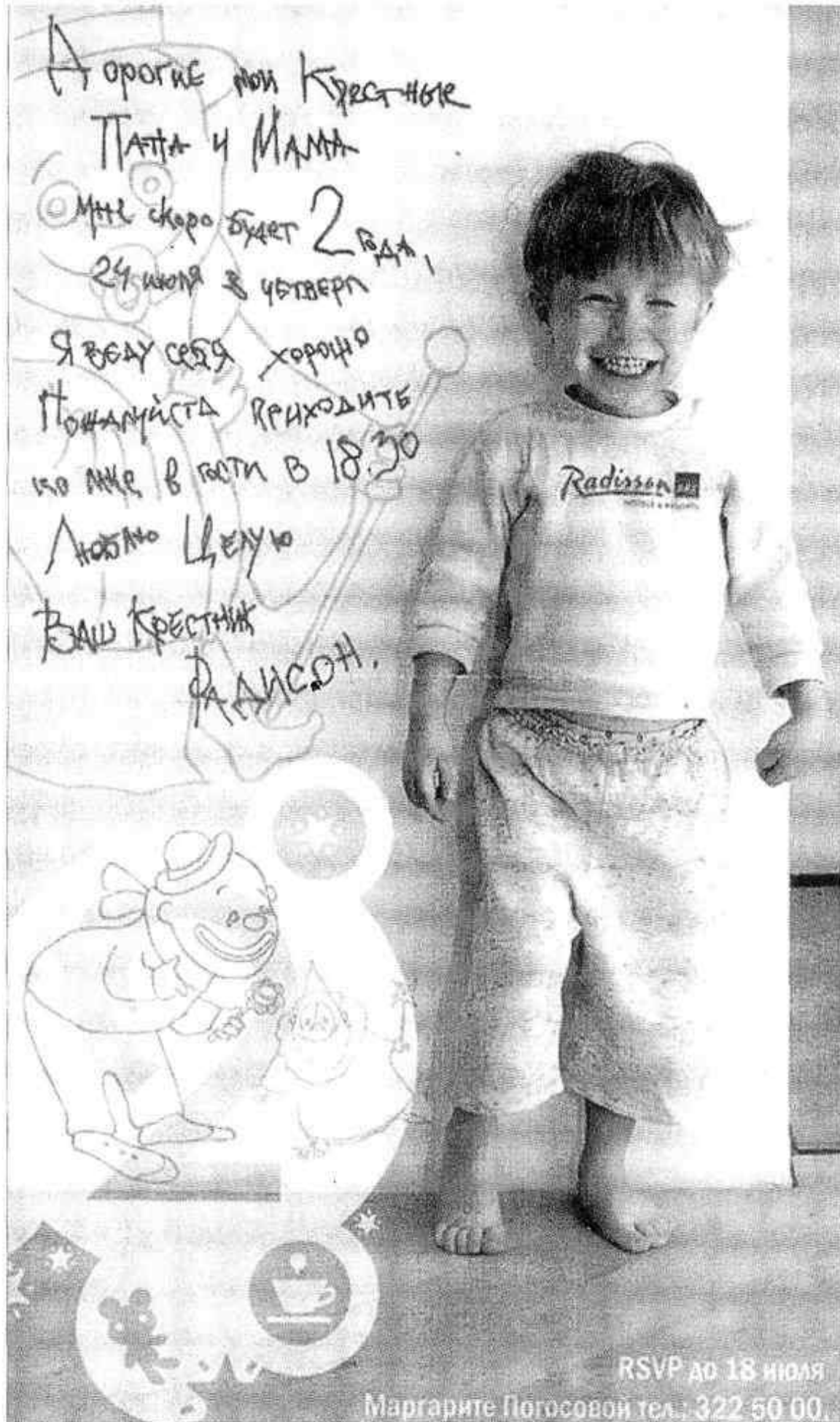
ния элементов исторического убранства, оно состоит под Государственной охраной как памятник архитектуры классицизма, получивший оригинальную отделку в стиле эклектики по проекту П. Ю. Сюзора. Нельзя забывать и о культурно-историческом значении этого дома, связанного с именами М. И. Глинки, Н. А. Некрасова, В. И. Сурикова, А. П. Чехова, Г. С. Улановой.

Петербургский «Radisson SAS» не претендует на звание центра деловой активности Петербурга: как и прежде, 100 и 150 лет назад, здесь тихо и уютно. В 2003 году отель официально получил пятизвездочный статус, а 23 июля отметил свой второй день рождения.

Празднования начались с Дня открытых дверей. Все желающие могли за символическую плату насладиться пятизвездочной кухней и напитками в неограниченном количестве, а также пройтись с экскурсией по номерам и служебным помещениям отеля и познакомиться с персоналом. Команда кулинаров под руководством главного кондитера отеля По-



Гостиница Radisson SAS.



Пригласительный билет на празднование двухлетия
гостиницы «Radisson SAS»

лины Нартовой соорудила во внутреннем дворике гостиницы бисквитный торт весом 200 килограммов в форме куба со стороной три метра. На изготовление торта ушло 1200 яиц, 76 килограммов сахара, 21 килограмм муки, 84 литра молока, 5 килограммов шоколада. На его поверхности повара разместили 4500 зажженных свечей.

Согласно правилам Книги рекордов Гиннеса, все свечи нужно поджечь одновременно, что и было сделано двадцатью двумя сотрудниками отеля в присутствии гостей. Над тортом-гигантом (им можно было накормить 1667 человек, если каждому давать по 150 граммов), кондитеры начали трудиться в четыре часа утра 23 июля, а свечи зажгли в три часа дня (12 часов непрерывной работы!). Предыдущий официально зарегистрированный в Книге Гиннеса рекорд составил 4127 свечей на один торт и был установлен в 2002 году на ярмарке выпечных изделий в городе Зейнсвилль (штат Огайо, США).⁴

А 24 июля в веселой, непринужденной обстановке, с участием не только приглашенных артистов, но и гостей, в гостинице отметили два года со дня рождения отеля. Гостям были розданы «Правила поведения», где, в частности, говорилось: «Разрешается: прыгать на батуте, играть, развлекаться, смеяться и отдыхать! Запрещается: обсуждать серьезные дела с постным выражением лица, смотреть на все свысока, сдерживать смех и хорошее настроение». Победителям всевозможных конкурсов были вручены призы. Как очевидец этого события могу сказать, что празднование не стало обычной «корпоративной» вечеринкой, где отбывают номера как артисты, так и гости, а вылилось в веселый незабываемый праздник.

6.

Вернемся еще раз к истории дома на противоположной стороне Владимирского проспекта.

В 1925 году в доме 47 по бывшему Невскому проспекту (с 1918 — проспект 25-го Октября), на углу бывшего Владимирского (с 1918 — проспект Нахимсона), по решению Петросовета был открыт кинотеатр. В том году возникло Всероссийское акционерное общество «Пролетарское кино», которому в Ленинграде были переданы два кинотеатра на Петроградской стороне и пустующее помещение бывшего ресторана Палкина. Началась новая история этого здания.

В декабре 1925 года ленинградцы узнали о том, что предстоит открытие нового «грандиозного кинотеатра «Титан» с кафе и симфоническим оркестром», и вскоре начались работы.

Вместо зимнего сада и трех ресторанных помещений был создан вытянутый объем кинозала. (Хотя в 1920-е годы продолжилось разрушение исторических интерьеров в бывших ресторанных залах. Так, в 1928 году были уничтожены декоративные элементы потолка и заделаны некоторые дверные проемы).

12 января 1926 года состоялось открытие первого государственного кинотеатра в Ленинграде под названием «Титан». В тот день состоялся первый показ немецкого фильма «Кабинет восковых фигур». Затем демонстрировался отечественный кинофильм «Медвежья свадьба» режиссеров

В. Р. Гардина и К. В. Эггерта по сценарию А. В. Луначарского (производство фабрики «Межрабпом-Русь»). Кинотеатр «Титан» в числе первых был оборудован звуковой аппаратурой.

Новый кинотеатр вскоре после открытия стал популярен в Ленинграде, и не случайно 5 ноября 1934 года в нем состоялась премьера знаменитого фильма «Чапаев», поставленного режиссерами братьями Васильевыми. В память об этом событии в фойе кинотеатра была установлена мемориальная доска. Традиционно в «Титане» показывали преимущественно исторические фильмы. На его экране ленинградцы видели такие киношедевры как «Броненосец Потемкин», «Иван Грозный», «Петр I», «Суворов» и другие всемирно известные киноленты. Многие городские музеи организовывали временные выставки в фойе кинотеатра. В «Титане» многие годы работали киноклубы: «Знатоки города», «История в кинолентах», «Любители исторического кино».

В годы блокады Ленинграда в городе работал только один кинотеатр — «Молодежный».¹ В «Титане» кинокартины показывали лишь изредка, когда не было бомбежек и артобстрелов. Мне также известно, что его директор, Прасковья Ивановна Рубен, в 1941 году проходила лечение в стационаре гостиницы «Астория», где был устроен госпиталь для работников культуры. История ее болезни хранится в Военно-медицинском музее Министерства обороны Российской Федерации.²

После войны «Титан» вновь стал одним из самых посещаемых кинотеатров Ленинграда; в 1980-х годах он был кинотеатром исторического фильма, хотя именно здесь у нас показали один из первых эротических фильмов — «Донна Флора и два ее мужа». Билеты на этот фильм брали с боем, выстаивая многочасовые очереди. И этому фильму суждено было стать в известном смысле историческим, ибо ничего подобного похождениям бразильской донны ленинградцы до того времени на экранах кинотеатров не видели.

Историческим был и вечер в кинотеатре «Титан» в 1984 году, когда для просмотра документального фильма «Михаил Сомов» здесь собрались участники всех антарктических экспедиций, а с теми, кто оставался в Антарктиде, была налажена связь прямо из кинотеатра. Такого в истории кино

еще не было.

Кинотеатр «Титан» известен был также тем, что здесь был самый длинный кинозал в городе, что создавало неудобства для зрителей, занимавших последние ряды. Как и во многих других кинотеатрах, здесь было фойе, где собирались зрители перед просмотром. Играл оркестр, а зрители сидели в окружении живых пальм, взятых кинотеатром напрокат в объединении «Цветы» и ели мороженое, с которым в зал не пускали.

В 1990-х годах, с началом перестройки, введением талонов на продукты питания и резким ухудшением условий жизни, изменилась и структура досуга. Посещаемость кинотеатров резко снизилась, в основном в них стали показывать третьесортные западные фильмы, к тому же быстро развивалась сеть видеосалонов с прокатом фильмов на любые вкусы. Был период, когда в кино перестали ходить совсем.

В 1992 году петербургская фирма SET решила открыть в одной из касс кинотеатра «Титан» заливных автоматов — еще одно новшество того времени, ленинградцам прежде незнакомое, а потом та же фирма взяла в аренду часть помещений фойе. В 1991—1992 годах в помещении кинотеатра находился первый офис ныне известной туристической фирмы «Нева», впоследствии (после переезда «Невы» в другое помещение) занятый фирмой SET. Эта фирма специализируется на производстве оборудования для казино (единственная в России) и регулярно выставляется на всемирной выставке казино в Лондоне.

В 1992 году начались работы по реконструкции бывшего фойе с целью создания в нем казино. Поначалу предполагали открыть два зала — один с игровыми столами и рулеткой, второй для игры в шмен-де-фер (бакара). Ресторана первое время в планах не было, и в зале казино решили поставить стойку бара (первое время в петербургских казино стояли аппараты по розливу пива и кока-колы, продавали орешки с чипсами — на заре игорного бизнеса в России клиентов потчевали скромно), но дело этим не ограничилось, и за разработку проекта казино с рестораном взялся архитектор Г. В. Михайлов. Работы выполнялись НПО «Реставратор».

После реконструкции в доме на углу Невского и Владимирского проспектов (исторические названия им были воз-

вращены в 1944 году) при казино появился ресторан, не имевший поначалу названия и рассчитанный преимущественно на посетителей казино. В нем размещалось 28 человек, имелся банкетный зал. Там были шторы на окнах, пурпурный штоф на стенах, сотканный по старинной технологии в одном из московских монастырей специально для этого зала, а с копий картин фламандских мастеров на посетителей смотрели купцы, играющие в карты. Стены были выкрашены мастичной краской, в зале повесили зеркала в золоченых рамах.

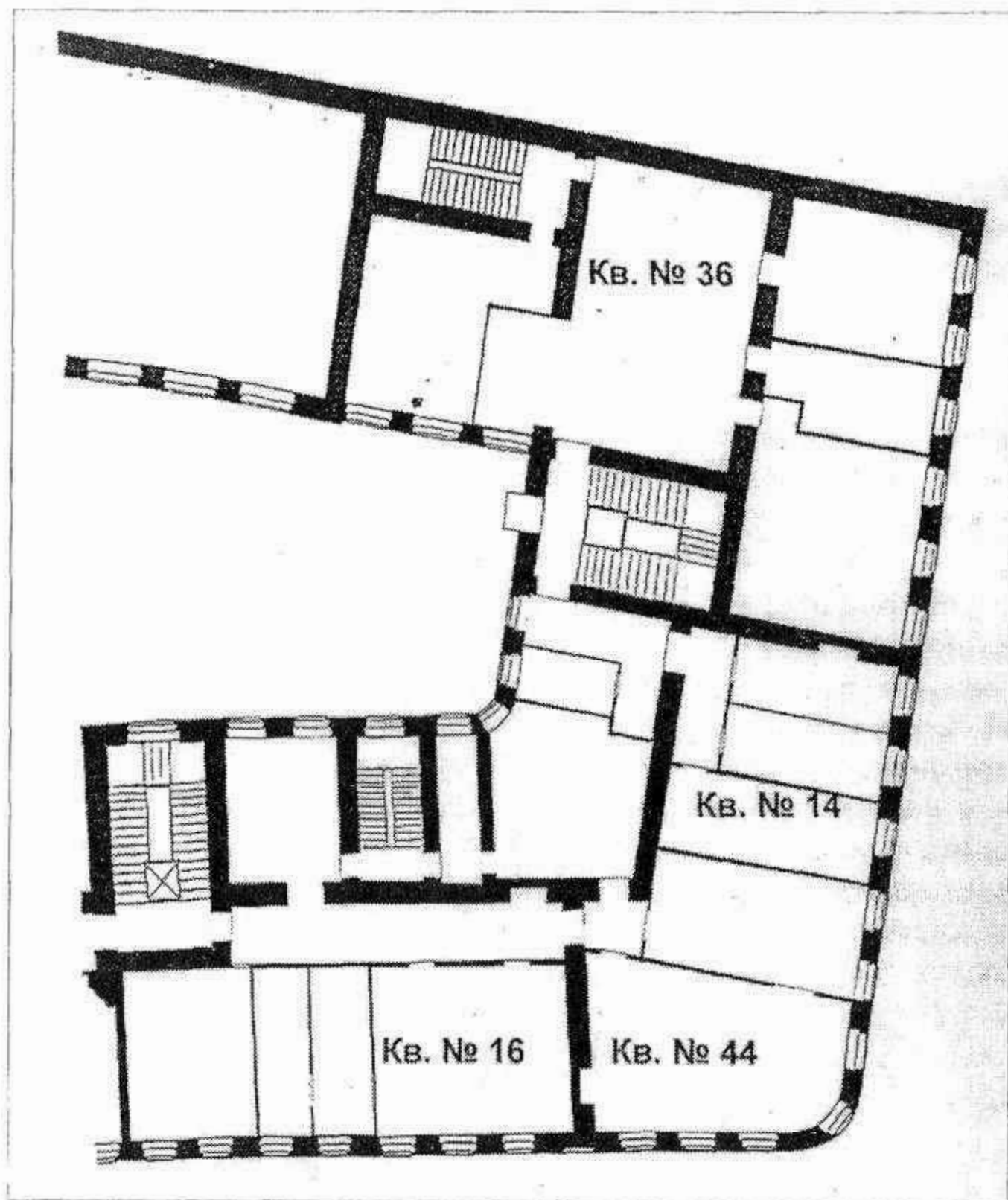
В марте 1995 года в помещениях бывшего ресторана «К. П. Палкинъ» (на втором этаже), в фойе бывшего кинотеатра «Титан» открылся один из первых в городе казино-клуб «Премьер» с тремя залами (в переводе с французского «премьер» — «premier» — означает «первый», «наилучший»).

Еще месяца два-три после этого одновременно работали и кинотеатр, и казино. Казино открылось как «закрытый клуб». Кухня ресторана работала на одной бытовой электроплитке, хотя посуда была заказана в ЧССР. Рекламы никакой не было (даже уличной вывески), поэтому были организованы два фуршета для гостей — 9 и 11 марта. Приемы прошли удачно, но после этого для рестораторов нового поколения наступили черные времена — бывали дни, когда ни в ресторане, ни в казино не было ни одного человека. Учиться приходилось всем — от повара и цветовода (сразу было решено отказаться от искусственных цветов в оформлении ресторана) до директора. Пришел как-то гость, спросил кока-колу, но в меню была только «брусничная вода». На следующий день появилась и кока-кола. Постепенно расширялось меню, пополняясь фирменными блюдами — к окрошке, зеленым щам, пельменям, вареникам добавились мясо «премьер» и осетрина в шампанском.

В ресторане появился белый рояль, заказанный специально на заводе Беккера, и каждый вечер на нем играли либо приглашенные исполнители (В. Б. Фейертаг, Ю. Соболев и др.), либо гости (Ю. Х. Темирканов, А. Б. Пугачева, Е. Кисин, Дейв Брубек). Затем к фортепьяно добавился саксофон, потом гитара. Постепенно ресторан вместе с казино «Премьер» вошел в когорту лучших развлекательно-гастрономических мест Петербурга, о чем свидетельствуют автографы на одной из стен главного зала ресторана (где нынче один из

игровых залов), оставленные его именитыми посетителями. Рестораторы, однако, решили не останавливаться на достигнутом.

15 января 2002 ресторан закрылся, и началась реконструкция, целью которой было, в частности, возродить ресторан русской кухни «Палкинъ».



Невский пр., 47. Схема расположения квартир 3 этажа.

Прежний ресторан находился на втором этаже здания, а новый решили разместить на третьем, там, где когда-то была квартира ресторатора (от прочих петербургских квартир она отличалась тем, что в ней не было кухни), а (предположительно) с 1920-х годов располагались четыре коммунальные квартиры. Помимо этих квартир под ресторан отвели кинопроекционную кинотеатра «Титан».

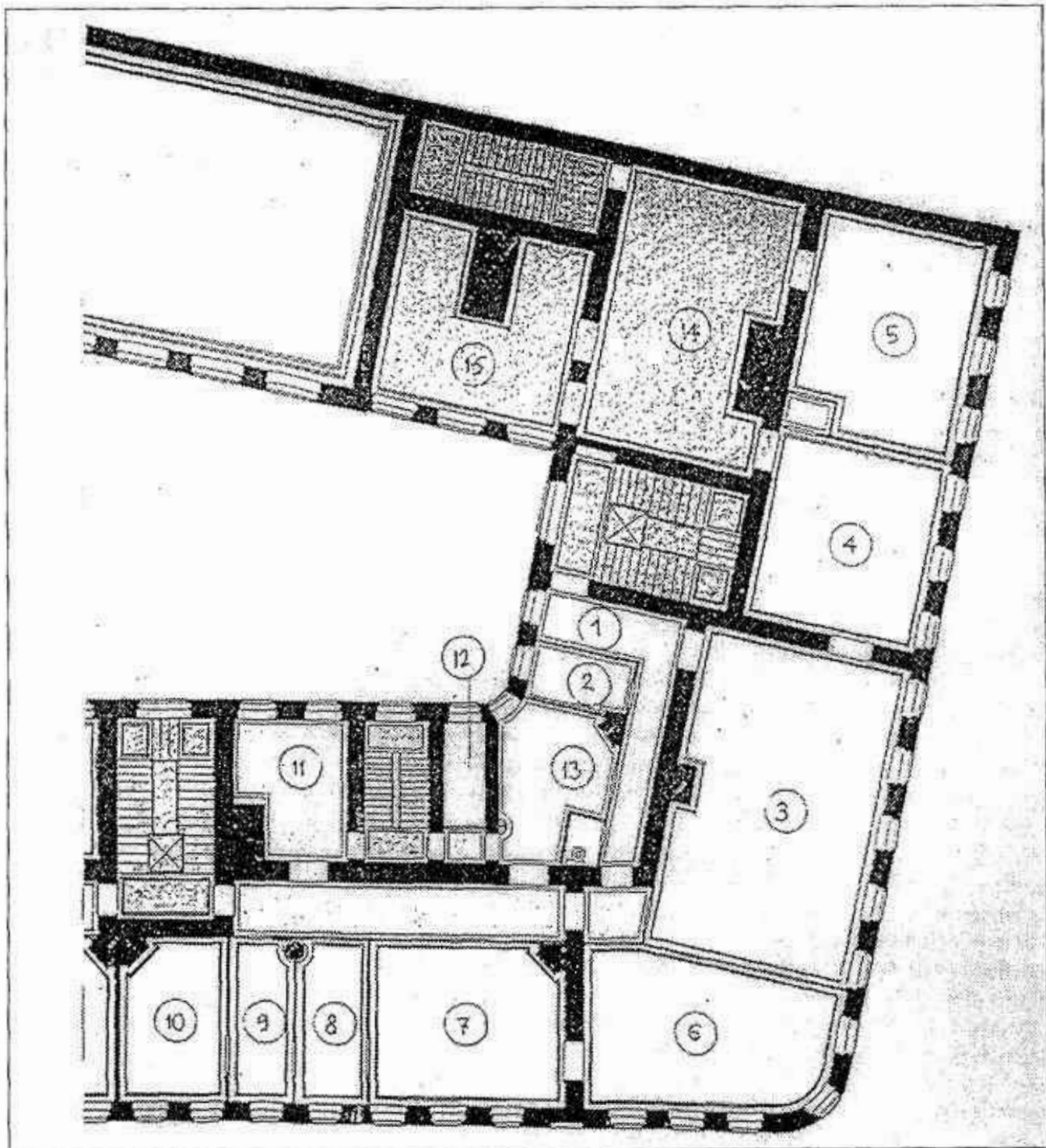
Были разобраны перегородки, усилены перекрытия, вскрыты полы, снята штукатурка со стен, после чего в дело вступила «Архитектурная студия Михайлова» (помимо самого Михайлова, ее представляют А. М. Родионов, Л. Б. Каплан и В. К. Галочкин). Реставраторы обнаружили следы подъемника, с помощью которого при К. П. Палкине подавались в ресторан из кухни блюда. Галочкин перевел на кальку рисунок паркета, а вот зафиксировать породный состав и цвет древесины не успели, поэтому в результате было применено большое количество черного дерева.

На потолках были когда-то плафоны; от них остались лишь следы, но их пришлось убрать. Помимо паркета восстановили лепные розетки, лепнину в трех комнатах. Однако прежде пришлось немало усилий употребить на выравнивание полов и потолков — все было перекошено.

Сначала наверху, на третьем этаже, открыли кухню, а 28 июня 2002 года на третьем этаже открылся ресторан под названием «Палкин» (в этот день здесь был устроен банкет для правления компании «Боинг»). Посуду для него заказали во Франции (фирма «Limoge»), на полу устлан ковер итальянского производства с вензелем «Палкинъ», мебель также изготовлена в Италии. Мебель так называемой «шахматной комнаты» и бара сделана в Петербурге. Проект ресторана был создан в мастерской А. Шмонькина, стены украсили картины художника А. Задорина.

Сегодня в ресторан «Палкинъ» можно прийти и минуя казино.

Сверкающий паркет, столы с букетами живых орхидей, свечи в изящных подсвечниках... Сев за один из столиков, Вы можете вообразить себя петербуржцем XIX века, который пришел к знаменитому К. П. Палкину, чтобы отдать дань кулинарному искусству его поваров. Нынешние повара не дадут Вам повода усомниться в том, что забываются тра-



*Реконструкция планировки
квартиры К. П. Палкина. 3 этаж.*

диции, заложенные нашими предшественниками. Разумеется, здесь постарались сохранить русскую кухню, хотя, как и прежде, в меню можно найти и многое из того, чем гордятся кулинары других стран. Меню в «Палкине», кстати, небольшое, но весьма гибкое — это тоже признак качества.

Поваров и официантов для работы в ресторане отбирают строго. Они должны быть готовы совершенствоваться в своей профессии и понимать, что работают в весьма пре-

стижном месте, дорожащем своей репутацией. Для работников «Палкина» проводятся семинары по этикету, барменов и официантов учат английскому языку, и неспроста — среди посетителей ресторана много работников консульств, аккредитованных в Петербурге, иностранных туристов. Для официантов проводятся дегустации, и рекомендуя то или иное блюдо или напиток, они не понаслышке знают, о чем идет речь.

Шеф-повара искали долго, и наконец нашли. Валентин Комисин стажировался в Германии, работал поваром в клубе «Олимпия», потом в течение пяти лет в Гранд Отеле «Европа». «Именно в этой гостинице я приобрел самый ценный опыт», — говорит он. Став в августе 2002 года работать в «Палкине», он прежде всего постарался возродить старые «палкинские» кулинарные традиции, с которыми прежде не был знаком. Немало времени провел Валентин в библиотеках, читая старинные поварские книги. В результате на кухне нынешнего «Палкина» (она располагается в спальне бывшей квартиры Палкина и, разумеется, оснащена новейшим кухонным оборудованием) блюда готовятся так, как это делали в старину. Если, к примеру, раньше при приготовлении какого-то блюда употреблялось «чухонское» масло, то и сегодня стараются соблюдать этот рецепт, правда, заменив «чухонское» на финское. Как и прежде, обильно используются артишоки, спаржа, различные соусы, без которых русская кухня не существует. Полуфабрикаты, равно как и «заморозка» не используются вообще. Два раза в неделю из Франции доставляется свежая рыба. В месяц в ресторане «уходит» до тысячи устриц. Если в меню есть, скажем, буженина, то готовится она на кухне ресторана, а не покупается в магазине (так же как майонез и многое другое). Цыплят и перепелов оципывают повара на кухне. Летом ресторан покупает у лицензионных, проверенных заготовителей клюкву, грибы, и на кухне делаются заготовки.

Первое время после открытия ресторана «Палкинъ» здесь хотели восстановить и меню настоящего «Палкина», но его долго найти не удавалось. Тогда стали готовить блюда по старинным русским рецептам — работники кухни утверждают, что многие «сюжеты» им как бы подсказывал сам Палкин, незримо здесь присутствующий и строго следящий за

УЖИНЪ

на 20 Ноября 1907 года.

Отъ 11 час. до 3 час. ночи.

И. Редереръ Экстра-Дри. Вут. 9 р. 50 к.

- | | |
|---|--------------|
| 1. Уха ершова съ растогоами | 7 — р. 75 к. |
| 2. Борщокъ съ дьяблами | — > 60 > |
| 3. Консоме съ пирошками | — > 40 > |
| 4. Омаръ свѣжій, соусъ провансаль | 3 > — > |
| 5. Стерлядь по русски | 3 > — > |
| 6. Форель гатчинская о-бле | 2 > 50 > |
| 7. Тюрбо отварное, соусъ голландскій | 2 > 50 > |
| 8. Филе соля фритъ | 2 > 50 > |
| 9. Брошетъ изъ корюшки метръ д'отель | 1 > 25 > |
| 10. Майоназъ изъ лососны | 1 > 25 > |
| 11. Мясо холодное съ дичью | 1 > 25 > |
| 12. Поросенокъ холодный натураль | 1 > 25 > |
| 13. Филе соте съ шампиньонами | 1 > 50 > |
| 14. Котлета изъ куръ а-ля Палкинъ | 2 > — > |
| 15. Ризото куринныя печенки | 2 > — > |
| 16. Пулярда ростовская или цызаенокъ
жареный, зеленый салатъ | 1 > 50 > |
| 17. Рыбчикъ тушоный въ сметанѣ, варенье
брусничное | 1 > 50 > |
| 18. Бобы свѣжіе англесъ | 2 > — > |
| 19. Каша гурьевская съ грецкими орѣхами | 2 > — > |
| 20. Шарлотъ гяесе изъ фисташковаго мо-
роженаго | — > 75 > |

Во время обѣдовъ и ужиновъ играетъ
Румынскій оркестръ Г-на Кевени.

ЕЖЕДНЕВНО

Итальянскіе концерты подъ управленіемъ Манлио
Бараньоли, начало въ 11^{1/4} часовъ вечера.


ФРАНЦУЗСКОЕ ШАМПАНСКОЕ
ДУАЭНЪ И К° РЕЙМСЪ
 СЛАДКОЕ. СУХОЕ. ПОСУШЕ.

тем, чтобы сохранялась палкинская атмосфера, столь ценная гурманами не одного поколения. И вот однажды в ресторан пришел человек и принес старинное меню ресторана «Палкина», датированное 20 ноября 1907 года. Каково же было изумление работников ресторана, когда они увидели, что их меню процентов на сорок совпадает со старым! «Это было просто удивительно! — говорит Комисин. — Я не видел старого меню, когда начал работать над нынешним. Однако большинство блюд в обоих меню было одинаковым. В этом было что-то мистическое. Наверное, нам помог сам старинный Палкин!».³ Заклучая рассказ о Комисине, нужно сказать, что он является победителем второго чемпионата России по ресторанному обслуживанию и членом Петербургского клуба шеф-поваров.

Как и прежде, в ресторане звучит живая музыка, исполняемая на рояле или саксофоне. Здесь надеются, что она настроит посетителя на романтический лад и заставит вспоминать о пребывании в ресторане, когда он покинет этот гостеприимный дом — а покинет он его, конечно же, только за тем, чтобы вернуться сюда вновь.

Большой овальный стол банкетного зала готов принять 14 гостей; прозрачный фарфор, сверкающие алмазные грани хрустальных бокалов, в углу — восстановленный мраморный камин. За стеклами шкафов — множество колод карт и полный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, который украсит любой интерьер. Здесь собираются политики, крупные бизнесмены, поэтому интерьер несет налет буржуазности.

Так называемый «угловой» зал расположен в бывшем кабинете К. П. Палкина. Здесь сохранился сейф хозяина. Если выйти на балкон, украшенный старинной решеткой, то можно увидеть весь Литейный, а также Невский (до площади Восстания) и Владимирский проспекты.

В главном зале (вместе с «угловым») могут разместиться одновременно 54 человека. Как и прежде, здесь бывают знаменитые гости. Так, 4 мая 2003 года в «Палкине» ужинал французский актер Жерар Депардьё. По утверждению одной питерской газеты, он отведал черной икры, рыбу под названием «розовая дорада», крабовый салат, перепелов на вертеле. Запивалось все это белым сухим вином⁴. Желающие

могут взять это меню себе на заметку — весьма необильно и полезно.

В 2003 году при ресторане открылся концертный зал, готовый принять до четырехсот человек. 21 ноября 2004 года в «Новом концертном зале» ресторана «Палкинъ» собравшиеся вспоминали о том, как в 1984 году ленинградский футбольный клуб «Зенит» впервые стал чемпионом СССР. Среди гостей преобладали непосредственные участники события двадцатилетней давности.

В нынешнем ресторане «Палкинъ» с его русско-французской кухней посетителю едва ли, как это было полтора века назад, предложат говяжьих глаза в соусе, гуся в обуви или крем девичий, зато здесь всегда можно отведать японского копченого угря в рожке из рисового теста с кунжутом, филе тунца, свежие устрицы и многое другое. Официанты не только предлагают меню, но и демонстрируют гостям на огромном блюде еще не приготовленную рыбу с подробным рассказом о том, чем она хороша. Здесь же пекут вкусный хлеб, который официанты любовно называют «хлебушек». Отведав его, приходишь к выводу, что именно так его и следует называть.

Карту вин можно читать долго, предвкушая приятное знакомство с напитками из самых разных стран мира. Скажу по собственному опыту, что читать эту увлекательную книгу лучше с аперитивом Kir Royal. Да и заключить вечер стоит «палкинской каруселью» — изысканным набором сладостей.

В 2003 году были возобновлены так называемые «воскресные обеды», которые пользуются большой популярностью у гурманов. Специально для этих дней печатается красочное меню, которое посетители могут взять себе на память.

Не могу не сказать про туалет — это в высшей степени роскошное помещение, в котором весьма кстати звучит классическая музыка, вносящая в душу посетителя полную гармонию. Побывать в ресторане «Палкинъ» и не посетить этот туалет — большая ошибка.

А еще при ресторане есть галерея искусств, которой тоже нужно непременно уделить внимание. В 2003 году здесь устраивались фотовыставки А. Китаева и Д. Конрадта, художника А. Медведева, в сентябре того года была организована выставка декоративного стекла Ю. Манелиса, одного из

лучших художников еще советского времени, работающих со стеклом.

В «Новом концертном зале» ресторана проводятся «Звездные вечера». В рамках этой программы уже выступили Б. Гребенщиков, И. Кобзон, Л. Вайкуле. 9 июня 2005 года на десятый юбилейный вечер был приглашен А. Макаревич с «Машиной времени».

И в заключение приведу несколько записей из гостевой книги, автографы в которой оставили Н. С. Михалков, Дм. Дм. Романов, Р. Паулс, А. Б. Пугачева, Л. Вайкуле, Мишель Легран и многие другие. А вот как выразили свои ощущения от посещения возобновленного «Палкина» некоторые знаменитости:

«Вкусно, сердечно, богато и стильно». Константин Райкин.

«Спасибо за пищу богов, за внимание и улыбки». Лия Ахеджакова.

«Палкин — это настоящее питерское роскошество». Леонид Парфенов.

Первый этаж дома, о котором мы только что рассказали, в настоящее время занимают магазин модной одежды «Hugo Boss», кафе и «Макдональдс». История этих заведений в доме 47 по Невскому проспекту еще только начинается. Будет ли она долгой и интересной — покажет время.

Примечания

1.

- ¹ *Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб. 2003. С. 135. Далее — Лейкин Н. А.*
- ² *Васильев В. Стремянная улица // Блокнот агитатора. 1978. № 12. С. 41.*
- ³ *Самусенко С. В. Историческая справка о здании гостиницы «Москва» по Невскому проспекту, 49/2. Т. 2. С. 4. Рукопись. Хранится в гостинице «Radisson SAS». Далее — Самусенко С. В.*
- ⁴ *Центральный Государственный исторический архив СПб (ЦГИА). Ф. 757. Оп. 1. Д. 991. Лл. 108, 108об. Далее — ЦГИА. Самусенко С. В. Т. 1. С. 3. Т. 2. С. 4.*
- ⁵ *Столпянский П. Н. Петербург. СПб. 1995. С. 319. Далее — Столпянский П. Н.*
- ⁶ *Саитов В. Н. Петербургский некрополь. СПб. 1912. Т. 1. С. 141. Далее — Саитов В. Н. Всеобщая адресная книга. СПб. 1867—68. С. 36. Далее — Адресная книга.*
- ⁷ *ЦГИА. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 40. Лл. 72, 72 об. Ф. 513. Оп. 168. Д. 329. Л. 45об. Самусенко С. В. Т. 1. С. 4.*
- ⁸ *Самусенко С. В. Т. 2. С*5.*
- ⁹ *Векслер А. Ф., Исаченко В. Г. Петербург вокруг «Шератон Невский Палас» // Топонимический журнал. 2001. № 3—4. С. 24. Далее — Топонимический журнал.*
- ¹⁰ *Самусенко С. В. Т. 1. С. 4, 5.*
- ¹¹ *Глинка М. И. Записки. М. 1988. С. 32. Далее — Глинка М. И.*
- ¹² *Орлова А. А. Глинка в Петербурге. Л. 1970. С. 53. Далее — Орлова А. А.*
- ¹³ *Архив Комитета государственного контроля, использования и охраны памятников истории и культуры (КГИОП). Ф. 886. Инв. № 3992. Некоторые сведения о перестройках дома 49 по Невскому проспекту почерпнуты мною из этого архива. В дальнейшем, чтобы не перегружать текст, я ссылки на этот источник делать не буду. Самусенко С. В. Т. 1. С. 5, 8. Тыжненко Т. Е. Василий Стасов. Л. 1990. С. 134.*
- ¹⁴ *Северная пчела. 1843. 1 ноября.*
- ¹⁵ *Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л. 1985. С. 30. Далее — Ломан О. В.*
- ¹⁶ *Прогулки... С. 170.*
- ¹⁷ *Ломан О. В. С. 39.*
- ¹⁸ *Столпянский П. Н. С. 319.*
- ¹⁹ *Цылов Н. Атлас тринадцати частей С. Петербурга. СПб. 2003. С. 106. Далее — Цылов Н.*
- ²⁰ *Пушкин А. С. Сочинения. М. 1985. Т. 1. С. 525.*

- ²¹ Кобак А. В. Уничтоженные кладбища // Исторические кладбища Петербурга. СПб. 1993. С. 558.
- ²² Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. М. 1955. С. 49. Далее — Шестакова Л. И.
- ²³ Глинка М. И. С. 104.
- ²⁴ Глинка М. И. С. 140.
- ²⁵ Орлова А. А. С. 212.
- ²⁶ Там же. С. 217.
- ²⁷ Шестакова Л. И. С. 42.
- ²⁸ Леонова Д. М. Из воспоминаний // Глинка в воспоминаниях современников. М. 1955. С. 273.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: Богданов И. А. Вокзалы Петербурга. СПб. 2004.

2.

- ¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1808. 21 января. С. 66.
- ² Столпянский П. Н. Зеленый змей в старом Петербурге // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 741, арх. П. Н. Столпянского, № 221. Столпянский П. Н. Старый Петербург. Адмиралтейский остров. Сад трудящихся. Пг. 1925. С. 140.
- ³ Северная пчела. 1846. 20 июля.
- ⁴ Северная пчела. 1847. 12 марта.
- ⁵ Саитов В. Н. Т. 3. С. 350.
- ⁶ Ковалевский В. Душа деянием жива. СПб. 1999. С. 113. Далее — Ковалевский В.
- ⁷ Книга адресов всего Санкт-Петербургского купечества. СПб. 1858. Справочная книга для купцов. СПб. 1864. С. 275. Carlton. «Кюба» // Столица и усадьба. 1914. № 31. С. 31.
- ⁸ Всеобщая адресная книга С.Петербурга. СПб. 1867—1868. С. 58.
- ⁹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины 19-начала 20 века. СПб. 1996. С. 316. Далее — Архитекторы-строители...
- ¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3510. Л. 2. Справочная книга для купцов. СПб. 1864. С. 275.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3510. Л. 10.
- ¹² Кони А. Ф. Избранное. М. 1989. С. 248.
- ¹³ Щербина Н. Ф. Избранные произведения. Л. 1970. С. 307.
- ¹⁴ Юнге Е. Ф. Воспоминания. М. 1906. С. 64—65.
- ¹⁵ Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб. 1996. С. 189.
- ¹⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Вяленая вобла // Собрание сочинений

ний. М. 1988. Т. 8. С. 380—381.

¹⁷ Ленинградская панорама. 1991. № 9. С. 26.

¹⁸ Григорьев А. Воспоминания. М. 1980. С. 103, 104.

¹⁹ Столпянский П. Н. Зеленый змей в старом Петербурге // Наша старина. 1915. № 12. С. 1159.

²⁰ Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов. СПб. 1843. С. 45—46.

²¹ Смена. 2000. 3 ноября. Столпянский. С. 1161.

²² Сан-Галли Ф. К. Curriculum vitae Ф. К. Сан-Галли. СПб. 1903. С. 14.

²³ Гоголь Н. В. Мертвые души // Сочинения. СПб. 1898. Т. 4. С. 227.

²⁴ Червяков А. П. Путеводитель по С. Петербургу. СПб. 1865. С. 220.

²⁵ Сколько лет, сколько зим! или Петербургские времена. СПб. 1849. С. 41.

²⁶ Новый путеводитель по Петербургу и его окрестностям. СПб. 1875. С. 23.

²⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3510.

²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 7 июля.

3.

¹ Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия. СПб. 1998. С. 55.

² Саитов В. Н. Т. 3. С. 411. Адресная книга. С. 372.

³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. 1958. С. 123.

⁴ Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. Л. 1977. С. 23.

⁵ Новый путеводитель по Петербургу и его окрестностям. СПб. 1875. Якрин М. Санкт-Петербургский справочный указатель. СПб. 1876. С. 4.

⁶ А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М. 1986. С. 640. Далее — А. П. Чехов...

⁷ Об этом ресторане Палкина см.: Алексеев Игорь (И. А. Богданов). Рестораны Палкина // Новый журнал. 2002, №4. С. 78—100.

⁸ А. П. Чехов... С. 47, 48.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Животов Н. На извозчичьих козлах // Язвы Петербурга. 1990. С. 102—103.

¹¹ Ушаков В. К. Ушаковы. М. 1998. С. 24, 28, 29.

¹² Там же. С. 30—33. Выражаю благодарность Л. Л. Ветошникову за материалы об А. М. Ушакове. См. также: Богданов И. Ушаковские кущи // Деловой Петербург. Стильный. 2004. № 10.

Пирютко Ю. М. Ушаковский дом // Пирютко Ю. М. По Малой Садовой: путь через три столетия. СПб. 2003.

¹³ Ковалевский В. С. 110.

¹⁴ Впервые испытываю затруднение, ссылаясь на источник. Даже не знаю, можно ли назвать книгой то, из чего я извлек приведенные сведения: в этом шитом белыми нитками (буквально!) компилятивном «труде» вообще нет никаких выходных данных — ни где издан, ни каким издательством или тиражом. Называется он «"Москва"-«Сайгон»-«Radisson SAS Royal Hotel» (из истории одного дома)». Эта контрабандная продукция пронизана полным пренебрежением к нормам русского языка, к правилам книгоиздания, к читателю, наконец, напичкана аляповатыми иллюстрациями, и уверенно можно сказать — худшей рекламы упомянутой гостинице и не придумаешь. Больше об этом неряшливом неквалифицированном образце полиграфической продукции и сообщить нечего (нужно ли говорить об удручающих своей агрессивной безграмотностью «воспоминаниях» Г. Е. Чернова, который, пересыпая текст словечками «дураки», «борзописцы» и пр., «был принят на работу в это здание», а до этого «покрутился достаточно в так называемом бизнесе», о подписях под иллюстрациями, например, — «Прямо ресторан Барбазан», или о том, что П.Ю. Сюзор будто бы построил доходный дом на площади... Ленина!!!), я сошлюсь лишь один раз на «Москву»-«Сайгон». С. 89—90. (Замечу в скобках, что сие творение вышло в свет уже после того, как мною была опубликована история этого дома шеститысячным тиражом; с публикацией была ознакомлена администрация гостиницы, без малейшего интереса со стороны последней; «Москва»-«Сайгон», таким образом, — продукция вторичная, а после знакомства с ней выясняется, что еще и второсортная, а попросту говоря — недоброкачественная и бездарная.)

¹⁵ Самусенко С. В. Т. 1. С. 10.

¹⁶ Самусенко С. В. Т. 1. С. 13—16.

¹⁷ Сомина Р. А. Невский проспект. Л. 1959. С. 118. Барабанова А. И., Ямщикова Е. А. Народовольцы в Петербурге. Л. 1984. С. 50.

¹⁸ Самусенко С. В. Т. 2. С. 12.

¹⁹ Самусенко С. В. Т. 2. С. 13.

²⁰ Раевский Ф. Петербург с окрестностями. СПб. 1902. С. 52.

²¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX-начала XX века. СПб. 1996. С. 293.

²² Самусенко С. В. Т. 1. С. 11.

²³ Ковалевский В. С. 110.

²⁴ Ресторанное дело. 1912. № 8. С. 13.

²⁵ Ресторанное дело. 1911. № 1. С. 5.

- ²⁶ Ресторанное дело. 1911. № 11. С. 10, 11.
- ²⁷ Ресторанное дело. 1914. № 1. С. 19. 1915. № 2. С. 13.
- ²⁸ Ресторанное дело. 1915. № 6. С. 5.
- ²⁹ Известия Петроградского Союза владельцев ресторанов и гостиниц. 1918. № 4. С. 2. № 12. С. 1, 2. № 13. С. 5.
- ³⁰ Топонимический журнал. С. 26.
- ³¹ Ленинградская правда. 1954. 17 августа.
- ³² Вечерний Ленинград. 1955. 2 августа.
- ³³ Ленинградская правда. 1964. 4 сентября.
- ³⁴ Самусенко С. В. С. 23.
- ³⁵ Труд. 1965. 8 сентября.
- ³⁶ Вечерний Ленинград. 1974. 18 ноября.
- ³⁷ Горбовский Г. Остывшие следы. Л. 1991. С. 76.
- ³⁸ Синдаловский Н. А. Петербург. Путеводитель. СПб. 2000. С. 112. Далее — Синдаловский Н. А.
- ³⁹ Синдаловский Н. А. С. 112. См. также: Прийма И. «Сайгон»: отцы и дети // Ленинградская панорама. 1989. № 2. С. 8, 27–29.
- ⁴⁰ Топоров В. Л. Двойное дно. М. 1999. С. 110 и далее.
- ⁴¹ Там же. С. 118.

4.

- ¹ ЦГИА СПб (Центральный Государственный исторический архив). Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Л. 1.
- ² Лейкин Н. А. С. 240–241.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2709. Лл. 1, 4, 5, 23, 25, 26.
- ⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 28. Кн. 1. 1985. С. 362.
- ⁵ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2709. Л. 28.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2709. Л.
- ⁷ Архитекторы-строители.... С. 155.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Л. 18-19.
- ⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Л. 34.
- ¹⁰ Квартальный надзиратель. Приложение к журналу СПб.собака.ru. 2002. № 11. С. 190.
- ¹¹ Неизвестные рассказы из архива Н.С. Лескова // Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-х-1890-х годов. М. 1977. С. 117.
- ¹² Якрин М. Санкт-петербургский справочный указатель. СПб. 1876. С. 7.
- ¹³ Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч. СПб. 1986. Т. 29, кн. 1. С. 497. Т. 29. Кн. 2. С. 236. Сафуханян Е. Достоевский в Петербурге. Л. 1972. С. 209.
- ¹⁴ Богданов И. Ресторан Палкина // Нева. 1987. № 7. С. 199. Да-

лее — Богданов И.

¹⁵ Лейкин Н. А. С. 235.

¹⁶ Крестовский В. В. Петербургские трущобы. СПб. 1993. Кн. 2. С. 628.

¹⁷ Чехов А. П. Собр. Соч. М. 1961. Т. 3. С. 330. Т. 11. С. 200.

¹⁸ А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М. 1986. С. 49, 341, 649. Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. М. 1984. С. 135.

¹⁹ Барабанова А. И., Ямщикова Е. А. Народовольцы в Петербурге. Л. 1984. С. 184.

²⁰ Богданов И. С. 200.

²¹ Неделя строителя. 1886. № 50. С. 4.

²² Животов Н. На извозчичьих козлах // Язвы Петербурга. Л. 1990. С. 100.

²³ Петербургская газета. 1885. 25 декабря.

²⁴ Ковалевский В. С. 115. Петербургская газета. 1885. 28 декабря. Богданов И. Стерляди в бассейне // Санкт-Петербургские ведомости. 2003. 25 января.

²⁵ Архитекторы-строители... С. 336—337.

²⁶ Сайтов. С. 350.

²⁷ Зарубин И. Альманах-путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб. 1892. С. 102.

²⁸ Петербургский листок. 1893. 2 января.

²⁹ Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург. М. 1989. С. 51.

³⁰ Горький М. Письма. М. 1997. Т. 1. С. 365.

³¹ Лурье Л. Я., Тарантаев В. Г. Крестьянские землячества в Петербурге // Невский архив. 1997. Вып. III. С. 420. Иванов В. А., Евланова А. О. Гостиница «Октябрьская» в истории Санкт-Петербурга. СПб. 2001. С. 29, 31. Далее — Иванов В. А.

³² Архитекторы-строители... С. 313.

³³ Иванов В. А. С. 31.

³⁴ Жукова Л. По заветам Марфы и Марии // Родина. 1996. № 3. С. 21—23.

³⁵ Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. М. 1990. С. 70—73, 254, 315. Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург-Ленинград. Л. 1986. С. 424. Лурье Ф. Купец-романтик // Нева. 1998. № 1. С. 230—236.

³⁶ Либрович С. Ф. На книжном посту. Таллин. 1993. С. 20.

³⁷ Фонякова Н. Н. Куприн в Петербурге-Ленинграде. Л. 1986. С. 30.

³⁸ Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М. 1966. С. 83—84.

³⁹ Там же. С. 178, 250.

⁴⁰ Дневники П. И. Чайковского. М.-Пг. 1923. С. 222.

- ⁴¹ Сомина Р. А. Невский проспект. Л. 1959. С. 236. Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге-Петрограде. Л. 1977. С. 115.
- ⁴² А. Белый. А. Блок. Переписка. М. 2001. С. 257, 293. Андрей Белый. Между двух революций. М. 1990. С. 54.
- ⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Л. 85.
- ⁴⁴ Архитекторы-строители... С. 168.
- ⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Лл. 145—150.
- ⁴⁶ Обозрение театров. 1906. 31 декабря. Центральный Государственный архив литературы и искусства СПб (ЦГАЛИ СПб). Ф. 118. Оп. 1. Д. 2482. Л. 100.
- ⁴⁷ Обозрение театров. 1907. 4 сентября. С. 10.
- ⁴⁸ Обозрение театров. 1909. 16 ноября. С. 4.
- ⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4682. Л. 163.
- ⁵⁰ Обозрение театров. 1912. 1 мая. С.
- ⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2072. Лл. 9, 27, 28.
- ⁵² Ресторанное дело. 1917. № 3.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Е. Л. Шварц. Живу беспокойно. Л. 1990. С. 358, 359.
- ⁵⁵ Вестник театра и искусства. 1922. № 20, 24, 27. Алексеев Игорь (И. А. Богданов). Рестораны Палкина // Новый журнал. 2002. № 4.

5.

- ¹ Коммерсантъ. 2001. 24 июля. The St Petersburg Times. August. 28. 2001.
- ² Pulse. 2002. Май.
- ³ Гостеприимство. 2004. № 5. С. 68-71.
- ⁴ С.-Петербургский курьер. 2003. 28 июля. Смена. 2003. 28 июля. См. также: Богданов И. На углу Невского и Владимирского // Новый журнал. 2003. № 4. С. 164—192.

6.

- ¹ Богданов И. А. Дом с четырьмя колоннами. СПб. 2002. С. 49.
- ² Богданов И. А. Старейшие гостиницы Петербурга. СПб. 2001. С. 253.
- ³ The St Petersburg Times. November 12. 2004.
- ⁴ Смена. 2003. 15 мая.

«Вчера на 92 году жизни скончался выдающийся столичный благотворитель, д[ействительный] с[татский] с[оветник] А. М. Ушаков.

Покойный был истинным благотворителем обширного района за Нарвской заставой. Здесь А. М. Ушаковым была построена и обеспечена земская школа, носящая его имя и насчитывающая ныне до 700 учащихся. Около 30 лет назад была построена покойным здесь же Ушаковская больница, которая постепенно расширялась на средства ее основателя. Наконец, покойным за Нарвской заставой был создан храм, а для местного певческого общества был построен дом.

Имея на Лиговской улице один из больших домов, А. М. Ушаков большую часть квартир предоставлял рабочему классу почти безвозмездно. Сочувствуя трезвенному движению, покойный отвел Александро-Невскому братству трезвости в своем лиговском доме обширное помещение, где и был учрежден лиговский отдел общества, с молитвенным домом.

А. М. Ушаков состоял много лет гласным Петроградской городской думы (на самом деле три года. — И. Б.) и гласным Петроградского уездного земского собрания (а в этом качестве действительно много лет или, лучше, много трехлетий подряд. — И. Б.) . По профессии покойный был садоводом и руководил более 50 лет старейшим столичным садоводством, доставшимся ему в наследство от отца.»

Вечернее время. 1917 год. 9 января.

В Палкином трактире

Две купеческие парочки только сдали свои парадные шубы на хранение швейцарам Палкина трактира и входят в первую буфетную комнату. Купеческие парочки — из молодых, нарядно одетые. Мужчины с маленькими подстриженными бородками. Один блондин, другой брюнет. У брюнета даже усы закручены в струнку. Оба держат в руках дорогие шапки: один — бобровую, другой — соболью. Жены идут рядом с мужьями. Жена блондина — курносенькая полная дамочка. Жена брюнета — востроносенькая субтильная дамочка. На обеих шляпки с приколотыми на них чучелами птиц.

— Салопы-то наши чернобурые не пропадут? Ведь за мой салоп папашенька с мамашенькой девятьсот тридцать рублей меховщикам Курышеву и Барышникову заплатили... — беспокоится востроносенькая дамочка.

— Ну, вот... Здесь без опаски. А коли ежели что — Палкин заплатит, — успокаивает ее муж. — Насчет шуб жена у меня беспокоится, — обращается он к товарищу.

— Ах, да!.. В самом деле... — спохватывается и курносенькая дама. — Ведь и у меня моя ротонда больше тысячи стоит.

— Будь, Глашенька, без сомнения... Господин Палкин всем домом своим отвечает, — говорит и курносенькой даме ее муж. — А домина у него, слава те господи!.. на две улицы.

К купеческим парочкам подсказывает лакей.

— Ежели желаете, можно в отдельный кабинет... У нас есть кабины свободные, — предлагает он.

— Вот те на! Люди из-за органного удовольствия пришли, чтобы музыкальную часть послушать, а ты в кабинет!.. — восклицает белокурый купец. — Нет, брат, уж ты веди нас

к самому органу, да около него и столик нам спроворь. Мы из-за органа-то нарочно жен сюда от балаганов привели.

— Пожалуйте... Есть стол около самого органа, — говорит лакей и ведет их в большую залу.

Пары усаживаются за столом около органа. Лакей стоит в вопросительной позе.

— Прежде всего чайку... — отдает приказание черноволосый купец. — Да поставь вал с колоколами. Там у вас с колоколами опера есть.

— Слушаю-с... С чем чай прикажете?

— Да нам-то можно с хмельной сыростью. Изобрази коньячку графинчик... А дамам со сливками, да собери этой самой кондитерской грызни по части сухоедения. Понял?

— Понял-с...

Лакей сверкнул фалдами фрака.

— Постой!

— Что прикажете?

— Мы там у швейцаров шубы оставили. Четыре шубы. Сохранны они будут?

— Помилуйте... Как же-с... Завсегда сохранны... Ведь под номер оставили.

— Нет, я к тому, чтобы не переменили как-нибудь по ошибке. Шубы-то у нас ведь очень дорогие...

Будьте покойны-с... У нас никогда...

Лакей побежал.

— Ведь сомнение ты на меня навела насчет шуб-то... — заметил своей жене черноволосый купец. — Действительно, ежели все четыре шубы взять вместе — больше трех тысяч стоят.

— Что ты! Что ты! И все четыре тысячи с походцем... — сказал белокурый купец. — Женина бархатная ротонда на чернобурых лисах полторы тысячи стоит, да мои ильки с бобром восемьсот пятьдесят. Вот тебе уже две тысячи триста пятьдесят. Ваша шуба, Анна Афанасьевна, сколько дадена? — спросил он востроносенькую даму.

— Девятьсот тридцать, да и то по знакомству.

— Ну, будем считать тысячу... Значит, три тысячи триста пятьдесят. Ну, а твоя шуба? — обратился белокурый купец к черному.

— Мои ильки и бобры далеко лучше твоих. Они больше

тысячи.

— Да... Как сказал, что четыре тысячи с походом, так и вышло. Четыре тысячи триста... Шутка! Ведь это капитал. Домишко можно купить. Конечно, я не думаю, что их украдут, но ведь обменять могут как-нибудь по ошибке.

Востроносенькая дама вспыхнула.

— Что вы, Петр Захарыч! Вы меня пугаете! — проговорила она.

— Впрочем, нет... — успокаивал себя белокурый купец. — Здесь около вешалок народ аккуратный. И наконец, у нас номер от шуб.

— Да ведь номер-то один, а шуб-то под него сдано четыре, — возразил черный купец. — Чем докажешь, что мы четыре сдали?

— Ну, Бог милостив, — сказала востроносенькая дама.

Подали чай. Мужчины начали пить с коньяком, дамы пили со сливками и грызли чайное печенье. Орган так и гремел.

— Какова машина-то, Анна Афанасьевна? что твой оркестр кавалергардов! — *сказал востроносенькой даме белокурый купец.

— Ну вас... Мне после ваших шубных слов и машина не в машину, — отвечала та. — Такое мнение, что просто ужаси.

— Да... — задумчиво протянул черный купец. — И дернула нас нелегкая в парадных гулевых шубах в трактир идти! Ведь целый капитал незнакомым персонам поверили!

— Надо бы там не раздеваться, а сюда в шубах войти, да здесь их перед своими глазами и положить на стульях, — заметила курносенькая дама.

— В том-то и дело, что здесь в комнаты в шубах не впускают, а такое облаковение, что раздевайся у швейцара, — отвечал белокурый купец.

— Ну, что тут! Авось и не подменят! Двинем по рюмочке коньячишку гольем! — предложил черный купец.

— Не пьется, брат, что-то... Все шубы на уме. Не пойти ли разве в швейцарскую, да не посмотреть ли, целы ли? Будто за носовым платком. Будто носовой платок в кармане забыл.

— Конечно же, сходи. Все спокойнее...

Белокурый купец встал с места и отправился в швейцарскую.

— Ах, дай-то Бог, чтобы все было цело! Ведь капитал...
Четыре тысячи... — проговорила востроносенькая дама.

Белокурый купец вернулся.

— Ну, что?

— Все цело. Все в порядке... Я даже пересчитал... Все четыре шубы.

— Ну, слава Богу.

Мужчины выпили по рюмке коньяку. Начался разговор о балаганах.

— Как это удивительно у Берга в балагане этого самого арлекина режут, — начала курносенькая дама. — На три части разрубили. Ведь не может быть, чтобы это живого человека...

— Ну вот! Конечно же, куклу. Живых-то разве напасешься? — возразил муж. — По семи представленьев в день — семь арлекинов. Ну, статочное ли дело? Да и не позволят.

— Отчего же не позволят, ежели они разрежут, а потом склеят?

— Все-таки было бы мученье человеческой чувственности. Нет, тут публике глаза отводят, а взамен живого человека куклу подсовывают.

— Да ведь мясо красное в разрезе-то видно даже, так как же куклу?

— Нет, тут, должно быть, они покойников из больниц набирают, да их и режут на части, — отвечал черноволосый купец.

Белокурый купец вздыхает.

— Однако, арлекин-арлекином, а шубы-то шубами, — сказал он. — Хоть я и посмотрел их давеча, а ведь могли их уж и после переменить. Сходил бы теперь ты, да посмотрел, целы ли они. Будто за портсигаром в карман, который якобы там забыл, — обратился он к черному купцу.

— Действительно, лучше сходить да посмотреть, — согласился тот и прибавил: — Ведь такие парадные шубы только раз в жизни и шьешь себе.

Черный купец отправился в швейцарскую и через несколько времени вернулся.

— Целы, — сказал он и предложил: — Не выпить ли лафитцу?

— Лафитцу отлично... Давно я воображала о нем, да вот

шубы-то... Разве уж на скорую руку, согласился белокурый купец. — Человек!

— Примажьте уж и нам две порции мороженого, — сказали дамы.

— Можно! Человек! Бутылку лафиту в два рубля и две порции мороженого, — приказал черный купец.

Лакей побежал за требуемым. Белокурый купец задумался и чесал затылок.

— Что ты?

— Да все о шубах. Ты когда ходил портсигар-то искать, видел и свои и наши шубы?

— Видел, все четыре шубы, а ваши ли они или чужие — почем я мог заметить! Я свои шубы знаю, а ваши не знаю.

— Так как же быть-то?.. — еще больше задумался белокурый купец. — Тогда уж лучше не идти ли нам домой без лафита и без мороженого?

— Да, конечно, будет спокойнее... — согласились дамы.

— Человек! Поди сюда! — крикнул черный купец. — Не надо лафиту и мороженого. Сколько с нас за чайное и коньяковое удовольствие?

Лакей сказал. Счет был заплочен. Купеческие пары поднялись с мест и направились в швейцарскую.

— Господи! Хорошо кабы все было цело... — шептала курносенькая дама.

Шубы были целы и не подменены. На радости купцы дали за сохранение их целый рубль.

— Ведь и верные люди здесь, а и у верных людей может случиться ошибка, — говорил белокурый купец, сходя с лестницы.

— Фу! как гора с плеч теперь свалилась! — Прибавил черноволосый купец. — Нет, в другой раз будем умнее и в парадных шубах по трактирам шленды бить не станем, — закончил он.

1885 г.

Указатель имен

Авилова Л.А.	71, 72	Бродский И.А.	63
Агнивцев Н.	79	Брубек Д.	103
Александр II	40, 75	Брюсов В.Я.	71
Алексеев	22	Бузаратов А.И.	74
Алескеров М.А.	52	Булгарин Ф.В.	25
Алсу	96	Бунин И.А.	86
Алянский Ю.	30	Бутлеров А.М.	72
Андреевский И.Е.	72	Бэнзингер Э.	94
Андрие	25	Бюлер Ф.Ф.	52
Аничков М.О.	5, 6		
Анна Павловна	67	Вайкуле Л.	111
Апраксина М.Д.	37	Васильевы, бр.	101
Арончик А.Б.	42	Вейнберг П.И.	72
Ассоргин (Осоргин)	11	Вензель Е.П.	62
Ахеджакова Л.	111	Вернье Ж. (Э.Ю.)	66
		Виельгорские	14
Баваньоли М.	89, 90	Викторов Ф.А.	44
Байковы	39	Вильбоа К.П.	16
Бальдини Д.	89	Власов А.А.	47, 48
Банухин М.М.	74	Власов Ф.	67
Барбазан Ан.А.	8	Вольтер	12
Барбазан Ал.А.	8	Воронецкая Т.С.	56
Барбазан А.К.	8, 11, 15, 63	Воронин	69
Барбазан Ф.А.	8	Всеславин А.А.	43
Бауман	39	Вяземский С.Я.	56
Беккер	103		
Белый А.	87	Галкин М.	96
Бем Ф.Л.	67	Галочкин В.К.	105
Бернгард Р.Б.	41	Гардин В.Г.	101
Берников	19	Геккер В.Ф.	31
Бещев	66	Глазунов А.К.	87
Блок А.А.	71, 87	Глинка М.И.	11, 15-17, 97
Блюмин Я.	56	Глинка С.С.	13
Богданов К.С.	38	Глюк	39
Богданов Н.И.	41	Гозе И.И.	69
Бочагов	74	Гоголь Н.В.	26
Боярский М.С.	63	Гольштейн П.А.	49
Бродович Ч.Г.	81, 91	Горбовский Г.	58

Горбунов И.Ф.	68	Задорин А.	105
Горький М.	64, 80	Захарченко К.Н.	67
Готлиб Ю.	49	Звягин М.	57
Гребенщиков Б.Б.	63, 111	Зеренсен К.	67
Григорович Д.В.	86	Зимин А.	48
Григорьев А.	24	Зудин П.С.	46, 47
Груздев	74		
Губелини	90	Игнатов Н.	44
Губкин	19	Игнатъев М.И.	74
Гуслистая М.Н.	65	Иенсен Д.И.	40
Гуслистый	65		
Гюбнер А.	76	Казабианки В.	89
Гюго В.	25	Калмыкова	80
		Калугин А.А.	22
Давыдов	85	Калугин А.Ф.	22
Давыдова	80	Калугин Ф.А.	22
Даянов Р.М.	94	Калугина О.А., см. Палкина О.А.	
Дегаев С.П.	72	Каплан Л.Б.	105
Депардье Ж.	*109	Каплун	39
Державин М.	96	Капустин В.В.	49
Дериаторша М.Ф.	8	Кант Э.	12
Дмитриев	66	Карандин	39
Довлатов С.Д.	63	Каратыгин В.А.	26
Донон	50	Карелин	19
Достоевская А.Г.	72	Карл X	13
Достоевский Ф.М.	67, 70-72	Карл XVI Густав	96
Дружинин А.В.	71	Каспаров Г.К.	96
Дубровин Н.Ф.	46	Кауфман М.Л.	91
Дюме	25	Кейзер А.К.	68
Дюнтц Р.Ф.		Кехрибарджи П.Е.	70
Дягилев С.П.	47	Кисин Е.	103
		Китаев А.	110
Екатерина II		Климков С.Я.	67
Елисеев Г.П.	74, 75	Климов И.И.	67
Ермаков	39	Кобзон И.Д.	111
		Когэн Н.К.	49
Жерихин Л.Д.	46, 47, 74	Комисин В.	107, 109
Животов Н.	33	Конечский Б.И.	88
Жуков В.Г.	11, 14-17, 30, 38, 63	Кони А.Ф.	13, 22
Жулев Г.Н.	66	Кононов И.А.	49

Конради Д.	110	Лутковский И.В.	74
Консолини Э. де С.	90	Львов В.П.	41
Корнилов В.С.	75	Любимов	74
Корнилов П.С.	75	Луначарский А.В.	101
Корытников М.Н.	27		
Котов Л.В.	90	Макаревич А.	111
Крестовский В.В.	71	Мамин-Сибиряк Д.Н.	86
Кропоткин П.А.	39	Манелис Ю.	110
Круглов Ф.А.	66	Маньковская С.Е.	69
Кршижановский Е.И.	56	Маньковский С.Н.	69
Кувшинников Н.	8	Мария Федоровна, императрица	38
Кувшинникова Н.М.	8	Маркс К.	72
Кузнецов	39	Мартынов А.Е.	26
Кузьмин В.М.	91	Мартыновский С.И.	42
Куприн А.И.	85, 86	Медведев А.	110
Куприна-Иорданская М.К.	85, 86	Мей Л.А.	23
Куракин А.Б.	5	Мелин Л.Ф.	84
Курехин С.А.	63	Мелцль	16
Курис	57	Менделеев Д.И.	71
Курочкин В.С.	71	Меншуткин	39
Кучма Л.	96	Миссуро	39
Кшесинская М.Ф.	47	Михайлов А.Д.	42
Кюба П.	47, 50	Михайлов Г.В.	102, 105
		Михалков Н.С.	94, 111
Лазарев К.	12	Михнов-Войтенко Е.Г.	56, 58
Лазутин	39	Морал	12
Лагутенко И.	96	Мордовцев Д.Л.	72
Легран М.		Морозов П.Ф.	43, 44, 49, 50
Лейкин Н.А.	78	Мусоргский М.П.	86
Лейн	39		
Ленин В.И.	87	Набилков В.В.	66, 69
Леонова Д. М.	16	Набилковы	66
Леонтьев-Щеглов И.Л.	32, 33, 71	Надсон С.Я.	33
Лесков Н.С.	68, 74, 85	Наполеон	12
Лесников	38	Нартова П.	97
Лисенков И.Т.	83	Нахимсон С.М.	51
Лихачев В.И.	74	Некрасов Н.А.	12, 13, 71, 76, 97
Лихачев	75	Немиров Н.П.	91
Лопатин Г.А.	72	Немирова А.И.	67
Луговкин Д.М.	50	Нижинский В.Ф.	47

Никифоров	39	Пестриков В.Е.	43, 44, 49, 50
Николай I	14	Петр I	7
Норрис Ф., см. Дегаев С.П.		Петр Алексеевич, см. Дегаев С.П.	
		Петров С.П.	30, 31
Орбакайте К.	96	Петрова М.В.	91
Орейро Н.	96	Петровы	31
Орлов	74	Пешкова Е.П.	80
Осоргин, см. Ассоргин		Пильский П.	87
Островский А.Н.	84	Плаксин А.А.	81
		Плещеев А.А.	85
Палкин 3, 4, 18-20, 23, 24,		Поливанов, см. Михайлов А.Д.	
26-28, 32, 33, 34, 68-73, 76, 78,		Политковский Ф.С.	31
80, 84, 86-88		Половцов А.А.	83
Палкин А.С.	19	Полосухин К.Н.	91
Палкин К.П. 21, 22, 27, 28,		Полуэктов А.С.	69
64, 67, 74, 75, 78, 105-107, 109		Помяловский И.В.	83
Палкин П.В.	20, 22	Попова	80
Палкин П.К.	21, 78	Потапенко И.Н.	71
Палкин Я.В.	* 21	Прокофьев С.С.	52
Палкина А.А.	21	Пугачева А.Б.	103
Палкина В.К.	78	Пушкин А.С.	14, 26
Палкина Е.К.	78	Пыляев М.И.	83
Палкина О.А.	22, 78		
Палкины	18, 21, 64	Райкин К.А.	96, 111
Панаев И.И.	26	Рамазотти Э.	96
Пантелеев Л.Ф.	31	Ратьков-Рожнов А.А.	67
Париков К.К.	74	Ратькова-Рожнова А.Н., см. Пас-	
Парфенов Л.	111	кова А.Н.	
Пасенкова	19	Рейн Е.А.	63
Пасков И.Н.	65	Репин И.Е.	64
Пасков Н.С.	65	Римский-Корсаков Н.А.	87
Пасков Ф.Н.	65	Риттер К.	95
Паскова Ал. А.	65	Рихтер	20
Паскова Ан. А.	65, 67	Ришар П.	96
Паскова А.П.	65	Родионов А.М.	105
Паскова Е.Н.	65	Розен Б.А.	49
Пасова Л.Н.	65	Романов Дм. Дм.	111
Паскова М.Н.	65	Ротин И.И.	38
Паскова-Шарапова	65	Ротин П.И.	31, 34, 38, 39
Першин И.Ф.	52	Ротин Ф.И.	38, 39

Ротины	38	Талон	25
Рубен П.И.	101	Тальони М.	84
		Таманти С.	90
Саблин Н.	42	Тарасов С.	89
Садовников В.С.	20	Татищев С.С.	83
Салтыков-Щедрин М.Е.	18,	Таубе	22
23, 24, 71		Темирканов Ю.Х.	103
Сантис М.Л.	16	Терпигорев С.Н.	85
Серебряков А.К.	41	Тимофеева В.В.	70
Серебрякова М.Т.	67	Томсон К.К.	67
Серов А.Н.	16	Токсиль А.	42
Серов М.И.	45	Топоров В.Л.	62
Сильвия, королева	96	Траншель Г. (А.И.)	69
Синдаловский Н.А.	5	Трезини	7
Скрягин А.Г.	56	Трепов Ф.Ф.	28
Слепцов В.А.	84	Трефилова В.А.	84
Смоктуновский И.М.	63	Троепольский	10
Соболев Ю.	103	Троянский П.Н.	87
Соковнин Н.В.	8	Труворов А.Н.	67
Соковнина М.И.	8	Тюленин С.	38
Соколов А.	74		
Соловьев В.И.	69, 78,	Уланова Г.С.	52, 97
80, 83, 84, 90, 91		Успенский М.И.	27
Соловьев Н.В.	80, 83, 84	Ушаков В.А.	38
Соловьева В.И.	91	Ушаков А.М.	34, 35, 37, 63
Соловьева Е.В.	80, 81		
Соловьева Л.В.	81	Фадеев В.И.	48
Соловьева П.	81	Фейертаг В.Б.	
Стасов В.П.	10-12	Фесенко-Навроцкий	42
Стасов Д.В.	16	Филотей Я.И.	90
Стасюлевич М.М.	72	Фишер К.М.	74
Столпянский П.Н.	24	Фишер Л.М.	74
Строев Н.В.	23	Фохт	39
Стюарт М.	12	Фохт А.И.	30
Суворов А.В.	16	Фохт И.Я.	30
Сукач Н.В.	56	Фохт Я.	30
Суриков В.И.	31, 97	Франклин Б.	12
Сысоев П.И.	57		
Сюзор П.Ю.	39, 40, 94, 97	Харламов В.Ф.	83

Хванова А.Ф.	44	Шляпников А.Г.	51
Хейн А.Ф.	31	Шмонькин А.	105
Хренов А.С.	21, 90, 91	Шредер	20
Цылов Н.	14, 65	Шрейбер В.А.	76, 78
Чайковский П.И.	71, 87	Штаас О.	95
Чаплин В.В.	43	Штритер А.Ф.	67
Чехов А.П.	32, 33, 71, 72, 86, 97	Шуберт К.Б.	16
Чехов М.П.	71	Шульт Ж.	12
Чириков	11	Щербина Н.Ф.	23
Чубайс А.Б.	96	Эггерт К.В.	101
Шаляпин Ф.И.	47	Эдельсон Е.Н.	66
Шаховская З.П.	9, 11	Эйленкри Ю.И.	56
Шварц Е.Л.	91	Энгельгардт В.П.	16
Шевчук Ю.Ю.	63	Яблонский, см. Дегаев С.П.	
Шемякин М.М.	63	Янков А.Д.	8
Шестакова Л.И.	16, 17	Cubat, см. Кюба П.	
Шинделар Б.И.	79	De Santis, см. Сантис М.Л.	
Ширвиндт А.	96	Talon, см. Талон	
Шишкин С.А.	91		

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	64
Глава 5	93
Глава 6	100
Примечание	112
Приложение 1	119
Приложение 2	120
Указатель имен	125

Издательство ОСТРОВ выпустило книгу доктора исторических наук А.З. Ваксера «Ленинград послевоенный. 1945–1982 гг.». Первоначальное название книги «От Победы к тупику». Автор использовал ранее закрытые архивные материалы, а также сведения, опубликованные в литературе и периодической печати за этот период. При этом ему впервые в исторической науке удалось создать целостную картину эволюции Ленинграда, как сложнейшего комплекса взаимосвязанных аспектов: политики, экономики, науки, образования, культуры и т.д.

Анализируя приводимые данные, автор рисует реальную картину движения нашего города от Великой Победы 1945 года к предкризисной ситуации, вызвавшей коренные изменения в жизни Ленинграда (Санкт-Петербурга) и всей страны.

А.З. Ваксер заканчивает книгу следующими словами: «Историк подобен картографу. Чем точнее карта, тем вернее по ней возможно проложить дорогу в настоящем и путь в будущее». В этом смысле книга «Ленинград послевоенный» является незаменимым пособием для тех, кто, не забывая прошлое, думает о будущем.

Научно-популярное издание
Игорь Алексеевич Богданов
На углу всех улиц

На обложке рисунки М.Г. Ермолиной
Редактор Л.И. Амирханов
Корректор Н.П. Иванова
Компьютерная верстка Л.В. Москалевой

Подписано в печать 11.11.2005 г. Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «New Journal». Печать офсетная.
Тираж 1300 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии С-Принт
199026, Санкт-Петербург, 19-я линия ВО, 24